ISSN 2414-5815

ПРАВО
ЭКОНОМИКА
ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№ 4(24)

2021

ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2021 № 4(24)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:
А.А. Бочков (*ответственный за раздел «Право»*),
Э.В. Павлыш (*ответственный за раздел «Экономика»*),
С.Л. Богомаз (*ответственный за раздел «Психология»*),
В.Н. Бибило, А.В. Бугаев, Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич, П.В. Гурщенков, Д.М. Демичев, А.Г. Егорова, В.С. Елисеев, Т.В. Казак, Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова, С.В. Лауткина, Г.В. Лосик, А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик, Л.Ф. Трацевская, И.А. Фурманов, И.И. Шматков, В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:
Т.В. Воронович (*Беларусь*), С.А. Трахименок (*Беларусь*), В.М. Хомич (*Беларусь*), Ю.Н. Карандашев (*Польша*), Т.В. Сенько (*Польша*), В.А. Моляко (*Украина*), Н.А. Адамов (*Россия*), Л.В. Винницкий (*Россия*), Р.А. Курбанов (*Россия*), В.А. Мазилов (*Россия*), К.В. Павлов (*Россия*), А.И. Савенков (*Россия*), С.М. Шингаев (*Россия*)

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридической, экономической и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Заборовский В.В. Понятие и виды запретов в профессиональной деятельности адвоката 3

Гуминский М.Н. Понятие и содержание системы административно-правовых средств борьбы с правонарушениями в сфере незаконного оборота наркотиков 9

Самотошенкова К.А. Заключение договора купли-продажи жилых помещений в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ 14

Куневич Г.Г. Общественные слушания как форма участия населения в осуществлении местного самоуправления 19

ЭКОНОМИКА

Богатырёва В.В., Капусто А.В., Костюкова С.Н., Шарпило М.В. Деловые игры как инструмент развития экономических компетенций молодежи 26

Клименко В.А., Фаузер В.В., Сергиевич Т.В. Факторы перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта 35

Солодовников С.Ю. Расширение белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0: факторы и риски 44

Уласевич Ю.В., Русак И.Н. Особенности становления и развития неформальной экономики в Республике Беларусь 52

Янкевич Е.М. Оценка социально-экономических эффектов формирования региональной туристической дестинации 59

Шматков И.И., Янчук В.А. Интеграция Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство и Евразийский экономический союз: этапы развития и проблемы взаимодействия 69

ПСИХОЛОГИЯ

Янчук В.А., Богомаз С.Л. Метатеория: социокультурно-контекстуальная интердетерминанта диалогизма М.М. Бахтина 79

Фурманов И.А. Агрессивность осужденных за сексуальные и несексуальные преступления как предиктор насильственных аттитюдов в отношении женщин 84

Shmurakova M.E., Soveiko E.I., Miying Yang The Influence of Information Technologies on Adolescent Personality Traits 92

Гайдич О.П. Особенности внимания и памяти у учащихся 8 лет в различных учебных ситуациях 97

Лауткина С.В., Tatmi П.С. Использование информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности педагога-психолога 102

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2021 № 4(24)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:
V.V. Bogatyreva

Editorial Board:
A.A. Bochkov (*in charge of the Law Studies section*),
E.V. Pavlysh (*in charge of the Economics Studies section*),
S.L. Bogomaz (*in charge of the Psychology Studies section*),
V.N. Bibilo, A.V. Bugayev, E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich, P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev, A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak, T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova, S.V. Lautkina, G.V. Losik, A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenschik, L.F. Tratsevskaya, I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov, V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva

Editorial Counsil:
T.V. Voronovich (*Belarus*), S.A. Trakhimenok (*Belarus*), V.M. Khomich (*Belarus*), Yu.N. Karandashev (*Poland*), T.V. Senko (*Poland*), V.A. Moliako (*Ukraine*), N.A. Adamov (*Russia*), L.V. Vinnitski (*Russia*), R.A. Kurbanov (*Russia*), V.A. Mazilov (*Russia*), K.V. Pavlov (*Russia*), A.I. Savenkov (*Russia*), S.M. Shingayev (*Russia*)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

Zaborovski V.V. The Concept and Types of Prohibitions in the Professional Activities of a Lawyer 3

Huminski M.N. The Concept and Content of the System of Administrative and Legal Ways of Combating Offences in the Sphere of Drug Trafficking 9

Samotoshenkova K.A. The Contract of Residential Premises Sale in the Republic of Belarus and the Russian Federation: a Comparative Legal Analysis 14

Kunevich G.G. Public Hearings as a Form of Population Participation in the Implementation of Local Self-Government 19

ECONOMICS

Bogatyreva V.V., Kapusto A.V., Kostiukova S.N., Sharpilo M.V. Business Games as a Tool for the Development of Young People's Economic Competences 26

Klimenko V.A., Fauzer V.V., Sergiyevich T.V. Factors of Transition to the Sustainable Development of Small and Medium Size Cities of the Republic of Belarus Under the Conditions of Agglomeration Effect ... 35

Solodovnikov S.Yu. Expansion of Belarusian-Romanian Technological Cooperation in the Context of the Transition to Industry 4.0: Factors and Risks 44

Ulasevich Yu.V., Rusak I.N. Features of Shaping and Maturation of Informal Economy in the Republic of Belarus 52

Yankevich E.M. Assessment of Social and Economic Effects of Shaping a Regional Tourist Destination 59

Shmatkov I.I., Yanchuk V.A. Integration of the Republic of Belarus and the Russian Federation Into the Union State and the Eurasian Economic Union: Stages of Development and Problems of Interaction 69

PSYCHOLOGY

Yanchuk V.A., Bogomaz S.L. Metatheory: the Social-Cultural and Contextual Determinant of M.M. Bakhtin's Dialogism 79

Furmanov I.A. Aggressiveness of the Sentenced for Sexual and Non-Sexual Crimes as a Predictor of Violent Attitudes Towards Women 84

Шмуракова М.Е., Совейко Е.И., Мин Ян Влияние информационных технологий на личностные качества подростков 92

Gaidich O.P. Features of Eight Year Old Students' Attention and Memory in Various Learning Situations 97

Lautkina S.V., Tatti P.S. Use of Information and Communication Technologies in Professional Work of the Psychologist Teacher 102

УДК 347.965

Понятие и виды запретов в профессиональной деятельности адвоката

Заборовский В.В.
Государственное высшее учебное заведение «Ужгородский национальный университет»

Данная научная работа посвящена раскрытию проблемных вопросов, связанных с определением сущности и практической реализацией запретов в профессиональной деятельности адвоката, которые хотя и не относятся к структурным элементам правового статуса адвоката, но оказывают существенное влияние на всю адвокатскую деятельность.

Цель статьи – теоретико-прикладное исследование различных подходов ученых, а также положений нормативных актов по раскрытию правовой природы запретов в адвокатской деятельности и сущности некоторых из ее видов.

***Материал и методы.** Исследование проводилось с применением диалектического метода познания правовой действительности, что предоставило возможность проанализировать сущность запретов, которые присущи адвокатской деятельности, тогда как использование системно-структурного метода позволило определить общую структуру работы, что способствовало надлежащему раскрытию задач исследования по выяснению содержания основных запретов адвокатской деятельности и практических проблем их реализации.*

***Результаты и их обсуждение.** В статье было определено соотношение понятий «обязанность» и «запрет» в контексте профессиональной деятельности адвоката. Проведен анализ законодательно закрепленных запретов, которые имеют определяющее влияние на всю адвокатскую деятельность в целом.*

***Заключение.** На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что запреты в профессиональной деятельности адвоката, хотя и не являются непосредственно структурными элементами правового статуса адвоката (по своей сути служат определенными негативными дополнениями к профессиональным обязанностям), имеют большое практическое значение, поскольку фактически предусматривают конкретные специальные ограничения, направленные, в частности, на защиту интересов клиента путем предотвращения злоупотреблений адвокатом своим профессиональным статусом.*

***Ключевые слова:** адвокат, адвокатская деятельность, правовой статус адвоката, запреты в профессиональной деятельности адвоката.*

The Concept and Types of Prohibitions in the Professional Activities of a Lawyer

Zaborovski V.V.
State Higher Education Establishment "Uzhhorod National University"

This scientific study concerns itself with the disclosure of problematic issues related to the definition of the essence and the practical implementation of prohibitions in the professional activities of a lawyer, which, although not related to the structural elements of the legal status of a lawyer, have a significant impact on all advocacy.

The purpose of the work is a theoretical and applied study of various approaches of scientists, as well as the provisions of normative acts on disclosing the legal nature of prohibitions in advocacy and the essence of some of its types.

***Material and methods.** The study was carried out using the dialectical method of legal reality cognition, which made it possible to analyze the essence of the prohibitions inherent in advocacy, while the use of the system-structural method made it possible to determine the general structure of the work, which contributed to the proper disclosure of the research objectives to clarify the content of the main prohibitions of advocacy and practical problems of their implementation. To achieve the goal, the author applied methods characteristic of legal science.*

***Findings and their discussion.** The article defines the relationship between the concepts of "duty" and "prohibition" in the context of a lawyer's professional activities. The analysis of the legislatively enshrined prohibitions, which have a decisive influence on all advocacy in general, is carried out.*

***Conclusion.** Based on the study, the author comes to the conclusion that prohibitions in the professional activities of a lawyer, although they are not directly structural elements of the legal status of a lawyer (in their essence, they are certain negative additions to professional duties) are of great practical importance, since they actually provide for certain special restrictions , aimed, in particular, at protecting the interests of the client by preventing a lawyer from abusing his professional status.*

***Key words:** lawyer, advocacy, the legal status of a lawyer, prohibitions in the professional activities of a lawyer.*

На адвокатуру как институт гражданского общества возлагается важная обязанность по созданию условий реализации прав и свобод человека и гражданина. В то же время возможность их надлежащей реализации напрямую зависит от комплекса прав, обязанностей, гарантий и ответственности, совокупность которых и составляет правовой статус адвоката [1]. Соответствующий комплекс структурных элементов правового статуса адвоката создает предпосылки для оказания правовой помощи на профессиональной основе, которая служит для отграничения статуса адвоката от других поставщиков правовой помощи (правовых услуг).

Цель статьи – теоретико-прикладное исследование различных подходов ученых, а также положений нормативных актов по раскрытию правовой природы запретов в адвокатской деятельности и сущности некоторых из ее видов.

Материал и методы. Исследование проводилось с применением диалектического метода познания правовой действительности, что предоставило возможность проанализировать сущность запретов, которые присущи адвокатской деятельности, тогда как использование системно-структурного метода позволило определить общую структуру работы, что способствовало надлежащему раскрытию задач исследования по выяснению содержания основных запретов адвокатской деятельности и практических проблем их реализации.

Результаты и их обсуждение. Структурным элементом правового статуса адвоката, наряду с его правами, который рассматривается как исходный и общепринятый такой элемент, есть обязанности адвоката. Адвокат в любой своей деятельности, в том числе и в повседневной жизни, должен неукоснительно соблюдать обязанности, которые на него возлагает профессия. Необходимость существования обязанностей как элемента такого статуса обусловлена, прежде всего, потребностью защиты интересов клиента адвоката и обеспечения надлежащего уровня предоставления последним профессиональной юридической помощи. Именно с этой целью, помимо профессиональных обязанностей, на адвоката возлагаются и определенные запреты.

Что касается соотношения понятий «обязанности» и «запреты», то мы разделяем позицию ученых, которые исходят из того, что они не выступают в качестве синонимов, поскольку «запреты не являются обязанностями как таковыми, а есть некоторыми необходимыми негативными дополнениями к ним, которые накладывают на реализацию защитником своей функции, своего профессионального долга соответствующие приписываемые ограничения» [2, с. 110]. Необходимость существования запретов в профессиональной деятельности адвоката имеет большое практическое значение, поскольку эти своего рода специфические ограничения, направленные на защиту прав человека и гражданина, в первую очередь защищают их от всякого рода злоупотреблений со стороны недобросовестных лиц, получивших статус адвоката [3].

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 21 Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» [4] адвокату запрещается использовать свои права вопреки правам, свободам и законным интересам клиента. Принцип приоритетности интересов клиента раскрывается в ст. 8 Правил адвокатской этики [5], согласно которой в рамках соблюдения принципа законности адвокат обязан в своей профессиональной деятельности исходить из преимущества интересов клиентов перед своими собственными интересами, интересами коллег, партнеров, сотрудников, законных представителей клиентов или их опекунов, попечителей и других лиц, а также перед любыми другими соображениями.

Касательно принципа приоритетности интересов клиента в отношениях адвоката с судом заслуживает внимания следующий вопрос: если не все интересы клиента адвоката определены законом и закреплены в его субъективных правах, принцип приоритетности распространяется на все интересы клиента или только на законные? [6, с. 10].

Осуществляя свою профессиональную деятельность, адвокат должен учесть, что пока не установлена истина и это не закреплено в соответствующем решении суда, то невозможно определить, правомерен интерес клиента или нет. Как справедливо отмечает Т.Б. Вильчик, до момента вынесения решения «адвокат обязан руководствоваться презумпцией законности интересов подзащитного» [7, с. 151]. В контексте нашего исследования заслуживает внимания и позиция тех ученых, которые исходят из того, что «стремление обвиняемого защищаться от обвинения (его материальный интерес) всегда законно (желание обвиняемого уйти от ответственности является его законным интересом, а незаконными могут быть лишь те или иные средства защиты» [2, с. 112]. При оценке с юридической точки зрения действий адвоката, как отмечается во многих решениях ЕСПЧ, необходимо учитывать особую функцию адвокатуры и ее роль в правовой системе государства, прежде всего, «в защите прав и законных интересов клиента именно законными способами и средствами, а также в стремлении к осуществлению правосудия» [8, с. 8].

Указанное дает возможность прийти к выводу, в соответствии с которым, придерживаясь принципа приоритетности интересов клиента в отношениях адвоката с судом, адвокат должен учесть, что интересы клиента находятся вне его контроля, тогда как способы защиты, которые должны использоваться адвокатом для достижения благоприятного результата для клиента, выбираются им самим, а потому априори должны быть законными.

Связанным с вышеобозначенным профессиональным запретом адвоката является и запрет адвокату занимать по делу позицию вопреки воле клиента, кроме случаев, если адвокат уверен в самооговоре клиента (п. 1 ч. 2 ст. 21 Закона).

Подобной позиции придерживается и белорусский законодатель, который фактически объединяет два указанных запрета, исходя из того, что адвокат не вправе действовать вопреки интересам клиента, занимать правовую позицию, не согласованную с ним, за исключением права адвоката в случае признания вины клиентом оспаривать такое утверждение и просить об оправдании или прекращении уголовного преследования (ч. 3 ст. 18 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» [9]).

Мы согласны с утверждением А.Г. Кучерены, который под определением «позиция адвоката» понимает «субъективное мнение адвоката относительно сущности и характера того дела, с которым физическое или юридическое лицо обратилось к адвокату, а также намерения адвоката по конкретным действиям, которые он предполагает принять по защите прав, свобод и интересов своего доверителя» [10, с. 1191]. Кроме того, ученый отмечает, что адвокат должен всегда иметь четкую позицию, согласно которой он будет строить всю свою дальнейшую работу, а потому ее выбор и обоснование считаются основным этапом оказания правовой помощи. Такая позиция, по утверждению М.В. Ходилиной (у нее это сложившееся мнение адвоката о фактических обстоятельствах дела), основана на имеющихся доказательствах и интересах доверителя, которые обусловлены его процессуальным положением в деле [11].

Проведенное исследование сущности процессуального положения адвоката (или представителя, или защитника) [12] дало нам возможность сделать вывод, что деятельность адвоката наряду с его профессиональной независимостью характеризуется и процессуальной самостоятельностью, которая имеет относительный характер. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, адвокат наделен правом самостоятельно выбирать способы и средства оказания помощи своему клиенту, а с другой – такие способы и средства должны быть основаны на положениях закона. Вместе с тем адвокат должен учитывать и действие принципа приоритетности интересов клиента, но не забывать и о том, что закон и нравственность в его профессиональной деятельности выше, чем воля его клиента.

Считаем возможным согласиться с утверждением Т.Ю. Демчиной, согласно которому самостоятельность позиции защитника по отношению к обвиняемому допускает расхождение точек зрения адвоката и обвиняемого по различным вопросам, но она не может приводить к кардинальным разногласиям между основными позициями адвоката и обвиняемого, что придавало бы защите формальный характер [13]. Такие расхождения могут касаться выбора адвокатом способов, тактики, методики осуществления своей профессиональной деятельности, но он должен всегда помнить, что «высказывание, согласно которому “клиент всегда прав” для адвоката должно носить характер императива и не ставиться под сомнение» [14, с. 17].

Мы подвергаем сомнению мнение тех ученых, которые исходят из возможности занятия адвокатом самостоятельной правовой позиции, отличающейся от позиции своего клиента, которая, как отмечает И.З. Коробов, воспринимается как коллизия правовых позиций подзащитного и защитника или применяется термин «коллизионная защита» [15, л. 35]. В противном случае возможно наступление ситуации, на которую обращает внимание И. Резниченко. Так, ученый констатирует, если клиент не признает себя виновным, его интерес в вынесении оправдательного приговора, безусловно, законный, поскольку закон не обязывает подсудимого признавать свою вину независимо от того, совершил или не совершил он преступление, которое вменяется ему в вину. Исследователь справедливо указывает, что клиент вправе рассчитывать на всестороннюю помощь адвоката, независимо от того, считает адвокат его позицию обоснованной или необоснованной, а потому «ссылки адвоката на смягчающие обстоятельства и даже просьбы о переквалификации приобретают не защитный, а обвинительный характер: клиент отрицает свою вину, защитник же не отрицает, а, наоборот, признает ее, клиент просит вынести оправдательный приговор, а адвокат – обвинительный» [цит. по: 16, с. 54]. Учитывая, что интересы адвоката не могут отличаться от интересов его клиента, по нашему мнению, их позиции должны быть солидарными.

Единственное исключение из этого правила возможно тогда, когда адвокат уверен в самоого-

воре своего клиента. В юридической литературе самооговор рассматривается как «предоставление лицом ложной информации о совершении им самим преступления, административного правонарушения или дисциплинарного проступка» [17, с. 210]. Также отмечается, что самооговор может иметь место в случаях, когда «лицо желает защитить близкого ему человека от привлечения к различным видам ответственности, скрыть совершение более тяжкого деяния, чем это было в действительности, а также по другим мотивам» [16, с. 55]. Но в данной ситуации мы в полной мере разделяем мнение тех ученых, согласно которому право на занятие позиции по делу вопреки воле клиента нужно рассматривать как очень деликатный этико-правовой инструмент, воспользоваться которым адвокат может только тогда, когда исчерпаны другие возможности и использование которого оправдано только высокой моральной целью [18]. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, бывают многочисленные случаи «самооговора», полученные сотрудниками правоохранительных органов преступными методами, а с другой – встречаются и случаи, когда такое решение клиентом принимается сознательно и добровольно, взвесив все его последствия. Исходя из вышеизложенного, мы поддерживаем мнение украинского и белорусского законодателей о возможности занятия адвокатом самостоятельной позиции в ситуации, когда он уверен в самооговоре своего клиента, но это возможно при условии соблюдения неизменного принципа: «Не навреди клиенту».

Профессиональная деятельность адвоката тесно связана также с запретом разглашать без согласия клиента сведения, которые составляют адвокатскую тайну, использовать их в своих интересах или интересах третьих лиц (п. 2 ч. 2 ст. 21 Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности»). Учитывая специфику такой деятельности, адвокат должен хранить адвокатскую тайну, а также обеспечивать защиту персональных данных о физическом лице, которыми он владеет. Соблюдение указанного запрета выступает основополагающим моментом в аспекте надлежащей реализации принципа конфиденциальности, который воспринимается одновременно и как право адвоката по сохранению конфиденциальности информации, которая является адвокатской тайной в отношениях с другими субъектами, так и как обязанность по неразглашению такой информации. Следует, прежде всего, понимать, что доверие к адвокату может возникать только при условии обязательного соблюдения им принципа конфиденциальности. Это связано с тем, что наличие доверия является определяющим аспектом взаимоотношений между адвокатом и его клиентом, поскольку последний «вынужден информировать фактически чужого человека (адвоката) об обстоятельствах своей личной жизни, которые не всегда носят положительный характер» [19, с. 121], а потому он должен быть уверен в том, что указанные сведения «останутся конфиденциальными, не смогут быть использованы против него» [20, с. 244]. Как справедливо отмечается в Хартии основных принципов европейской адвокатской профессии [21], суть функции адвоката заключается в том, что клиент сообщает ему о вещах, о которых он не рассказывал бы другим – самые сокровенные личные данные или ценную коммерческую тайну – при этом адвокат является получателем такой информации на основе доверия.

Доверительные отношения между адвокатом и клиентом могут возникнуть лишь в случае отсутствия у последнего сомнений в порядочности, честности и добросовестности адвоката (п. 2.2 Общего кодекса правил для адвокатов [22]). Неукоснительное соблюдение принципа конфиденциальности, а следовательно, существование безукоризненного доверия к профессиональной деятельности адвоката, невозможно при условии существования даже вероятного конфликта интересов.

Одним из запретов в профессиональной деятельности адвоката является и запрет отказываться от оказания помощи, кроме случаев, установленных законом. Ч. 2 ст. 28 профильного Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» предусматривает достаточно широкий круг оснований для отказа в заключении договора о предоставлении правовой помощи. Так, адвокату запрещается заключать договор об оказании правовой помощи, если:

– доверенность на выполнение действий выходит за пределы профессиональных прав и обязанностей адвоката;

– результат, достижение которого желает клиент, или средства его достижения, на которых он настаивает, являются противоправными, противоречат моральным основам общества;

– адвокат участвовал в соответствующем производстве, и это является основанием для его отвода согласно процессуальному закону;

– выполнение договора о предоставлении правовой помощи может привести к разглашению адвокатской тайны.

Последние два указанных нами запрета направлены, прежде всего, на избежание конфликта интересов, правовому регулированию которого посвящен ряд норм как в украинском, так и в белорусском законодательстве. Показательной в данном случае является норма ч. 2 упомянутой ст. 18 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», которая довольно подробно определяет случаи,

когда адвокату запрещается оказывать юридическую помощь клиенту во избежание возможного конфликта интересов.

Адвокату не нужно забывать, что одним из основополагающих принципов осуществления адвокатской деятельности является именно избежание конфликта интересов. Поэтому перед принятием поручения от клиента (по которому существует перспектива возникновения конфликта интересов), адвокат должен решить для себя вопрос, не лучше ли сразу отказаться от такого поручения, не допуская возможности возникновения негативных последствий для клиента. В противном случае (невозможности урегулирования конфликта интересов), адвокат в дальнейшем обязан прекратить предоставление правовой помощи, что может иметь существенные негативные последствия, прежде всего, для клиента (в частности, затраты времени и средств для поиска нового адвоката). Недовольство клиента, к сожалению, во многих случаях трансформируется в инициирование вопроса о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности, в результате чего снижается авторитет адвокатуры в целом.

Это далеко не все запреты, предусмотренные как профильным Законом Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», так и Правилами адвокатской этики. Кроме того, адвокат, приобретая индивидуальный правовой статус, в частности при реализации процессуальной формы своей деятельности, обязан, кроме вышеуказанных запретов, соблюдать и те, которые предусмотрены в процессуальном законодательстве.

Все это подтверждает то, что запреты в профессиональной деятельности адвоката, хотя и не являются непосредственно структурными элементами правового статуса адвоката (по своей сути служат определенными негативными дополнениями к профессиональным обязанностям), имеют важное практическое значение, поскольку фактически предусматривают определенные специальные ограничения, направлены, в частности, на невозможность злоупотребления адвокатом своим профессиональным статусом.

Реализация всех запретов в профессиональной деятельности адвоката должна обеспечить абсолютную независимость адвоката, которая является квинтэссенцией адвокатской деятельности. Такая независимость адвоката должна быть как на внешнем (ассоциируется, прежде всего, с запретом любых вмешательств и препятствий в осуществлении его профессиональной деятельности), так и особенно на внутреннем (воспринимается, в частности, как совокупность морально-этических и психологических качеств, которые отражают отношение адвоката к осуществляемой им адвокатской деятельности, при условии отсутствия какой-либо внепрофессиональной (в частности личной) заинтересованности в процессе ее реализации) уровнях [23]. Адвокат не может осуществлять свою профессиональную деятельность, если она обоснованно противоречит его собственным, финансовым, коммерческим, имущественным и другим интересам.

Резонным в этом аспекте является положение ч. 4 ст. 18 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», согласно которому адвокату запрещается покупать или иным способом приобретать имущество клиентов, которое служит предметом спора, в том числе имущественные права как на свое имя, так и на имя других лиц. Такая норма носит превентивный характер и направлена не только на предупреждение злоупотребления адвокатом своим профессиональным статусом, но и на обеспечение его независимости от клиента, в том числе и в финансовом аспекте.

Заключение. Запреты в профессиональной деятельности адвоката, хотя и не являются непосредственно структурными элементами его правового статуса (по своей сути выступают определенными негативными дополнениями к профессиональным обязанностям), имеют большое практическое значение, поскольку фактически предусматривают определенные специальные ограничения, направленные, в частности, на защиту интересов клиента путем предотвращения злоупотреблений адвокатом своим профессиональным статусом.

И украинский, и белорусский законодатели закрепляют довольно внушительный перечень запретов и других ограничений в профессиональной деятельности адвоката. В то же время отсутствие во многих случаях надлежащего как правового регулирования, так и практики соблюдения запретов в профессиональной деятельности адвоката допускает возможность существования злоупотреблений со стороны недобросовестных лиц, получивших такой статус, тем самым не обеспечивая должной защиты прав и свобод лиц, которые обратились к адвокату с целью получения профессиональной юридической помощи.

Литература

1. Заборовский, В.В. Структура правового статуса адвоката / В.В. Заборовский // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 3(22). – С. 15–21.
2. Баев, М.О. Уголовно-процессуальные обязанности, запреты и ограничения как структурообразующий фактор предупреждения злоупотребления правом адвокатом-защитником в уголовном судопроизводстве / М.О. Баев // Судебная власть и уголовный процесс. – 2014. – № 3. – С. 107–116.

3. Алейников, Б.Н. Правозащитная деятельность адвоката: учеб. пособие / Б.Н. Алейников. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. – 96 с.
4. Про адвокатуру та адвокатську діяльність: Закон України від 5 липня 2012 р. № 5076-VI // Офіц. вісн. України. – 2012. – № 62. – Ст. 17.
5. Правила адвокатської етики, затверджені Установчим З'їздом адвокатів України від 17 листопада 2012 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/n0001891-17#Text. – Дата доступа: 28.07.2021.
6. Таварткіладзе, Н.М. Етичні основи діяльності адвоката-захисника: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / Н.М. Таварткіладзе. – О., 2003. – 20 с.
7. Вільчик, Т.Б. Дилеми моральних та правових категорій в системі адвокатської діяльності / Т.Б. Вільчик // Суперечності взаємодії моралі і права в сучасному суспільстві: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 22 трав. 2020 р. – Харків, 2020. – С. 149–155.
8. Бакаянова, Н.М. Чесність та добропорядна репутація адвоката / Н.М. Бакаянова // Вісн. Одес. адвокатури. – 2019. – Спец. вип.: Адвокатська етика. – С. 5–10.
9. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 года № 334-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 2/1884.
10. Кучерена, А.Г. Правовая позиция адвоката и оценка им позиции противной стороны / А.Г. Кучерена // Lex Russica. – 2006. – № 6. – С. 1191–1197.
11. Ходилина, М.В. Правовая позиция адвоката-защитника (проблемы формирования и реализации): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / М.В. Ходилина. – М., 2013. – 213 л.
12. Заборовський, В.В. Незалежність та самостійність адвоката: проблеми розмежування / В.В. Заборовський // Наук. вісн. Ужгород. нац. ун-ту. Сер. Право. – 2017. – Вип. 42. – С. 242–246.
13. Демчина, Т.Ю. Організаційно-правові засади реалізації принципу незалежності адвокатури: дис. ... канд. юрид. наук: 081 «Право» / Т.Ю. Демчина. – Харків, 2020. – 270 л.
14. Адвокатская деятельность: учеб.-практ. пособие / под общ. ред. В.Н. Буробина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «ИКФ "ЭКМОС"», 2003. – 624 с.
15. Коробов, И.З. Тактико-этические основы коллизионной защиты по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.З. Коробов. – Воронеж, 2009. – 209 л.
16. Гриненко, А.В. Адвокатура в Российской Федерации: учеб. пособие / А.В. Гриненко, Ю.А. Костанов, С.А. Невский. – М.: ТК Велби, 2003. – 192 с.
17. Пономаренко, Е.В. К вопросу о квалификации самооговора по российскому уголовному законодательству / Е.В. Пономаренко // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2015. – № 4(105). – С. 209–212.
18. Фіолевський, Д.П. Адвокатура: підручник / Д.П. Фіолевський. – 3-тє вид., випр. і доп. – К.: Алерта, 2014. – 624 с.
19. Северин, К.М. Проблеми нормативного регулювання та реалізації принципу конфіденційності адвокатської діяльності / К.М. Северин // Наук. вісн. Міжнар. гуманітар. ун-ту. – 2014. – Вип. 9–2(2). – С. 120–122.
20. Панченко, В.Ю. Правовые средства обеспечения доверия клиента при оказании юридической помощи: возможности и пределы использования / В.Ю. Панченко, А.Е. Михалева // Вестн. Краснояр. гос. аграр. ун-та. – 2014. – № 11. – С. 243–245.
21. Charter of Core Principles of the European Legal Profession. Council of Bars and Law Societies of Europe (2006) [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ccbe.eu/NTCdocument/EN_CCBE_CoCpdf1_1382973057.pdf. – Data of access: 28.07.2021.
22. Загальний кодекс правил для адвокатів країн Європейського Співтовариства, прийнятий делегацією дванадцяти країн-учасниць на пленарному засіданні у Страсбурзі в жовтні 1988 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/ laws/show/994_343. – Дата доступа: 28.07.2021.
23. Заборовський, В.В. Правовий статус адвоката в умовах становлення громадянського суспільства та правової держави в Україні: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.10 / В.В. Заборовський. – К., 2018. – 42 с.

Поступила в редакцию 29.07.2021

УДК 342.951:343.573

Понятие и содержание системы административно-правовых средств борьбы с правонарушениями в сфере незаконного оборота наркотиков

Гуминский М.Н.
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Изучение сущности и элементов системы административно-правовых средств борьбы с правонарушениями в сфере оборота наркотиков становилось предметом исследования ряда авторов, к примеру Д.А. Газизова, А.В. Жуйкова, А.А. Корнева, А.Н. Насонова и др. В большинстве случаев в научных трудах такого рода система административно-правовых средств была представлена через призму предупредительных, пресекательных мер и мер административной ответственности. Вместе с тем детальный анализ предмета исследования позволяет сделать вывод о необходимости включения в систему административно-правовых средств, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, и иных структурных компонентов.

Цель работы – определить структуру и особенности системы административно-правовых средств в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

***Материал и методы.** Материалом для изучения послужили научные публикации в административном праве, предметом анализа которых являлись административно-правовые средства в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В качестве методов исследования были использованы следующие: индукция, дедукция, анализ, синтез, метод толкования права, метод формально-юридического анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** Автором рассмотрены концепции к пониманию системы административно-правовых средств, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, акцентировано внимание на необходимости совершенствования данной системы путем дополнения ее новыми элементами.*

Результаты исследования внедрены в деятельность криминальной милиции управления внутренних дел Витебского облисполкома.

***Заключение.** Проведенный анализ позволил сделать вывод о необходимости расширения устоявшегося в науке административного права подхода к пониманию системы административно-правовых средств, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, за счет включения в нее административно-правового режима в области противодействия незаконному обороту наркотических средств, а также совокупности административно-правовых средств, ориентированных на выявление фактов нарушения правил оборота наркотиков.*

***Ключевые слова:** административно-правовые средства, система, административно-правовой режим, наркотические средства, незаконный оборот наркотиков.*

The Concept and Content of the System of Administrative and Legal Ways of Combating Offences in the Sphere of Drug Trafficking

Huminski M.N.
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

The study of the essence and elements of the system of administrative and legal ways of combating offenses in the field of drug trafficking became the subject of research by a number of authors, for example, A.V. Zhuikov, D.A. Gazizov, A.A. Kornev, A.N. Nasonov and others. In studies of this kind, the system of administrative and legal means was presented mainly through the prism of preventive, suppressive measures and measures of administrative responsibility. At the same time, a deep analysis of the subject of the study under consideration allows us to conclude that it is necessary to include other structural components into the system of administrative and legal means aimed at combating drug trafficking.

The aim of the study is to determine the features and structure of the system of administrative and legal means in the field of combating drug trafficking.

***Material and methods.** The material was scientific publications in the science of administrative law, the subject of research of which was administrative and legal ways in the field of combating drug trafficking. The following research methods were used: induction, deduction, analysis, synthesis, method of interpretation of law, the method of formal legal analysis.*

Findings and their discussion. *The author analyzed the approaches to understanding the system of administrative and legal means aimed at combating drug trafficking, and concluded that it is necessary to improve this system by introducing new elements into it.*

The research findings were introduced into the activities of the criminal police of the Internal Affairs Directorate of Vitebsk Region Executive Committee.

Conclusion. *The study made it possible to conclude that it is necessary to expand the "established" approach in the science of administrative law to understanding the system of administrative and legal means aimed at combating drug trafficking through the inclusion of an administrative legal regime in the field of combating drug trafficking, as well as a set of administrative and legal means aimed at identifying violations of drug trafficking rules.*

Key words: *administrative and legal means, system, administrative and legal regime, narcotic drugs, drug trafficking.*

Систему любых элементов важно исследовать, обращаясь к истолкованию самой сущности понятия. Так, как отмечается в Большом российском энциклопедическом словаре, «любая система представляет собой совокупность интегрированных, взаимосвязанных элементов, структурно и логически расположенных в определенной последовательности и подчиняемых соответствующим законам такого их расположения» [1, с. 1437].

Цель работы – определить структуру и особенности системы административно-правовых средств в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили научные публикации в административном праве, предметом анализа которых являлись административно-правовые средства в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В качестве методов исследования были использованы следующие: индукция, дедукция, анализ, синтез, метод толкования права, метод формально-юридического анализа.

Результаты и их обсуждение. Ряд ученых-правоведов рассматривают в своих научных трудах систему административно-правовых средств борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Так, А.В. Жуйков выделяет в системе административно-правовых средств борьбы с правонарушениями в сфере оборота наркотиков следующие логически связанные элементы:

1. Отдельный комплекс социальных мер, которые проводятся в рамках воздействия первичных социальных институтов (семья).

2. Совокупность административно-профилактических мер, реализуемых посредством деятельности правоохранительных органов и общественных организаций, направленных на координацию усилий в области предупреждения незаконного оборота наркотиков.

3. Комплекс специализированных мероприятий, осуществляемых уполномоченными органами и службами. В частности, речь идет о введении системы централизованного учета лиц, нарушивших законодательство в сфере оборота наркотических средств [2].

Считаем, что предложенные А.В. Жуйковым элементы системы административно-правовых средств борьбы с правонарушениями в области оборота наркотиков не в полной мере соответствуют сущности понятия административно-правовых средств. К примеру, последние носят императивный, властный характер, право на применение которых предоставлено законодательством определенному кругу уполномоченных должностных лиц. В то же время меры воздействия, в том числе профилактической направленности, проводимые на уровне семьи (иных социальных институтов), общественных организаций, носят иной характер – не административный.

При этом общая система мер административного принуждения, разработанная на уровне теории административного права, применима и к предмету настоящего исследования. Так, видами административно-правовых мер в области борьбы с правонарушениями в сфере оборота наркотиков являются следующие:

1. Административно-предупредительные меры.

2. Административно-пресекательные меры.

3. Меры административной ответственности.

4. Меры административно-процессуального обеспечения.

По нашему мнению, содержание системы административно-правовых средств, направленных на борьбу в сфере оборота наркотиков, следует дополнить понятием административно-правового режима обозначенной области. Здесь отметим свою приверженность позиции О.Д. Дмитриевой, которая подчеркивает комплексный характер данного понятия [3]. Так, согласно подходу указанного автора, в систему административно-правового режима в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков включаются меры таможенной политики, требований в области лицензирования и др.

Полагаем, что совокупность элементов административно-правового режима в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков должна быть представлена в следующем виде:

1. Система норм законодательства в области регулирования оборота наркотических средств и борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

2. Специально уполномоченные правоохранительные органы, деятельность которых направлена на борьбу с незаконным оборотом наркотиков.

В отношении комплекса полномочий уполномоченных органов в области наркоконтроля И.В. Болотин выделяет следующие:

а) полномочия по участию в нормотворческой деятельности государства по разработке нормативных правовых актов в сфере регулирования оборота наркотических средств;

б) право на издание правоприменительных индивидуальных актов;

в) полномочия в сфере совершения оперативных действий, связанных с применением административно-правовых средств;

г) комплекс юрисдикционных полномочий в области административно-деликтного законодательства [4].

Считаем уместным выделить в данном направлении государственные органы общей и специальной компетенции, деятельность которых связана с осуществлением борьбы с незаконным оборотом наркотиков. К общим следует отнести Национальное собрание Республики Беларусь, задача которого заключается в издании законов в области регулирования правил оборота наркотических средств; Совет Министров Республики Беларусь, в полномочия которого входит реализация правоохранительной политики государства в целом; Президента Республики Беларусь, который выступает гарантом обеспечения прав человека. Специальным государственным органом является Министерство внутренних дел Республики Беларусь, структурным подразделением которого выступает управление по наркоконтролю и противодействию торговле людьми.

3. Созданная на уровне законодательства система средств контроля за деятельностью в области оборота наркотических средств и за деятельностью специальных органов. Так, в Республике Беларусь органы прокуратуры согласно положению п. 2 ст. 1 ч. 4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» осуществляют прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью [5].

4. Совокупность методов разрешения и запретов в сфере оборота наркотических средств.

5. Наличие специальной материально-технической базы, ресурсов, финансовых средств, позволяющих в полной мере осуществлять деятельность в области контроля за оборотом наркотических средств.

Важным аспектом при применении системы административно-правовых средств борьбы с незаконным оборотом наркотиков в деятельности уполномоченных правоохранительных органов является необходимость реализации принципа уважения прав человека. В частности, как отмечают И.Д. Шатохин, А.Е. Чечетин, необходимо соблюдать такие конституционные права человека, как охрана частной жизни, тайна переписки, деловых переговоров, неприкосновенность жилища и др. [6]. В данном случае нарушения либо ограничения комплекса указанных прав должны осуществляться в строгом соответствии с установленным законодательством порядком.

Значение системы административно-правовых средств в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков может выражаться в следующем:

А) Воздействие на сферу гражданско-правовых отношений, где главной задачей применения средств воздействия выступает минимизация обращения наркотических средств в легальном обороте (за исключением медицинских, научных целей и др.).

Б) Наличие мер административной ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств является правовым барьером их использования без медицинских целей.

В) Наличие профилактического потенциала в рамках контроля над наркоситуацией в целом в государстве.

Следовательно, под системой административно-правовых средств в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков понимается комплекс взаимосвязанных элементов, направленных на выявление, предупреждение, пресечение нарушений в области оборота наркотических средств. Сущность данной системы заключается в том, что она выступает одним из элементов реализации правоохранительной политики государства, носит комплексный характер, что обуславливается различными свойствами элементов, входящих в нее.

Исследование особенностей содержания административно-правовых средств в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков должно базироваться на устоявшихся в общей теории права концепциях понимания правового средства. Так, согласно подходу С.С. Алексеева, «правовые средства представляют собой нормы права, индивидуальные предписания и веления, договоры, средства юридической техники, все другие инструменты регулирования, рассматриваемые в единстве характерного для них содержания и формы» [7, с. 12]. А.В. Малько акцентирует внимание на целенаправленности характера правовых средств, в связи с чем делается вывод об их важности в предупреждении и пресечении правонарушений [8]. В свою очередь Б.И. Пугинский отмечает, что правовые средства представляют собой сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества [9].

В теории административного права выработан единый подход к пониманию сущности административно-правовых средств, которые реализуются посредством деятельности специальных органов или организаций. Административно-правовые средства являются институтом административного права, содержание которого определяется через совокупность правовых норм, регламентирующих порядок осуществления действий либо принятия актов, направленных на реализацию административно-правовых норм. Исследованием понятия «административно-правовые средства» занимались такие ученые, как С.С. Бойко, И.А. Волобуев, В.В. Игнатенко, А.В. Лубенков и др.

Так, А.В. Лубенков трактует административно-правовые средства как строго установленные административным законодательством определенные способы воздействия принуждающего субъекта на волю и сознание принуждаемого лица, главной целью которых является обеспечение поведения лица согласно установленным в государстве нормам и правилам. При этом воля и желание лица, в отношении которого применяется конкретное административно-правовое средство, не принимаются во внимание [10].

Анализируя содержание административно-правовых средств как элементов системы административно-правового регулирования, С.С. Бойко отмечает, что такие средства являются разновидностью правовых средств, обладают их основными признаками, а также специфическими особенностями в силу предмета и метода административного права (публичный характер, императивность в применении, реализация органами государственного управления) [11].

Согласно подходу А.Н. Бондаря, все административно-правовые средства в сфере борьбы с оборотом наркотиков подразделяются на следующие виды:

1. Административно-правовые средства в области незаконного употребления и распространения наркотических средств.

2. Административно-правовые средства в сфере устранения социально опасных последствий, наступивших в результате нарушения правил оборота наркотиков [12].

Анализ имеющихся административно-правовых средств в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков показал, что одни из них применяются в обязательном порядке, а другие – в диспозитивном (альтернативном). Зачастую перед уполномоченным органом стоит выбор об использовании того или иного административно-правового средства. Следовательно, в зависимости от обязательности применения административно-правовых средств предлагаем их классификацию на императивные и диспозитивные.

В научной литературе выделяется достаточно большое количество мер, направленных на выявление правонарушений, связанных с нарушением правил оборота наркотиков.

Например, И.Л. Федчук к таковым относит:

1) общение с гражданами, результатом которого должно стать получение определенной информации в области запрещенного оборота наркотических средств;

2) общение со специальными субъектами и службами, к примеру с работниками жилищно-эксплуатационной службы, на предмет выявления жилых помещений, в которых могут изготавливаться или употребляться наркотические средства или психотропные вещества. В данном направлении общение может происходить и с иными специальными субъектами, к примеру сотрудниками и (или) организациями здравоохранения, предоставляющими сведения о физических лицах, употребляющих запрещенные наркотические вещества;

3) визуальное обследование места жительства определенного (подконтрольного) лица;

4) визуальный осмотр территорий, на которых может осуществляться употребление наркотических средств;

5) проведение мониторинга социальных сетей в виртуальном пространстве [13].

По нашему мнению, система административно-правовых средств, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, может быть также классифицирована по видам документов, которые являются юридическим основанием для применения того или иного административно-правового средства (административно-правовая норма, правоприменительный акт, договоры и соглашения).

Критерием для проведения классификации административно-правовых мер борьбы с незаконным оборотом наркотиков может выступать характер их применения. При этом предлагается их разделение на меры стимулирующей направленности и меры, ограничивающие определенные права, как правило, личного характера. Порядок применения стимулирующих административно-правовых средств, ориентированных на борьбу с нарушениями правил оборота наркотических средств, практически не предусмотрен действующим законодательством Республики Беларусь. На наш взгляд, такая ситуация является определенного рода «недоработкой» в осуществлении правоохранительной политики в государстве. Здесь следует предложить аналогию в использовании

для граждан стимулирующих мер, направленных на борьбу с коррупционными преступлениями и закрепленных в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 12 сентября 2019 г. № 619 «О выплате вознаграждения и других выплат физическому лицу, способствующему выявлению коррупции» [14]. Схожий нормативный правовой акт необходимо разработать в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков, вовлекая тем самым гражданское общество в процесс борьбы с таким негативным явлением, как наркомания. Правоограничительными административно-правовыми средствами выступают меры административной ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, предусмотренные Кодексом об административно-правовых нарушениях Республики Беларусь.

Эффективность применения всей системы административно-правовых средств борьбы с правонарушениями в сфере оборота наркотиков должна иметь комплексную оценку: от эффективности стадии регулирования до конечного результата, достигнутого по итогам реализации выбранной меры. Кроме того, эффективность применения административно-правовых средств в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков должна оцениваться через призму их реального воздействия на общественные отношения, на нарушителей в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Нами отмечается неполнота сложившегося подхода в административном праве относительно структурных элементов системы административно-правовых средств в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Заключение. Проведенное исследование позволило сделать вывод о необходимости расширения устоявшегося в науке административного права подхода к пониманию системы административно-правовых средств, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, за счет включения в нее административно-правового режима в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, а также совокупности административно-правовых средств, ориентированных на выявление фактов нарушения правил оборота наркотиков.

Литература

1. Большой российский энциклопедический словарь / шеф-ред.: А.Е. Махов, Л.И. Петровская, В.М. Смолкин. – М.: Большая рос. энцикл., 2003. – 1887 с.
2. Жуйков, А.В. Административно-правовые средства борьбы с наркоманией и их применение органами внутренних дел (по материалам Дальневосточного региона): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / А.В. Жуйков. – Хабаровск, 2002. – 170 л.
3. Дмитриева, О.Д. Административно-правовые режимы в сфере противодействия незаконному обороту наркотических веществ среди молодежи / О.Д. Дмитриева // Правовые, социально-экономические, психологические аспекты обеспечения национальной безопасности: материалы V Всерос. с междунар. участием студ. науч.-практ. конф. / АНО ВПО «Прикамс. социал. ин-т». – Пермь, 2021. – С. 65–71.
4. Болотин, И.В. Административно-правовой потенциал органов внутренних дел в системе обеспечения наркобезопасности / И.В. Болотин // Современное общество и право. – 2014. – № 2. – С. 79–83.
5. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 дек. 2020 г. № 63-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
6. Шатохин, И.Д. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: монография / И.Д. Шатохин, А.Е. Чечетин. – Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2020. – 206 с.
7. Алексеев, С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С.С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 11–17.
8. Малько, А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики / А.В. Малько // Журн. рос. права. – 1998. – № 8. – С. 66–77.
9. Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б.И. Пугинский. – М.: Юрид. лит., 1984. – 224 с.
10. Лубенков, А.В. Система административно-правовых средств принуждения, реализуемых органами внутренних дел Республики Беларусь / А.В. Лубенков // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2016. – № 4. – С. 117–121.
11. Бойко, С.С. Административно-правовые средства защиты прав и законных интересов несовершеннолетних: автореф. … канд. юрид. наук: 12.00.14 / С.С. Бойко. – Ростов н/Д, 2011. – 27 с.
12. Бондарь, А.Н. Актуальные вопросы формирования системы административно-правовых средств противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров / А.Н. Бондарь // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 2. – С. 293–297.
13. Федчук, И.Л. Приоритетные направления деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь по административно-правовому предупреждению наркотизма / И.Л. Федчук // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петерб. ун-т МВД России; отв. ред. А.И. Каплунов. – СПб., 2020. – С. 499–503.
14. О выплате вознаграждения и других выплат физическому лицу, способствующему выявлению коррупции [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 сент. 2019 г. № 619 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Поступила в редакцию 08.09.2021

УДК [349.444:347.44]:340.115.7(476+470+571)

Заключение договора купли-продажи жилых помещений в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ

Самотошенкова К.А.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В работе рассмотрен порядок заключения договора купли-продажи жилых помещений в Республике Беларусь и Российской Федерации. Осуществлен сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в области порядка заключения вышеназванного соглашения. В результате проведенного исследования было установлено, что порядок заключения данного договора в Республике Беларусь по сравнению с Российской Федерацией имеет некоторые характерные особенности.

Цель статьи – в ходе всестороннего правового анализа законодательства выявить проблемные аспекты порядка заключения договора купли-продажи жилых помещений в Республике Беларусь и Российской Федерации и предложить пути их решения.

***Материал и методы.** Информационной основой исследования послужили научные труды, касающиеся обозначенной темы, а также нормативные правовые акты Республики Беларусь и Российской Федерации, регламентирующие вопросы заключения данного договора. Методологическую основу составили комплексный анализ и системный подход к рассмотрению вопроса порядка заключения договора купли-продажи жилой недвижимости в Республике Беларусь и Российской Федерации. При этом использовались следующие методы: анализ, синтез, сравнительно-правовой метод, а также метод юридической техники.*

***Результаты и их обсуждение.** В статье проанализирован порядок заключения договора купли-продажи жилых помещений в Республике Беларусь и Российской Федерации. В результате были установлены проблемные аспекты, возникающие при заключении данного договора, а также предложены пути их решения при заключении договора купли-продажи жилых помещений.*

***Заключение.** Порядок заключения договора купли-продажи жилых помещений в Республике Беларусь и Российской Федерации отличается. В Республике Беларусь – это целостная процедура, состоящая из ряда дополнительных требований, предъявляемых к сделкам с недвижимостью. В частности, к дополнительным требованиям, предъявляемым к заключению данного договора, относятся его удостоверение и последующая государственная регистрация. Исходя из этого, можно констатировать, что в Республике Беларусь при заключении данного договора стороны более защищены от возможных рисков, чем в Российской Федерации. Поэтому считаем, что законодательство Российской Федерации необходимо конкретизировать относительно норм, касающихся государственной регистрации и удостоверения самого договора купли-продажи жилого помещения.*

***Ключевые слова:** договор купли-продажи, жилое помещение, заключение договора, государственная регистрация, нотариальное удостоверение.*

The Contract of Residential Premises Sale in the Republic of Belarus and the Russian Federation: a Comparative Legal Analysis

Samotoshenkova K.A.
Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article discusses the procedure for concluding a contract for the sale of residential premises in the Republic of Belarus and the Russian Federation. A comparative legal analysis of the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation in the field of the procedure for concluding the above-mentioned agreement has been carried out. As a result of the study, it was found out that the procedure for concluding this agreement in the Republic of Belarus in comparison with the Russian Federation has some distinctive features.

The purpose of the article is to identify problematic aspects of the procedure for concluding a contract for the sale of residential premises in the Republic of Belarus and the Russian Federation in the course of a comprehensive legal analysis of legislation and to propose ways to solve them.

***Material and methods.** The informational basis of the study was scientific works related to this topic, as well as regulatory legal acts of the Republic of Belarus and the Russian Federation, which regulate the issues of concluding this agreement. The methodological basis of the study was formed by a comprehensive analysis and a systematic approach to considering the issue of the procedure for concluding a contract for the sale of residential real estate in the Republic of Belarus and the Russian Federation. The research used the following methods: analysis, synthesis, the comparative legal method, as well as the method of legal technique.*

Findings and their discussion. *The article analyzes the procedure for concluding a contract for the sale and purchase of residential premises in the Republic of Belarus and the Russian Federation. As a result, the problematic aspects arising from the conclusion of this agreement were identified, and ways of solving the identified problematic aspects of concluding a contract for the sale of residential premises were proposed.*

Conclusion. *The procedure for concluding a contract for the sale of residential premises in the Republic of Belarus and the Russian Federation is different. In the Republic of Belarus, in contrast to the Russian Federation, this is a holistic procedure, consisting of a number of additional requirements for real estate transactions. In particular, additional requirements for the conclusion of this agreement include the certification of the agreement and its subsequent state registration. Thus, in the Republic of Belarus, when concluding this agreement, the parties are more protected from possible risks than in the Russian Federation. Therefore, we believe that the legislation of the Russian Federation should be concretized with respect to the rules relating to state registration and certification of the residential premises sale contract.*

Key words: *a sale contract, residential premises, conclusion of a contract, state registration, notarization.*

Гражданское законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации закрепляет виды договора купли-продажи, предусматривая в качестве самостоятельного вида продажу недвижимости. При этом условия и порядок продажи жилых помещений лишь косвенно урегулированы Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) в ст. 529 (особенность продажи жилых помещений). Аналогичная статья закреплена и в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). В остальном при заключении и исполнении такого договора следует руководствоваться соответствующим законодательством.

Вопрос о необходимости выделения договора купли-продажи жилых помещений в самостоятельный вид обсуждается в научной литературе.

Действующим законодательством Республики Беларусь и Российской Федерации не выделяется договор купли-продажи жилых помещений в качестве отдельного вида договора купли-продажи недвижимости, однако выделение данного договора в качестве отдельного вида обусловлено спецификой предмета рассматриваемого договора, так как отчуждению и приобретению подлежит помещение, которое имеет статус жилого [1]. Это свидетельствует о том, что порядок заключения данного соглашения подчинен общим правилам о заключении договора купли-продажи недвижимости, что на практике может привести к спорным и противоречивым ситуациям.

Цель статьи – в ходе всестороннего правового анализа законодательства выявить проблемные аспекты порядка заключения договора купли-продажи жилых помещений в Республике Беларусь и Российской Федерации и предложить пути их решения.

Материал и методы. Информационной основой исследования послужили научные труды, касающиеся обозначенной темы, а также нормативные правовые акты Республики Беларусь и Российской Федерации, регламентирующие вопросы заключения данного договора. Методологическую основу составили комплексный анализ и системный подход к рассмотрению вопроса порядка заключения договора купли-продажи жилой недвижимости в Республике Беларусь и Российской Федерации. При этом использовались следующие методы: анализ, синтез, сравнительно-правовой метод, а также метод юридической техники.

Результаты и их обсуждение. В научной литературе под заключением договора понимаются действия по достижению соглашения сторон по всем существенным условиям договора в предусмотренной законом форме и в порядке, установленном законодательством [2]. В соответствии с п. 1 ст. 402 ГК Республики Беларусь и п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Договор купли-продажи жилых помещений заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами, несоблюдение которой влечет недействительность данного договора [3, п. 1 ст. 523].

Из-за специфики предмета договора купли-продажи жилого помещения как объекта гражданских правоотношений установлен особый порядок заключения договора купли-продажи. По общему правилу сделки с недвижимым имуществом подлежат государственной регистрации [3, п. 1 ст. 165] и считаются заключенными с момента такой регистрации [3, п. 13 ст. 403].

После достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям договора стороны подписывают договор купли-продажи дома (квартиры), а также документ, свидетельствующий об исполнении договора, – акт приема-передачи квартиры либо жилого дома. Однако такие действия не подтверждают заключения договора.

Для заключения договора купли-продажи жилых помещений помимо общих правил необходимо совершить действия по:

– удостоверению данного договора (п. 3 ст. 403 ГК Республики Беларусь);

– последующей регистрации договора соответствующим органом (п. 2 ст. 529 ГК Республики Беларусь).

Однако правило, которое касается государственной регистрации договора купли-продажи жилого помещения, предусмотрено только в ГК Республики Беларусь. В Российской Федерации

не осуществляется регистрация договора купли-продажи жилого помещения, который был заключен после 01.03.2013 года, а регистрации подлежит лишь переход права собственности на жилое помещение. Поэтому для заключения договора купли-продажи жилого помещения в Российской Федерации продавцу необходимо подготовить предусмотренный законодательством пакет документов (документ, подтверждающий право собственности на жилое помещение; технический паспорт; выписка из ЕГРН; в случае необходимости ипотечный договор), после чего стороны согласовывают все условия договора и подписывают его.

Кроме того, в Российской Федерации с 1 августа 2019 года отменено обязательное удостоверение договора купли-продажи жилого помещения, что, на наш взгляд, является ошибочным решением. Согласно сведениям Федеральной нотариальной палаты, после отмены обязательного удостоверения договора купли-продажи жилой недвижимости процент добровольного удостоверения данного договора значительно снизился и увеличился процент исков о признании договора купли-продажи жилой недвижимости недействительным. Соответственно, увеличение количества исковых заявлений свидетельствует о том, что при заключении договора были нарушены существенные условия, что связано с отсутствием нотариального удостоверения договора, так как нарушение условий договора могло быть выявлено на стадии его нотариального удостоверения. В Республике Беларусь лишь небольшой процент граждан добровольно предпочитают удостоверить договор купли-продажи дома (квартиры).

В Республике Беларусь практикой выработан алгоритм действий по удостоверению договора купли-продажи жилых помещений:

1. Определение органа, который будет удостоверять сделку купли-продажи жилых помещений.

В соответствии со ст. 67 Закона Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» (далее – Закон) сделка купли-продажи недвижимости может быть удостоверена нотариально либо удостоверена регистратором, т.е. сторонам предоставлено право выбора органа, которым будет удостоверена данная сделка.

2. Подготовка документов для удостоверения договора купли-продажи жилых помещений.

Для удостоверения договора купли-продажи жилых помещений необходимо предоставить в соответствующий регистрирующий орган либо нотариальную контору следующие документы: договор купли-продажи; заявление об удостоверении договора; документ, удостоверяющий личность сторон договора; письменное согласие проживающих в продаваемом жилом помещении совершеннолетних членов семьи продавца; правоустанавливающие документы на жилой дом или квартиру; документ об уплате государственной пошлины; решение органа опеки и попечительства на дачу согласия на отчуждение жилого помещения с зарегистрированными несовершеннолетними лицами; иные документы, предусмотренные законодательством. В том случае, если стороной сделки выступает юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель, у которых есть печать, нотариальное удостоверение сделки либо удостоверение сделки регистратором не требуется [1].

3. Удостоверение документов, которые являются основанием для государственной регистрации договора купли-продажи жилых помещений.

Под удостоверением сделки купли-продажи понимается совершение на документе удостоверительной надписи нотариуса либо иного уполномоченного лица с целью удостоверения факта совершения сделки [4].

Как уже говорилось ранее, договор купли-продажи жилых помещений может быть удостоверен как в регистрирующем органе, так и нотариусом. Удостоверение документов, являющихся основанием для регистрации сделки, производится в помещении органа, в котором осуществляется удостоверение, по месту нахождения недвижимого имущества. Однако несмотря на то, что гражданским законодательством Республики Беларусь и Российской Федерации не устанавливается императивная норма касательно нотариального удостоверения договора купли-продажи жилого помещения, целесообразнее осуществить его удостоверение у нотариуса, а не в регистрирующем органе. Закон Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» указывает, что задачей нотариуса является обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Данная защита прав осуществляется путем совершения нотариальных действий.

При удостоверении договора купли-продажи жилых помещений нотариус совершает ряд действий, направленных на обеспечение «чистоты» и законности совершаемой сделки. К таким действиям относятся установление личности граждан, которые заключают договор купли-продажи жилого помещения, выяснение реального намерения сторон, а также добровольность совершения сделки. После данных действий нотариус осуществляет правовую оценку сделки, проверяет принадлежность жилого помещения продавцу, наличие ограничений и обременений. Кроме того, им выясняется действительное согласие сторон на заключение договора купли-прода-

жи жилого помещения. В случае необходимости нотариус проверяет наличие согласия государственного органа (например, согласие органа опеки и попечительства, если отчуждается жилое помещение, где зарегистрирован несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении). Нотариус вправе также истребовать документы, которые необходимы для заключения договора. Нотариус составляет проект договора с учетом интересов сторон. При этом нотариус разъясняет сторонам каждый пункт договора и необходимость включения того или иного положения в договор. После составления договора стороны ознакамливаются с ним, нотариус разъясняет сторонам добровольность заключения сделки, что подтверждается подписанием договора сторонами [5].

После удостоверения договора купли-продажи жилых помещений сторонам необходимо совершить его последующую государственную регистрацию.

Под государственной регистрацией сделки понимается юридический акт признания и подтверждения государством факта совершения сделки.

В соответствии со ст. 529 гражданского законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации договор купли-продажи жилого дома (квартиры) подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации. Государственная регистрация договора купли-продажи жилого дома либо квартиры осуществляется агентством по государственной регистрации и земельному кадастру по месту нахождения дома либо квартиры [2].

В соответствии со ст. 31 Закона государственная регистрация договора осуществляется в следующем порядке:

1. Прием соответствующих документов. По общему правилу обращение за государственной регистрацией договора осуществляется обеими сторонами договора. Однако стороны могут предусмотреть в договоре, что право на подачу заявления о государственной регистрации будет предоставлено одной стороне. В соответствии с Законом документы, необходимые для государственной регистрации, предоставляются в порядке личного приема лицом, которым было подписано заявление о государственной регистрации.

Для государственной регистрации договора купли-продажи жилых помещений следует представить документ, удостоверяющий личность; заявление о государственной регистрации; удостоверенный договор купли-продажи; документ, подтверждающий оплату регистрации [2].

2. Принятие решения о совершении регистрационных действий. Рассмотрение документов, представленных для осуществления государственной регистрации, производится в порядке последовательности записей в журнале регистрации заявлений [6, ст. 35].

Регистрационные действия регистрационным органом осуществляются в течение 5 рабочих дней со дня подачи документов, необходимых для государственной регистрации.

3. Совершение регистрационных действий. Совершение регистрационных действий осуществляется путем занесения соответствующей записи в регистрационную книгу [6, ст. 37].

В соответствии со ст. 24 Закона записи о зарегистрированных сделках по отчуждению жилых помещений – это наименование и реквизиты договора купли-продажи; наименование права, на возникновение которого направлена сделка. Каждая запись содержит дату внесения; номер; код регистратора, который внес запись; иные сведения, предусмотренные законодательством.

4. Удостоверение совершенной государственной регистрации. Исходя из ст. 38 Закона, удостоверение произведенной государственной регистрации договора купли-продажи жилого дома либо квартиры осуществляется соответствующим органом путем совершения регистрационной надписи на оригинале договора купли-продажи жилого дома или квартиры, а также путем выдачи заявителю свидетельства о государственной регистрации.

Следует отметить, что если предметом договора купли-продажи жилых помещений будет являться жилой дом, то в этот предмет входят два объекта – сам жилой дом и земельный участок, на котором он расположен. Таким образом, государственной регистрации должны подлежать два объекта. В этом случае применяется правило ст. 66-1 Закона, где говорится, что если предметом сделки является несколько объектов недвижимого имущества, в отношении такой сделки осуществляется одна государственная регистрация [7; 8].

Заключение. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что порядок заключения договора купли-продажи жилых помещений в Республике Беларусь и Российской Федерации отличается. В Республике Беларусь – это целостная процедура, состоящая из ряда дополнительных требований, предъявляемых к сделкам с недвижимостью. В частности, к дополнительным требованиям, предъявляемым к заключению данного договора, относятся удостоверение договора и его последующая государственная регистрация. Договор купли-продажи жилых помещений счита-

ется заключенным с момента его государственной регистрации, и, соответственно, взаимные права и обязанности по его исполнению у сторон возникают после его государственной регистрации. Усложненный порядок заключения данного договора обусловлен спецификой предмета соглашения и необходим для максимальной защищенности интересов сторон договора. Несоблюдение такой процедуры может повлечь неблагоприятные для сторон последствия, а именно признание сделки недействительной. В Российской Федерации для заключения договора купли-продажи жилого помещения не требуется совершение дополнительных действий по его удостоверению и государственной регистрации, а достаточно прийти к соглашению относительно всех существенных условий договора. Из этого следует, что в Республике Беларусь при заключении данного договора стороны более защищены от возможных рисков, чем в Российской Федерации. Поэтому считаем, что законодательство Российской Федерации необходимо конкретизировать относительно норм, касающихся государственной регистрации и удостоверения самого договора купли-продажи жилого помещения.

Законодательство не содержит императивной нормы по части нотариального удостоверения договора купли-продажи жилого помещения. Однако роль нотариуса при заключении договора купли-продажи жилого помещения важна. Нотариальное удостоверение сделок дает сторонам договора больше гарантий. Нотариус при удостоверении договора осуществляет ряд важных действий. К таким действиям относятся проверка «чистоты» сделки; проверка законности сделки; освобождение сторон от вникания в сложные юридические особенности совершения сделки; в случае необходимости – истребование необходимых документов для заключения данного договора; осуществление разъяснения всех прав, обязанностей, а также последствий сделки. Поэтому считаем целесообразным дополнить п. 2 ст. 529 ГК Республики Беларусь и п. 2 ст. 558 ГК РФ и изложить данные статьи в следующей редакции: «Договор продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры подлежит нотариальному удостоверению и государственной регистрации и считается заключенным с момента нотариального удостоверения и государственной регистрации».

Литература

1. Шулейко, Е.И. Правовая конструкция договора купли-продажи недвижимости / Е.И. Шулейко. – Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2010. – 98 с.
2. Юбко, В.А. Договор продажи недвижимости [Электронный ресурс] / В.А. Юбко // ЭТАЛОН-ONLINE. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2019 г. № 185-З // ЭТАЛОН-ONLINE: Беларусь. Технология ПРОФ / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. Самотошенкова, К.А. Государственная регистрация договора купли-продажи недвижимого имущества / К.А. Самотошенкова // XIII Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 18 окт. 2019 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2019. – С. 395–397.
5. Самотошенкова, К.А. Нотариальное удостоверение договора купли-продажи жилого помещения / К.А. Самотошенкова // Государство и право во времени и пространстве: материалы Респ. науч.-теор. конф. с междунар. участием, Минск, 10 дек. 2020 г. / Белорус. гос. экон. ун-т; редкол.: А.Л. Семенов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 143–145.
6. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним: Закон Респ. Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 87. – 2/882.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 24 окт. 1994 г.: в ред. Федер. закона от 03.07.2019 г. № 26-ФЗ // КонсультантПлюс: Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.
8. О государственной регистрации недвижимости [Электронный ресурс]: Федер. закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ // КонсультантПлюс: Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2015.

Поступила в редакцию 06.09.2021

УДК 342.55(476)

Общественные слушания как форма участия населения в осуществлении местного самоуправления

Куневич Г.Г.
Белорусский государственный университет

Общественные слушания (публичные слушания) являются новой формой прямого волеизъявления или участия населения в осуществлении местного самоуправления. В белорусском законодательстве они не предусмотрены до настоящего времени.

Цель работы – проанализировать особенности общественных слушаний в законодательстве стран СНГ и предложить закрепление подобной формы местной демократии в системе местного самоуправления Республики Беларусь.

***Материал и методы.** Нормативную правовую базу статьи составили Конституция Республики Беларусь, Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», акты законодательства о местном самоуправлении стран СНГ, регламентирующие применение общественных слушаний как одной из форм непосредственной демократии в системе местного самоуправления. В качестве методов исследования использовались системный анализ, логический метод, сравнительного правоведения, формально-юридический, конституционно-правового моделирования, толкования права.*

***Результаты и их обсуждение.** Изучение доктринальных подходов к институтам непосредственной демократии в местном самоуправлении и законодательства стран Содружества позволяет сделать вывод о том, что общественные слушания представляют собой не простую совокупность, а целостную систему местной демократии как фундаментальный (системообразующий) институт конституционного и муниципального права всех стран-членов СНГ, так как им присущи все качества последней: единство и внутренняя дифференциация.*

***Заключение.** С учетом проведенного исследования для совершенствования конституционно-правовых основ непосредственного участия населения в местном самоуправлении Республики Беларусь предлагается Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» дополнить ст. 36-1 «Общественные слушания в местном Совете депутатов».*

***Ключевые слова:** непосредственная демократия, местное самоуправление, общественные слушания, общественные советы, правотворческая инициатива.*

Public Hearings as a Form of Population Participation in the Implementation of Local Self-Government

Kunevich G.G.
Belarusian State University

Public hearings are a new form of the direct expression of will or the participation of the population in the implementation of local self-government. They haven not been envisaged in Belarusian legislation so far. The study of doctrinal approaches

The aim of the research is to analyze features of public hearings in CIS countries' legislations and suggest fixing this form of local democracy in the system of local self government of the Republic of Belarus.

***Material and methods.** The theoretical scientific and legal base of the research is made up by works of Belarusian and Russian law scientists, materials of comparative law studies, normative legal acts which regulate the application of public hearings. The system analysis, the logical method, the method of comparative legal studies, the formal legal method, the methods of constitutional legal modeling and interpretation of law were used in the research.*

***Findings and their discussion.** The study of doctrinal approaches to the institutions of direct democracy in local self-government and the Commonwealth countries' legislation makes it possible to conclude that public hearings are not just a simple combination but a wholesome system of local democracy as a fundamental (system building) institution of constitutional and municipal law of all the CIS member countries since they possess all the qualities of the latter: unity and inner differentiation.*

***Conclusion.** To improve constitutional and legal bases of direct participation of population in the local self-government of the Republic of Belarus the research suggests adding Article 36-I "Public hearings in the local administration" into the Law of "Local government and self-government".*

***Key words:** direct democracy, local government, public hearings, public councils, law-making initiative.*

В теории конституционного и муниципального права принято рассматривать местное самоуправление как систему организационно-правовых форм, включающих представительные и иные органы самоуправления и формы прямой демократии или прямого участия населения в решении вопросов местного значения.

Общественные слушания, которые также называются в зарубежных странах публичными слушаниями, являются новой формой прямого волеизъявления или участия населения в осуществлении местного самоуправления. Ранее в законодательстве стран СНГ о местном самоуправлении институт публичных слушаний отсутствовал, в белорусском законодательстве он не предусмотрен до настоящего времени.

Цель работы – проанализировать особенности общественных слушаний в законодательстве стран СНГ и предложить закрепление подобной формы местной демократии в системе местного самоуправления Республики Беларусь.

Материал и методы. Нормативную правовую базу статьи составили Конституция Республики Беларусь, Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», акты законодательства о местном самоуправлении стран СНГ, регламентирующие применение общественных слушаний как одной из форм непосредственной демократии в системе местного самоуправления. В качестве методов исследования использовались системный анализ, логический метод, сравнительного правоведения, формально-юридический, конституционно-правового моделирования, толкования права.

Результаты и их обсуждение. В законодательстве Беларуси и других стран СНГ используются различные названия организационно-правовых форм местной демократии: «формы осуществления населением местного самоуправления»; «формы участия населения в местном самоуправлении»; «участие граждан в местном самоуправлении»; «участие членов территориальных громад в решении вопросов местного значения»; «формы непосредственной демократии в системе местного самоуправления» и т.д.

Проблемы непосредственной демократии в системе местного самоуправления стали предметом научного исследования в отечественной литературе. Отдельным аспектам этого вопроса посвящены работы О.А. Антоновой, Г.А. Василевича, Н.М. Кондратович, А.Т. Лейзерова, Т.С. Масловской, О.В. Чмыги, М.Ф. Чудакова, А.В. Шавцовой и других авторов. В российской литературе следует отметить работы по данной теме С.А. Авакьяна, И.А. Алексеева, А.Н. Кокотова, В.В. Комаровой, В.И. Лысенко, Л.А. Нудненко, А.А. Уварова, Е.С. Шугриной.

В муниципальном законодательстве зарубежных стран и СНГ используются различные названия общественных слушаний – публичные слушания, общественные обсуждения, привлечение граждан к осуществлению публичного управления, общественные консультации, публичные отчеты и т.д. Как отдаленный аналог данного института можно рассматривать так называемые общественные слушания по принятию различных муниципальных правовых актов (в основном уставов муниципальных образований в РФ) [1].

Обобщенные формы прямого участия населения в местном самоуправлении содержатся в модельных законах, принятых Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств. В новой редакции модельного закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» в п. 1 ст. 4 установлено, что граждане государств СНГ осуществляют свое право на местное самоуправление путем референдумов, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления, а в гл. 5 «Формы осуществления населением местного самоуправления» предусмотрены наряду с местными референдумами и выборами правотворческая инициатива граждан, публичные слушания, собрания граждан, обращения в органы местного самоуправления и другие [2].

В юридической и политологической литературе понятие публичных слушаний связывают с различными теориями публичного управления.

Понятия публичного управления и публичной администрации (public administration) играют ведущую роль в административном праве подавляющего большинства зарубежных стран. Научный термин «публичное управление» был разработан в странах континентальной правовой системы административного права, главным образом во Франции. В российской и белорусской юридической литературе закрепился устойчивый перевод данной дефиниции как «государственное управление». Однако понятия публичной администрации и публичного управления не тождественны понятиям государственного управления и органов государственного управления, они значительно шире по общему содержанию и видам органов.

Между государственным управлением в его советском и постсоветском понимании и публичным администрированием существует определенное различие. В теории административного права Польши, как и других стран Центральной и Восточной Европы, ряд авторов отмечают, что «в структурно-организационном плане публичное администрирование проявляется через систе-

му органов правительственной администрации (на центральном и местном уровнях) и органов муниципальной власти, т.е. органов местного (территориального) самоуправления» [3, s. 41].

В законодательстве о местном самоуправлении стран СНГ наиболее четко публичные или общественные слушания как отдельный правовой институт закреплены в Законе Азербайджанской Республики «Об общественном участии» [4]. Согласно ст. 1 названного закона под общественным участием понимается участие граждан и институтов гражданского общества в установленных законом формах в подготовке и осуществлении государственной политики в различных сферах государственной и общественной жизни, принятии решений на общегосударственном и местном уровнях.

Закон определил формы общественного участия: общественные слушания, общественные советы, общественное обсуждение, изучение общественного мнения (социологический опрос), письменная консультация.

Общественное слушание – это собрание, организованное с участием полномочных представителей соответствующих государственных органов и органов местного самоуправления, представителей институтов гражданского общества, ***отдельных граждан,*** специалистов и экспертов для проведения консультаций с общественностью и информирования граждан относительно проектов правовых актов, отдельных вопросов государственной и общественной жизни, а к институтам гражданского общества закон относит ***неправительственные организации*** (общественные объединения и фонды), средства массовой информации, профсоюзы, инициативные группы граждан и квартальные комитеты муниципалитетов.

Общественные советы являются совещательно-координационной формой взаимодействия структур гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления, одной из форм участия граждан в решении государственных дел.

В Республике Беларусь общественные слушания в законодательстве не закреплены, но опыт общественных обсуждений и создания общественных советов при республиканских и местных органах власти имеется [5]. В то же время правовое регулирование создания и деятельности общественных советов требует дальнейшего совершенствования законодательства. Давно уже предлагается «закрепить в компетенции общественных советов возможность инициировать и (или) проводить ***общественные слушания*** по конкретным проблемам, входящим в сферу деятельности данного общественного совета, одновременно обязав государственные органы информационно и организационно содействовать проведению таких мероприятий (в том числе через направление на эти мероприятия своих официальных представителей), а также наделить общественные советы правом разрабатывать и вносить в государственные органы предложения по совершенствованию законодательства» [6, с. 18].

В Кодексе Грузии «О местном самоуправлении» в гл. XI (ст. 85–88) закреплены формы участия граждан в осуществлении местного самоуправления [7]. Для обеспечения участия граждан в осуществлении местного самоуправления органы муниципалитета, их структурные единицы и должностные лица обязаны создать организационные и материально-технические условия для прозрачности процесса приема граждан, участия граждан в заседаниях органов муниципалитета и принятия решений.

Среди форм участия граждан Грузии в осуществлении местного самоуправления можно назвать правотворческую инициативу и публичные отчеты. Так, не менее одного процента от общего числа зарегистрированных на территории муниципалитета избирателей вправе подготовить и представить Собранию муниципалитета проект нормативного административно-правового акта, а мэр муниципалитета и член муниципального Собрания обязаны не реже одного раза в год устраивать публичные встречи с избирателями и представлять им отчет о проделанной работе, а также отвечать на вопросы, поставленные избирателями.

В Республике Молдова Закон «О местном публичном управлении» в ст. 8 установил, что по вопросам местного значения, представляющим интерес для части населения административно-территориальной единицы, могут проводиться с этой частью населения консультации, публичные слушания и собеседования в соответствии с законом [8].

В Республике Казахстан в Законе от 2 ноября 2015 года № 383-V ЗРК «Об общественных советах» содержится следующее определение: «Общественные советы – это консультативно-совещательные, наблюдательные органы, образуемые министерствами, а также органами местного государственного управления по вопросам их компетенции, совместно с некоммерческими организациями (НКО), гражданами».

Общественные советы образуются на двух уровнях – республиканском и местном.

К общественным советам местного уровня относятся общественные советы соответствующей административно-территориальной единицы. При этом функции Общественного совета на уровне села, поселка, сельского округа, города

районного значения возлагаются на собрание местного сообщества.

Количество представителей гражданского общества в Общественном совете должно составлять не менее двух третей от общего числа его членов.

Общественные советы республиканского и местного уровней и их составы формируются рабочими группами, возглавляемыми на республиканском уровне первым руководителем соответствующего государственного органа, а на местном уровне – руководителем местного представительного органа (ст. 8).

Далее, согласно ст. 18 «Формы общественного контроля»:

1. Общественным мониторингом является процедура общественного контроля, представляющая собой наблюдение со стороны субъектов общественного контроля за деятельностью государственных органов.

2. Под **общественным слушанием** понимается процедура общественного контроля, осуществляемая посредством проведения собрания для публичного обсуждения вопросов, предусмотренных подпунктами 1), 5) и 6) пункта 1 статьи 5 настоящего Закона, а также общественно значимых решений государственных органов по вопросу их соответствия общественным интересам.

3. Общественная экспертиза – это процедура общественного контроля, основанная на использовании субъектами общественного контроля специальных знаний и (или) опыта для исследования, анализа и оценки на предмет соблюдения общественных интересов по сохранению благоприятной для жизни и здоровья граждан окружающей среды, а также исключению факторов, оказывающих негативное воздействие на обеспечение безопасности физических лиц, населенных пунктов и производственных объектов.

4. Заслушивание отчета о результатах работы государственного органа является процедурой общественного контроля и представляет собой публичное обсуждение на заседании Общественного совета результатов деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц по вопросам, предусмотренным подпунктами 2) и 3) пункта 1 статьи 5 настоящего Закона.

В Украине согласно ст. 13 Закона «О местном самоуправлении в Украине» территориальная громада имеет право проводить общественные слушания – встречаться с депутатами соответствующего совета и должностными лицами местного самоуправления, во время которых члены территориальной громады могут заслушивать их, поднимать вопросы и вносить предложения по вопросам местного значения, относящимся к ведению местного самоуправления. Предложения, которые вносятся по результатам общественных слушаний, подлежат обязательному рассмотрению органами местного самоуправления. Порядок организации общественных слушаний определяется уставом территориальной громады [9].

Главным должностным лицом украинской территориальной громады является сельский, поселковый, городской голова (глава), который избирается соответствующей территориальной громадой на основе прямых выборов и возглавляет исполнительный комитет соответствующего совета депутатов (муниципальную администрацию). По своему статусу голова самоуправления напоминает французского мэра или немецкого бургомистра. Следует отметить, что в украинской системе местной публичной власти, как и в других странах континентальной Европы, функции местного управления выполняют местные государственные администрации.

Изучение доктринальных подходов к институтам непосредственной демократии в местном самоуправлении и законодательства стран Содружества позволяет сделать вывод о том, что исследуемые институты представляют собой не простую совокупность, а целостную систему местной демократии как фундаментальный (системообразующий) институт конституционного и муниципального права всех стран-членов СНГ, так как им присущи все качества последней: единство и внутренняя дифференциация.

Рассматривая формы непосредственной демократии в местном самоуправлении (или формы участия), А.А. Уваров предлагает выделять два их вида: консультативные и императивные. Консультативные – публичные слушания, консультативный опрос, обращения, а императивные – местный референдум, местные выборы, отзыв депутатов. Императивные формы, в отличие от консультативных, имеют постановляющее значение результата волеизъявления населения [10].

Консультативные формы участия населения в осуществлении местного самоуправления часто называют инициативными формами или местными, гражданскими инициативами.

По мнению С.А. Авакьяна, «гражданская инициатива – это форма коллективного волеизъявления граждан, посредством которого мнение определенной их группы доводится до компетентного государственного органа или органа местного самоуправления и требует его реагирования» [11, с. 71].

Разделяя в целом подходы российских авторов к выделению двух групп или видов форм участия населения в местном самоуправлении,

предлагаем отдельно рассматривать третью группу форм участия – инициативы граждан по осуществлению форм местной демократии. Например, граждане инициируют (предлагают) провести местный референдум, но на определенной стадии инициатива не находит дальнейшего развития и референдум не состоится. В этом случае можно ли вести речь о непосредственном осуществлении гражданами императивной формы участия в решении самоуправленческих вопросов или нет? В частности, в Республике Беларусь за последний двадцатилетний период не было проведено ни одного местного референдума, хотя инициативы выдвигались.

Анализ белорусского законодательства о местном самоуправлении позволяет выделить порядка пятнадцати видов местных гражданских инициатив избирателей по вопросам местного значения, причем их значительная часть требует поддержки в виде сбора не менее десяти процентов подписей избирателей административно-территориальной единицы [12].

Если перевести доктринальные понятия общественных слушаний в системе муниципальной власти на бытовой язык, то в упрощенном варианте речь идет о том, что на сессии депутатов местного Совета или муниципалитета кроме самих депутатов и должностных лиц муниципальной администрации в дебатах участвуют представители общественности, инициировавшие рассмотрение вопросов, отнесенных к компетенции местного Совета.

Значение общественных слушаний и других форм непосредственного участия граждан в решении вопросов местного значения недооценивается как законодателем, так и общественностью. Без демократии участия невозможно развитие гражданского общества и местного самоуправления. Между тем у общественных слушаний в органах местного самоуправления, как и у парламентских слушаний, и других форм непосредственного участия (коллективные обращения, местные собрания, отчеты депутатов перед избирателями, консультативный опрос избирателей, правотворческая инициатива, общественная экспертиза) есть значительный потенциал.

По итогам общественных слушаний и в ходе реализации других форм непосредственного участия могут, по нашему мнению, приниматься ***решения*** следующего характера: 1) оценочного – например, признать работу местной администрации или отдельных депутатов неудовлетворительной; 2) совещательного – обсудить вопросы, которые игнорируются органами местной власти, в частности отделами образования; 3) рекомендательного – рекомендовать органам местной власти разработать положения о процедуре выделения социальной адресной помощи нуждающимся; 4) контрольного – заслушать отчеты должностных лиц местной власти о финансировании коммунальных учреждений социально-культурной сферы; 5) правотворческого – предложить юридической службе исполкома разработать в рамках правотворческой инициативы граждан проект нормативного правового акта согласно требованиям нормотворческой техники; 6) коммуникативного – проинформировать избирателей через местные СМИ о результатах общественных дебатов.

В Российской Федерации публичные слушания предусмотрены в ст. 28 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», конкретизированы в законах о местном самоуправлении субъектов РФ и уставах муниципальных образований [13].

Обратимся к опыту правовой регламентации публичных слушаний в РФ на примере г. Екатеринбурга Свердловской обл. Вопросы организации местного самоуправления муниципального образования «Город Екатеринбург» регулируются Уставом муниципального образования [14], Решением Екатеринбургской городской Думы от 28 марта 2006 года № 21/22 «Об утверждении Положения "О порядке организации и проведения публичных слушаний в муниципальном образовании 'Город Екатеринбург'"» [15].

В ст. 19 Устава муниципального образования «Город Екатеринбург» закреплены положения о публичных слушаниях и общественных обсуждениях.

Публичные слушания могут проводиться для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования Главой Екатеринбурга, городской Думой. Уставом закреплен закрытый круг субъектов, по чьей инициативе могут проходить публичные слушания: по инициативе населения, городской Думы, Главы Екатеринбурга. Для организации публичных слушаний создается Оргкомитет по проведению публичных слушаний, в который могут включаться: депутаты Екатеринбургской городской Думы; представители общественных объединений, в том числе политических партий (по одному представителю от объединения); представители профессиональных и творческих союзов, действующих на территории муниципального образования; представители предприятий, учреждений и организаций, расположенных на территории муниципального образования; представители территориального общественного самоуправления; государственные и муниципальные служащие.

Публичные слушания, проводимые по инициативе населения или городской Думы, назначаются городской Думой, а по инициативе Главы Екатеринбурга – Главой Екатеринбурга. Устав содержит закрытый перечень вопросов, выносимых на публичные слушания в обязательном порядке:

1) проект о внесении изменений и дополнений в Устав муниципального образования «Город Екатеринбург»;

2) проект бюджета муниципального образования и отчет о его исполнении;

3) проект стратегии социально-экономического развития муниципального образования;

4) вопросы о преобразовании муниципального образования.

Целями публичных слушаний являются:

– обеспечение ***гласности*** при подготовке и принятии муниципальных правовых актов органов местного самоуправления;

– ***информирование*** населения о предполагаемых решениях органов местного самоуправления;

– выявление ***общественного мнения*** по вопросам, проектам муниципальных правовых актов, выносимым на публичные слушания;

– подготовка предложений и ***рекомендаций*** для принятия решений по проектам, выносимым на публичные слушания.

Следует согласиться с мнением Г.А. Василевича, что «прямое волеизъявление граждан служит наиболее демократическим источником правотворчества. Личные и социальные интересы находят здесь органическое сочетание. Причем в институциональном отношении такие решения можно называть актами самоуправления, поскольку сближается и даже сливается круг лиц, принимающих решения, и круг лиц, исполняющих эти решения» [16, с. 111].

Заключение. Сравнительный анализ белорусского и российского законодательства в области местной демократии позволяет обозначить следующие отличительные черты: 1) большинство инициатив в Беларуси по реализации форм участия населения в осуществлении местного самоуправления требует поддержки не менее десяти процентов избирателей административно-территориальной единицы, что значительно выше, чем в муниципальных образованиях РФ; 2) регистрация инициативных групп и инициатив по проведению местных собраний, референдумов, общественных обсуждений, по созданию органов территориального общественного самоуправления в Беларуси осуществляется органами местного управления, которые не входят в систему местного самоуправления, а в РФ подобные вопросы регулируются органами самоуправления муниципальных образований; 3) в законодательстве Беларуси отсутствуют процедурные нормы, необходимые для реализации общественных слушаний как отдельной формы местной демократии.

С учетом проведенного исследования для совершенствования конституционно-правовых основ непосредственного участия населения в местном самоуправлении Республики Беларусь **предлагаем** разработать Типовой Устав органов местного управления и самоуправления, по аналогии с Уставом г. Минска и Уставами муниципальных образований РФ, в котором предусмотреть регламентацию общественных слушаний в местных Советах депутатов, а Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» дополнить ст. 36-1 «Общественные слушания в местном Совете депутатов»:

1. Общественные слушания – это собрания депутатов местного Совета, организованные по инициативе органов территориального общественного самоуправления, представителей институтов гражданского общества или групп граждан для совместного обсуждения в Совете вопросов местного значения.

2. Порядок инициирования и проведения общественных слушаний, а также их компетенция определяется настоящим Законом и Уставом органов местного управления и самоуправления соответствующей административно-территориальной единицы.

Литература

1. Кудилинский, М.Н. Муниципальное право: учебник / М.Н. Кудилинский, Н.А. Шевелева. – СПб., 2005. – 256 с.
2. О новой редакции модельного закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» [Электронный ресурс]: постановление МПА СНГ, 27 нояб. 2015 г., № 43-11 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Kompetencje po reformie administracji publicznej / pod red. Z. Niewiadomskiego. – Warszawa: Difin, 2000. – 512 s.
4. Об общественном участии [Электронный ресурс]: Закон Азербайджанской Республики, 22 нояб. 2013 г., № 816-IVQ: в ред. от 03.05.2019. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=69550. – Дата доступа: 02.04.2021.
5. Координационный совет общественных организаций и политических партий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://part.gov.by/obshchestvennye-ob-edineniya/koordinatsionnyj-sovet/. – Дата доступа: 06.04.2021.
6. Смолянко, О. Общественные советы в Беларуси: правовое регулирование и практика / О. Смолянко, Ю. Чаусов. – Минск: Медисонт, 2011. – 64 с.
7. О местном самоуправлении [Электронный ресурс]: Кодекс Грузии, 5 февр. 2014 г., № 1958-IIс. – Режим доступа: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/2244429?publication=41. – Дата доступа: 06.04.2021.
8. О местном публичном управлении [Электронный ресурс]: Закон Респ. Молдова, 28 дек. 2006 г., № 436-XVI: с изм. от 30.11.2018. – Режим доступа: http://lex.justice.md/document_rus.php?id=0D9577C4:27DF0CCC. – Дата доступа: 06.04.2021.

9. О местном самоуправлении в Украине [Электронный ресурс]: Закон Украины, 21 мая 1997 г., № 280/97-ВР: с изм. от 16.07.2020. – Режим доступа: http: //kodeksy.com.ua/ka/o_mestnom_samoupravlenii_v_ukraine.htm. – Дата доступа: 07.04.2021.
10. Уваров, А.А. Местное самоуправление как форма осуществления публичной власти народа в РФ: учеб. пособие / А.А. Уваров. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 320 с.
11. Конституционное право: энцикл. словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: НОРМА, 2001. – 688 с.
12. Куневич, Г.Г. Территориальное общественное самоуправление в Беларуси / Г.Г. Куневич. – Минск: Право и экономика, 2012. – 108 с.
13. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон, 06.10.2003, № 131-ФЗ: ред. от 27.12.2019. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW. – Дата доступа: 07.04.2021.
14. Устав муниципального образования «Город Екатеринбург» [Электронный ресурс]: решение Екатеринбургской городской Думы, 30 июня 2005 г., № 8/1: в ред. от 05.12.2017. – Режим доступа: http: //www.egd.ru / docs. – Дата доступа: 07.04.2021.
15. Об утверждении Положения «О порядке организации и проведения публичных слушаний в муниципальном образовании «город Екатеринбург») [Электронный ресурс]: решение Екатеринбургской городской Думы, 28 марта 2006 г., № 21/22. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/802056149. – Дата доступа: 07.04.2021.
16. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь. Научно-практический комментарий / Г.А. Василевич. – Минск, 2000. – 454 с.

Поступила в редакцию 14.06.2021

УДК 37.091.3-057.87:[330.1+336+336.7]

Деловые игры как инструмент развития экономических компетенций молодежи

Богатырёва В.В.[1], Капусто А.В.[2], Костюкова С.Н.[2], Шарпило М.В.[2]

[1]Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
[2]Белорусский государственный университет

Статья посвящена деловым играм как инструменту развития экономических компетенций молодежи.

Цель работы – определить роль и возможности практического применения деловых игр в развитии экономического мышления молодежи, апробировать это на примере деловой игры с экономическим содержанием.

Материал и методы. *В основу научного исследования положены труды российских и зарубежных ученых, нормативные правовые акты Республики Беларусь. При этом использованы следующие методы: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, моделирование экономических процессов.*

Результаты и их обсуждение. *На примере деловой игры с экономическим содержанием «БИЗНЕСБОЛ» продемонстрирована эффективность использования деловых игр в качестве инструмента формирования экономической компетентности молодежи.*

Заключение. *Целенаправленное проведение деловых игр экономического содержания позволит их участникам развить следующие компетенции: предприимчивость, деловую культуру, творчество, коммуникативность, инновационное мышление, умение планировать и моделировать в условиях неопределенности; повысить экономическую и финансовую грамотность, социальную успешность; укрепить нравственные ценности и лидерские качества и др.*

Ключевые слова: *деловые игры, образовательные технологии, экономические компетенции, предпринимательские навыки.*

Business Games as a Tool for the Development of Young People's Economic Competences

Bogatyreva V.V.[1], Kapusto A.V.[2], Kostiukova S.N.[2], Sharpilo M.V.[2]

[1]Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"
[2]Belarusian State University

The article deals with business games as a tool for the development of young peoples' economic competences.

The research purpose is to identify the role and possibilities for practical application of business games in the development of young people's economic thinking and give an example of a business game with economic content.

Material and methods. *The research is based on works of Russian and foreign scholars as well as normative and legal acts of the Republic of Belarus. The following methods are used in the research: cognition, analysis and synthesis, comparative analysis, modeling of economic processes.*

Findings and their discussion. *On the example of BISINESSBALL economic business game the efficiency of using business games as a tool for shaping young people's economic competences is presented.*

Conclusion. *Regular economic business games make it possible for the participants to develop such competences as enterprise, business culture, creativity, communicability, innovation thinking, ability to plan and model in the conditions of uncertainty; to improve economic and financial literacy, social success; to strengthen moral values and leadership qualities etc.*

Key words: *business games, education technologies, economic competences, skills of enterprise.*

В рамках реализации социальной молодежной политики особую актуальность приобрел вопрос воспитания экономической культуры детей и учащейся молодежи, формирования финансовой грамотности, популяризации предпринимательства. Как в завершенной программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2016–2020 гг. [1], так и в утвержденной на 2021–2025 гг. [2] закреплены экономическое, трудовое и профессиональное воспитание, направленные на формирование экономической культуры личности, понимание труда как личностной и социальной ценности, формирование готовности к осознанному профессиональному выбору. Программой предусмотрены мероприятия по формированию экономической культуры и финансовой грамотности учащихся, популяризации предпринимательства: недели финансовой грамотности; олимпиады, тренинги, конкурсы, квесты, викторины; семинары с привлечением специалистов банков, сотрудников финансовых организаций, успешных предпринимателей, представителей бизнес-центров, компаний и организаций; молодежные форумы инициатив в области экономики; встречи-интервью (с приглашением представителей бизнес-центров, сотрудников банков) по популяризации предпринимательства и др. [2].

На современном этапе образования в сфере финансовой грамотности основная доля развития и реализации обучения приходится на систему высшего образования. Вместе с тем предпринимается ряд целенаправленных мер и для повышения финансовой грамотности школьников.

Постоянная работа в этом направлении проводится Национальным банком Республики Беларусь. По его инициативе с сентября 2021 года в школах начато обучение основам финансовой грамотности. С этой целью Национальный банк, Министерство образования и авторский коллектив Белорусского государственного университета подготовили учебно-методический комплект для проведения факультативных занятий «Основы финансовой грамотности» среди учащихся 8–9-х классов. Данный комплект состоит из пособия для учащихся и пособия для учителей. Это первые в стране учебные книги, в которых доступным языком излагаются основные темы в сфере финансов. Используя материал пособия, ученики познакомятся с планированием личного бюджета, сбережениями и страхованием, кредитами, профессиями в финансовой сфере, обращением денег, цифровым банкингом, инвестициями и налогами и др.

Следует отметить, что «финансово грамотное поведение населения – основа и необходимое условие достойной жизни граждан. Оно повышает стабильность и эффективность финансового рынка страны: развивается рынок финансовых услуг, вовлекаются в экономику возрастающие сбережения населения, создаются условия для развития страхования и накопительных систем пенсионного обеспечения, – все это формирует среду, в которой человек сам, имея соответствующие знания и навыки, становится творцом собственного благосостояния и источником процветания своих близких» [3, с. 4].

Устойчивость потребительского и финансового рынков определяется способностью его участников осознанно воспринимать принципы работы финансовых инструментов и уметь разумно и эффективно использовать эти знания. Грамотный потребитель финансовых услуг, безусловно, будет легко ориентироваться в мире финансов и сознательно сможет принять оптимальное решение в случае необходимости.

Вместе с тем открытым остается вопрос о выборе методов обучения для вовлечения широкой аудитории в повышение финансовой грамотности.

Определенное место в этом процессе отводится одной из современных образовательных технологий – деловым играм.

Цель работы – определить роль и возможности практического применения деловых игр в развитии экономического мышления молодежи, апробировать это на примере деловой игры с экономическим содержанием.

Материал и методы. В основу исследования положены труды российских и зарубежных ученых, нормативные правовые акты Республики Беларусь. При этом использованы следующие методы: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, экономико-математическое моделирование.

Результаты и их обсуждение. Недостаток экономических знаний, отсутствие элементарной экономической грамотности могут вызвать последствия разного характера как для производства, так и в частной жизни, что определяется статусом человека, принявшего то или иное решение. На уровне руководства предприятием или фирмой это могут быть существенные финансовые потери, упущенные контракты, выпуск продукции на склад и т.д., в рамках планирования семейного бюджета – необдуманный кредит, участие в заведомо проигрышных вложениях, неразумные траты и т.п. Все это может привести к серьезным финансовым потерям как отдельно взятого человека, так и коммерческой структуры. В связи с развитием информационно-коммуникационных технологий, цифровизацией экономики растет интенсивность вовлечения отдельных лиц в принятие решений, так или иначе связанных с экономическим эффектом их последствий. Именно поэтому формиро-

вание и развитие экономической грамотности населения, повышение качества экономического образования – это потребность настоящего времени. Наиболее результативным направлением построения образовательной среды для достижения поставленной цели, на наш взгляд, выступает компетентностный подход.

«Основная концепция компетентностного подхода – смещение акцентов с совокупности знаний на способности выполнять определенные функции, используя знания. А это ведет к изменению конечной цели образования ... – с объема усвоенных знаний на сформированные компетенции. Компетентность стала пониматься как характеристика успешности обучения, а компетенции – как цели учебного процесса» [4, с. 33].

Согласно работам И.А. Зимней, в исследованиях выделено десять основных компетенций, определяющих профессионализм человека, из которых три относятся «к деятельности человека:

– компетенция познавательной деятельности: постановка и решение познавательных задач; нестандартные решения, проблемные ситуации – их создание и разрешение; продуктивное и репродуктивное познание, исследование, интеллектуальная деятельность;

– компетенции деятельности: игра, учение, труд; средства и способы деятельности: планирование, проектирование, моделирование, прогнозирование, исследовательская деятельность, ориентация в разных видах деятельности;

– компетенции информационных технологий: прием, переработка, выдача информации (чтение, конспектирование), массмедийные, мультимедийные технологии, компьютерная грамотность; владение электронной, Интернет-технологией» [5, с. 24].

В более общей трактовке, согласно А.В. Хуторскому, компетенция «включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. Компетентность – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [6].

В образовательных стандартах высшего образования первой ступени, действующих в Беларуси, определения компетенции и компетентности приведены в перечне основных терминов, который для всех образовательных стандартов одинаков [7].

Компетенция – знания, умения и опыт, необходимые для решения теоретических и практических задач.

Компетентность – выраженная способность применять свои знания и умения (СТБ ИСО 9000-2006).

Исходя из исследований М.В. Плюта, детализация понятия компетентности для экономической сферы приводит к следующей интерпретации: экономическая компетентность – это «результат усвоения экономических знаний и умений, формирования социально-значимых качеств личности, экономического мышления и поведения, а также формирования ценностного отношения к процессу приобретения и применения экономической информации, включения в социально-экономические отношения и готовность выполнять социально-экономические действия» [8].

Вместе с тем, несмотря на то, что «необходимость формирования экономической компетентности, являющейся частью экономической культуры в настоящее время вполне очевидна, ... процесс ее формирования в образовательном процессе вуза требует уточнения содержания и структуры понятия» [9, с. 36].

С точки зрения В.О. Евсеева, «экономическая компетентность – это базисная, интегральная характеристика личностных качеств студента, включая экономические компетенции, обеспечивающая эффективное и целесообразное осуществление деятельности в различных сферах и сегментах экономики в соответствии с принятыми в современном обществе правовыми и моральными нормами, характеризующая наличие организаторских способностей, навыков анализа и прогнозирования результатов хозяйственно-экономической деятельности, знаний о наиболее эффективных и рациональных способах ее осуществления» [9, с. 37].

В понятие экономической компетентности В.О. Евсеев включает культуру, мышление, интерес, стереотип, грамотность, сознание, поведение, законы, мировоззрение, интерпретацию, моделирование и конкурентоспособность именно с экономической позиции.

Помимо прочего, определенные требования должны быть предъявлены и к обучающему. Специалист, работающий с молодежью и имеющий целью формирование ее экономической компетентности, должен, прежде всего, сам обладать ею, а именно: владеть знаниями в области современной экономики, методикой проведения деловых игр, экономическим словарем (тезаурусом), а также иметь навыки осуществления контроля и оценки полученных молодежью знаний.

Реализация компетентностного подхода в обучении должна быть основана на использовании как традиционных, так и современных образовательных технологий. Вместе с тем следует

подчеркнуть, что вопрос о классификации технологий, применяемых в образовательной практике, является открытым, недостаточно освещенным в литературе и на данный момент не имеющим единого подхода [10].

Согласно трактовке академика Н.В. Бордовской, «образовательная технология – это вариант описания модели образовательного процесса, в котором акцент может быть сделан на дисциплинарном образе определенной отрасли знаний, организационной структуре учебного процесса, характеристике деятельности субъектов образовательного процесса или характере их взаимодействия. То есть образовательные технологии рассматривают в связи с конструированием образовательного процесса и реализацией этого проекта в образовательной практике» [10, с. 34].

Классно-урочная (традиционная) технология обучения, предложенная в XVII веке Я.А. Коменским, прочно вошла в нашу жизнь и сопровождает обучающихся с порога начальной школы до получения диплома высшего или среднего учебного заведения. Она опирается на объяснительно-иллюстративный способ обучения. В данном случае обучающий представляет собой своего рода координатора, регулирующего потребление обучаемыми знаний, задает их источник, интенсивность «вброса». Его индивидуальность может проявиться только в выборе подачи материала, объем которого регулируется учебной программой дисциплины. В итоге, главное мнение и видение вопроса остается под контролем преподавателя, в задачи учеников не входит формулирование собственных суждений по изучаемому вопросу, что снижает их внимание к занятиям, устраняет возможность возникновения дискуссии и их желание быть вовлеченными в обсуждение.

Среди новых образовательных технологий, обусловленных как развитием научно-технического потенциала, так и социальными изменениями в обществе, можно выделить: информационно-коммуникационные, проектные, проблемного обучения, игровые, модульные, здоровьесберегающие и др.

Именно игровые технологии выступают эффективными средствами обучения молодежи, находящейся на разных образовательных уровнях. Разработкой теории игры, ее методологических основ, выяснением ее социальной природы, внутренней структуры и значения для развития обучаемого в педагогике занимались такие российские ученые, как Н.В. Бордовская, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.И. Пидкасистый, И.М. Сеченов, Д.Б. Эльконин и др., в зарубежной – О. Декраль, Р. Коэй, М. Монтессори и др. Широко распространение игр в обучении было описано И.Я. Гердом, А.У. Зеленко, П.Ф. Лесгафтом, И.С. Массалитиновой, С.Т. Шацким и др. При этом проблема применения игровой деятельности в образовательном процессе для педагогической теории и практики продолжает оставаться актуальной для ученых и педагогов.

Игровые технологии можно рассматривать как «технологии активного обучения студентов и характеризовать их следующими отличиями: активизацией поведения и мышления учащихся; высокой степенью их вовлеченности в учебный процесс; обязательностью взаимодействия учащихся между собой и/или с преподавателем; наличием предпосылок для поэтапной оценки успешности и полноты усвоения материала; повышенной степенью мотивации, эмоциональности и творческого характера занятий» [11, с. 155–156].

Многие ученые отмечают эффективность игровых методов, которые обусловлены такими дидактическими свойствами игры, как:

– двойственность – сочетание условности и реальности в игровой ситуации (подключается воображение, творческое сознание);

– неопределенность исхода – возможность для игрока влиять на ситуацию, т.е. актуализируются возможности игрока – переходит из потенциального состояния в актуальное;

– добровольность – способствует росту внутренней организованности;

– полифункциональность – воспроизведение особенностей различных видов деятельности и расширение возможностей варьирования условий развития личности [12].

Таким образом, использование в обучении игровых методов поможет осуществить переход к современным образовательно-воспитательным технологиям и расширить возможности усвоения знаний учащимися и решения ими возникших проблем на основе личностно ориентированного подхода.

Для целей исследования особую практическую значимость при формировании экономической компетентности молодежи имеют деловые игры.

Особенностью деловых игр является то, что они «разрабатываются, конструируются и реализуются с учетом следующих основных психолого-педагогических принципов: имитационное моделирование конкретных условий и динамики производства, игровое моделирование содержания и форм профессиональной деятельности, совместная деятельность, диалоговое общение, двуплановость, которая отражает процесс развития реальных личностных характеристик специалиста в игровых условиях, а также принцип проблемно-

сти содержания имитационной модели и процесса ее развития в игровой деятельности [9].

Деловые игры нашли широкое применение в обучении, направленном на развитие конкретных экономических компетенций. Например, деловая игра «Разработка бизнес-планов молодежных проектов» предназначена для развития навыков экономического обоснования и целесообразности осуществления новых проектов, включая планирование затрат и конечных результатов; игра «Планирование бюджета молодой семьи» ориентирована на обучение составлению плана регулирования денежных доходов и расходов семьи на определенный период и др. [9]. В рамках международного сотрудничества белорусских и немецких ученых в последние годы был разработан, адаптирован к реалиям белорусской экономики и внедрен в учебный процесс ряд систем имитационного моделирования экономических процессов: Дельта, Биржа, USB-IV, Эколопия. Данные имитационные системы прошли апробацию и были внедрены в учебный процесс ряда ведущих высших учебных заведений Республики Беларусь, среди которых Белорусский государственный университет, Белорусский государственный экономический университет, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусский национальный технический университет.

С 1994 г. в учебном процессе экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова широко применяется игра «СТРАТЕГЕМА – 1» для моделирования экономики государства в условиях ограниченности ресурсов с учетом экспортно-импортных операций и возникновением энергетического кризиса в определенный момент времени. В оригинале данная игра называется «STRATEGEM – 1», ее разработчиком является Д. Медоуз [13].

Необходимо подчеркнуть, что «… участники игротек с помощью деловой игры смогут развить в себе следующие компетенции: ориентированность на результат – демонстрирует высокую потребность в достижении успеха и целей проекта, анализ информации – рассуждает логически, находит связи между данными, обобщает разнородную информацию и на ее основе предлагает решения в ситуациях повышенной сложности, инновационность – готовность использовать новые подходы в работе, планирование – устанавливает для себя и других направление и порядок действий, необходимые для достижения цели; межличностное понимание и работа в команде – поддерживает эффективные взаимоотношения с каждым членом команды, делится информацией и придерживается позиции взаимовыручки; стрессоустойчивость и энергичность – проявляет оптимизм и инициативу, энергичен. Проблемы решает по мере их поступления» [9, с. 141–142].

Для эффективного внедрения деловых игр в школьную и вузовскую практику требуется научный анализ их возможностей, потенциала, а также обоснование результативности.

В проведенном исследовании была рассмотрена деловая игра «БИЗНЕСБОЛ». Данная игра основана на принципе сюжетного моделирования и заключается в следующем: участникам предлагается представить себя в роли предпринимателей, которым предстоит развивать свой бизнес.

В игре принимают участие от двух до шести человек. На момент старта игры – начало первого круга – игроки находятся в равных финансовых условиях, имея равный стартовый капитал.

Цель игры озвучивается перед ее началом: заработать оговоренную сумму денег за определенное время или число сыгранных партий. Денежными единицами в игре выступают бибы (BYB).

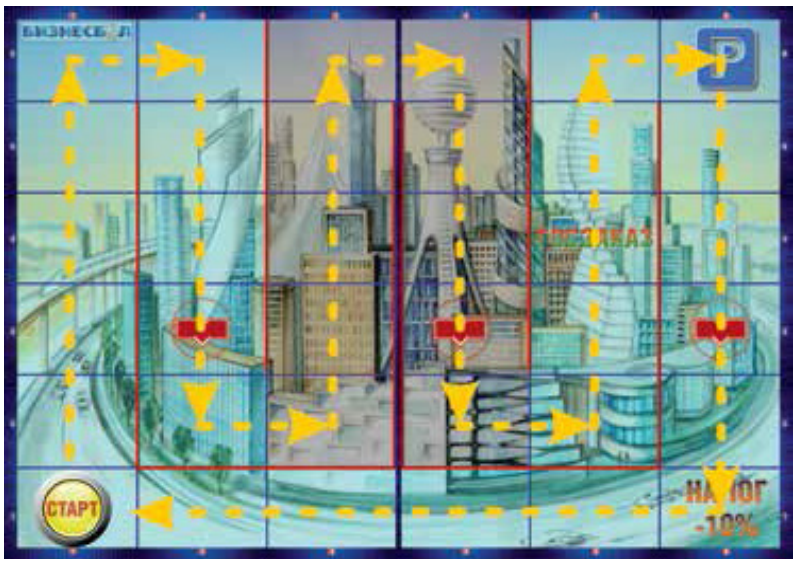


Рисунок 1 – **Игровое поле игры «БИЗНЕСБОЛ»**

Игровое поле представлено на рисунке 1 и условно разделено на две зоны: сити и экозона.

Вне делового центра города – сити (обозначен серым цветом) – игроки бросают два кубика. Внутри сити – один кубик. Каждому игроку выдается фишка, имеющая определенный цвет. В начале первого круга игровые фишки всех игроков находятся в клетке «Старт». Осуществление ходов происходит поочередно, и каждый из игроков бросает кубики. По числу очков, выпавших на кубиках, игроки передвигают игровые фишки.

Стартовый капитал каждого игрока в начале первой партии составляет, как правило, 3000 бибов (BYB). Для разработки личных стратегий поведения все игроки знакомятся с картой стоимости фирм, которая также содержит всю необходимую информацию о возможных вложениях и расходах средств.

Игрок, ставший на пустой земельный участок (пустая клетка), имеет право его купить. Стоимость земельных участков вне сити – 40 BYB, внутри сити – 80 BYB. На купленных участках устанавливается знак принадлежности, совпадающий по цвету с цветом фишки игрока. Один игрок может владеть не более чем 12 земельными участками. На приобретенных земельных участках игроки строят и развивают фирмы.

Фирму можно купить только в случае наличия земельного участка. Все фирмы разделены на группы по стоимости и доходности. Всего 30 фирм – 10 групп по 3 фирмы в каждой. За один ход один игрок может купить не более двух фирм одной группы.

При наличии трех фирм одной группы для этих фирм можно приобретать апгрейды и строить сети. Стоимость апгрейдов и сетей указана в таблице стоимости фирм.

Игрок получает доход от своих фирм в случае, если фишка игрока-конкурента окажется во время очередного хода на одном из принадлежащих ему земельных участков. В случае отсутствия апгрейдов и сетей ставший на чужой земельный участок игрок платит чистую аренду, при их наличии – увеличенную аренду. Ставки аренды за каждую фирму указаны в таблице стоимости фирм.

Несколько игроков, владеющих фирмами одной группы каждый, по договоренности между собой могут объединяться (кооперироваться) для получения возможности развития своих фирм. В этом случае игроки создают концерн. Участники концерна имеют право за свой счет совместно развивать любую из принадлежащих им фирм.

В процессе игры перед игроками-предпринимателями открывается масса возможностей для развития своего бизнеса – от покупки сети продуктовых магазинов до построения нефтяной компании. Игра может быть реализована в виде многократного последовательного повторения кругов с нарастающим итоговым результатом.

В ходе игры участники покупают землю, строят на ней фирмы, развивают бизнес, образуя крупные сети различной отраслевой направленности. Игроки зарабатывают и тратят деньги, договариваются друг с другом о вступлении в альянс, совместных стратегиях развития или вытеснении конкурентов с рынка. При этом стоимость бизнеса в BYBах приближена к реальной. Например, стоимость нефтегазового бизнеса превышает ресторанный бизнес в 15 раз. Соответственно, и рентабельность бизнеса разная. Пройдя игровой круг, каждый участник должен заплатить налоги.

Игра может продолжаться до тех пор, пока не определится сильнейший игрок согласно оговоренным условиям или не обанкротится один из игроков. По результатам игры подсчитывается капитализация каждого игрока, благодаря чему определяется победитель.

Условия игры позволяют проявить участникам свою индивидуальность, так как они могут выбирать наиболее близкую им стратегию развития своего бизнеса: кто-то сразу приобретает дорогие предприятия, кто-то начинает с фирм подешевле, но много вкладывает в их развитие, увеличивая стоимость своих компаний, а кто-то придерживается золотой середины. От выбранной стратегии бизнеса будут зависеть успех и финансовый результат компании. Подчеркнем, что единственно правильной стратегии не существует: выиграть можно с любыми фирмами в арсенале, ведь в игре «БИЗНЕСБОЛ» важны не столько фирмы, сколько умение просчитывать и предугадывать действия соперников, учитывать, в каких условиях развивается бизнес, навыки ведения переговоров и немного везения.

Следует также отметить тот факт, что алгоритм принятия бизнес-решений в ходе игры максимально приближен к реальным условиям ведения бизнеса и предполагает для каждого участника возможность примерить на себя роль предпринимателя и пройти все этапы развития бизнеса, предлагаемые в алгоритме (рисунок 2).

Анализируя алгоритм, представленный на рисунке 2, можно отметить, что в процессе игры ее участники осваивают экономическое содержание таких теоретических понятий, как инвестиции, активы, конкуренция и ее виды, доходы, прибыль, рентабельность и др. Не менее важным является возможность приобретения участниками навыков по ведению деловых переговоров, усвоения успешных схем, применения моделей влияния и убеждения как конструктивных приемов в переговорном процессе.

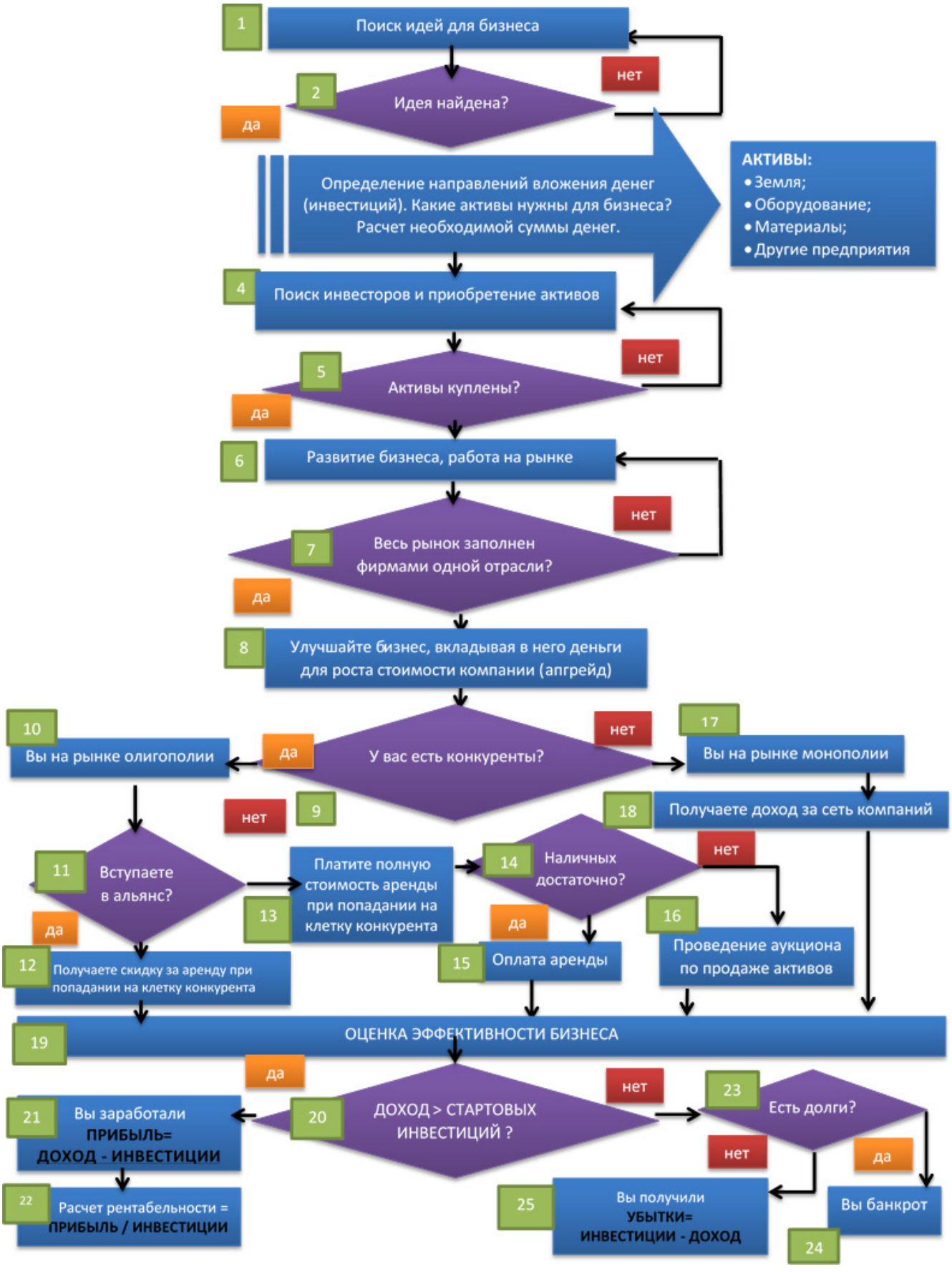


Рисунок 2 – **Алгоритм ведения бизнеса**

Источник: разработка авторов.

Анализируя алгоритм, представленный на рисунке 2, можно отметить, что в процессе игры ее участники осваивают экономическое содержание таких теоретических понятий, как инвестиции, активы, конкуренция и ее виды, доходы, прибыль, рентабельность и др. Не менее важным является возможность приобретения участниками навыков по ведению деловых переговоров, усвоения успешных схем, применения моделей влияния и убеждения как конструктивных приемов в переговорном процессе.

Кроме того, в результате проведения игры участники смогут развить свои предпринимательские способности, освоить новые виды деятельности, выработать при этом оптимальную стратегию достижения поставленной цели, научиться контролировать свою деятельность и самостоятельно строить собственную траекторию становления бизнесе.

Таким образом, игра «БИЗНЕСБОЛ» позволяет сформировать у игроков адекватные представления о сути предпринимательской деятельности и деловых процессов, повысить экономическую культуру мышления и воспитать этику делового поведения. Она показывает зависимость прибыли от разработанной стратегии ведения бизнеса, учит оперировать деньгами и соотносить доход с ценой на товар. Полученные знания помогут участникам сориентироваться при возникновении ситуаций, требующих многоэтапного планирования действий в реальной жизни.

Охарактеризуем игру «БИЗНЕСБОЛ» исходя из имеющихся классификаций игровых технологий.

Феномен рассматриваемой игры заключается в том, что она содержит элементы практически всех видов игр. А именно: «БИЗНЕСБОЛ» является познавательной игрой – участники игротеки познают новый для них мир бизнеса; учебно-деловой игрой – участники вовлекаются в деловую среду, в которой требуется принятие решений в различных бизнес-ситуациях на разных этапах игры, осуществляемой по заданным правилам группой людей в диалоговом режиме, требующей коммуникации и взаимодействия для достижения поставленной цели; учебно-имитационной игрой – ход игры основан на имитации деловой среды; учебно-ролевой игрой – участники игры примеряют новые роли (предпринимателя, партнера по бизнесу, конкурента, налогоплательщика и др.). При этом следует отметить, что в процессе игротеки происходит перевоплощение (смена ролей), например, из партнера по бизнесу в конкурента, обучаемые учатся принимать решения в проблемной ситуации (или в условиях неопределенности). Они учатся быть самостоятельными в решении стоящих перед ними задач и нести ответственность за принятые решения, оценивать влияние принятых решений на достижение поставленной цели.

Кроме того, игра «БИЗНЕСБОЛ» является дидактической, так как требует выполнения определенных правил. Вместе с тем она позволяет активизировать творческие возможности обучаемых: проявление инициативы, сообразительности, находчивости в оценке ситуации и принятии решения. И, несмотря на воображаемый характер игры и условность ситуации, переживания, испытываемые участниками, – реальные, подлинные.

Таким образом, на примере игры «БИЗНЕСБОЛ» продемонстрированы возможности формирования и развития экономических компетенций молодежи, что полностью соответствует общим требованиям, предъявляемым к результатам использования деловых игр.

Заключение. В результате проведенного исследования была подтверждена гипотеза о возможности применения деловых игр для формирования и развития экономических компетенций игроков. На примере деловой игры «БИЗНЕСБОЛ» продемонстрирована эффективность использования деловых игр в качестве инструмента формирования экономической компетентности.

Целенаправленное проведение деловых игр экономического содержания позволит их участникам развить следующие компетенции: предприимчивость, деловую культуру, творчество, коммуникативность, инновационное мышление, умение планировать и моделировать в условиях неопределенности; повысить экономическую и финансовую грамотность, социальную успешность; укрепить нравственные ценности и лидерские качества и др.

В развитие исследования по приложению деловых игр при формировании экономических компетенций будет предложена разработанная методика оценки эффективности усвоения полученных знаний и новых экономических понятий. Это позволит оценить эффективность игровых методов обучения предпринимательству среди молодежи и тем самым поможет определить уровень приращения знаний молодежи посредством деловой обучающей экономической игры.

Литература

1. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс]: постановление М-ва образования Респ. Беларусь № 9 от 22 февр. 2016 г. – Режим доступа: http://world_of_law.pravo.by/text.asp?RN=U216E2351. – Дата доступа: 26.02.2020.
2. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление М-ва образования Респ. Беларусь № 312 от 31.12.2020 г. – Режим доступа: https://adu.by/images/2021/03/programma-vospitaniya-2021-2025.pdf. – Дата доступа: 03.09.2021.

3. Основы финансовой грамотности: учеб. пособие для 8–9 кл. учреждений общ. сред. образования / С.Н. Костюкова [и др.]. – Минск: Белстан, 2020. – 318 с.: ил.
4. Тонкович, И.Н. Компетентностный подход в высшем образовании: содержательно-логический анализ / И.Н. Тонкович // Информационные образовательные технологии. – 2011. – № 3. – С. 33–38.
5. Зимняя, И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании / И.А. Зимняя. – М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 122 с.
6. Хуторской, А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты [Электронный ресурс] / А.В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». – 2002. – 23 апр. – Режим доступа: http: /eidos.ru/journal/ 2002/0423.htm. – Дата доступа: 03.09.2021.
7. Макет образовательного стандарта высшего образования I ступени. – Минск, 2013. – 21 с.
8. Плюта, М.В. Педагогические условия формирования экономической компетентности у студентов гуманитарных специальностей вуза: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 [Электронный ресурс] / М.В. Плюта. – 2010. – Режим доступа: http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-ekonomicheskoy-kompetentnosti-u-studentov-gumanitarnyh-spetsialnostey-vuza. – Дата доступа: 03.09.2021.
9. Евсеев, В.О. Деловые игры по формированию экономических компетенций: учеб. пособие / В.О. Евсеев. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2011. – 254 с.
10. Современные образовательные технологии: учеб. пособие / под ред. Н.В. Бордовской. – М.: КНОРУС, 2010. – 432 с.
11. Бордовская, Н.В. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: теория и методология проектирования: учеб. пособие / Н.В. Бордовская. – СПб.: Книжный Дом, 2007. – 408 с.
12. Замяткина, Э.С. О необходимости создания игротек в учреждениях профессионального образования / Э.С. Замяткина // Среднее профессиональное образование. – 2009. – № 10. – С. 41–43.
13. Медоуз, Д.Л. Стратиджем – 1 (Микрокомпьютерная обучающая управленческая игра о взаимодействиях между энергетикой и окружающей средой). Руководство по использованию / Д.Л. Медоуз, Ф. Тот. – Riga: University of Latvia Ecological Center, 1993.

Поступила в редакцию 15.11.2021

УДК 330.341:332.14(1-21)(476)

Факторы перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта

Клименко В.А.[1], Фаузер В.В.[2], Сергиевич Т.В.[3]

[1]Исполнительный комитет СНГ
[2]Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
[3]Белорусский национальный технический университет

Статья посвящена исследованию факторов перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта. Поскольку фактически действие агломерационных эффектов в Республике Беларусь наблюдается главным образом в Минской агломерации, при раскрытии комплекса факторов перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта учитывался, прежде всего, опыт столичной агломерации. Активная политика Республики Беларусь по повышению благосостояния и уровня жизни в малых и средних городах обусловливает актуальность научного осмысления и разработки механизмов по их переходу к устойчивому развитию.

Цель работы – выявить и содержательно описать факторы перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта.

***Материал и методы.** Материалом для написания статьи послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, результаты предыдущих исследований авторов, данные отчетов НИР, выполняемых авторами, нормативные правовые акты. В работе были использованы общенаучные методы (анализ, синтез, единство исторического и логического), системный подход.*

***Результаты и их обсуждение.** Были уточнены методологические проблемы, возникающие при оценке развития малых и средних городов в границах агломераций и их устойчивого развития, а именно системные, обусловленные различным уровнем систем сбора и обработки статистической информации в городах, недостатком релевантной статистической информации, субъективностью и неполнотой охвата данных; факторные, обусловленные соотношением разнокачественных показателей при оценке сложных социально-экономических систем, различным вкладом факторов в достижение устойчивости, динамикой этих показателей; структурные, обусловленные секторальной и отраслевой, в т.ч. моноотраслевой, специализацией, наличием специфичных конкурентных преимуществ и угроз, неравномерной пространственной организацией производственного потенциала, различным уровнем экономических, экологических и социальных рисков; возникающие в результате действия агломерационных эффектов, обусловленные искажением результатов оценки вследствие несовпадения места жительства, трудоустройства и досуга жителей малых и средних городов, сложностью учета агломерационных эффектов, связанных с перераспределением экономических ресурсов, уникальными для входящих в агломерации малых и средних городов возможностями и рисками. С учетом этого авторами были выявлены и содержательно охарактеризованы факторы перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта.*

***Заключение.** На основании проведенного исследования были выявлены и охарактеризованы такие факторы перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта, как складывающаяся в контексте стимулирования экономическими и административными методами динамика экономической активности за пределами крупного города – центра агломерации, развитие социальной и транспортной инфраструктуры малых и средних городов, динамика и структура поступления инвестиций, институциональные преобразования и качество институтов на местном уровне, динамика трудовых отношений, цифровизация общества и экономики.*

***Ключевые слова:** агломерация, устойчивое развитие, малые и средние города, агломерационный эффект, развитие городов, модернизация экономики.*

Factors of Transition to the Sustainable Development of Small and Medium Size Cities of the Republic of Belarus Under the Conditions of Agglomeration Effect

Klimenko V.A.[1], Fauzer V.V.[2], Sergiyevich T.V.[3]

[1]*CIS Executive Committee*

[2]*Institute for Social Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia*

[3]*Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus*

The article concerns itself with the study of the factors of transition to sustainable development of small and medium-sized cities of the Republic of Belarus in the conditions of the agglomeration effect. Since, in fact, agglomeration effects in the Republic of Belarus are observed mainly in the Minsk agglomeration, when disclosing a set of factors for the transition to sustainable development of small and medium-sized cities of the Republic of Belarus in the conditions of the agglomeration effect, first of all, the experience of the metropolitan agglomeration was taken into account. The active policy of the Republic of Belarus to improve the welfare and living standards in small and medium-sized cities determines the relevance of scientific understanding and development of mechanisms for their transition to sustainable development.

The purpose of the article is to identify and substantively describe the factors of transition to the sustainable development of small and medium-sized cities of the Republic of Belarus in the conditions of the agglomeration effect.

***Material and methods.** The material was the works of domestic and foreign scientists-economists, the findings of previous studies of the authors, data from research reports carried out by the authors, regulatory legal acts. During the research, general scientific methods were used (analysis, synthesis, the unity of the historical and logical), the systematic approach.*

***Findings and their discussion.** The methodological problems arising in the assessment of the development of small and medium-sized cities within the boundaries of agglomerations and their sustainable development were clarified; namely, the systemic problems caused by different levels of systems for collecting and processing statistical information in cities, lack of relevant statistical information, subjectivity and incompleteness of data coverage; the factorial problems, due to the ratio of different-quality indicators in assessing complex social and economic systems, the different contribution of factors to achieving sustainability, the dynamics of these indicators; the structural problems, due to sectoral, including mono-sectoral, specialization, the presence of specific competitive advantages and threats, uneven spatial organization of production potential, different levels of economic, environmental and social risks; problems arising as a result of agglomeration effects caused by distortion of the assessment results due to the discrepancy between the place of residence, employment and leisure of residents of small and medium-sized cities, the complexity of accounting for agglomeration effects associated with the redistribution of economic resources, unique opportunities and risks for small and medium-sized cities included in the agglomeration. Taking this into account, the authors identified and substantively characterized the factors of transition to the sustainable development of small and medium-sized cities of the Republic of Belarus in the conditions of the agglomeration effect.*

***Conclusion.** On the basis of the study, such factors of the transition to the sustainable development of small and medium-sized cities of the Republic of Belarus in the conditions of the agglomeration effect as the dynamics of economic activity outside a large city – the center of agglomeration, the development of social and transport infrastructure of small and medium-sized cities, dynamics and structure of investment inflows, institutional transformations and the quality of institutions at the local level, dynamics of labor relations, digitalization of society and the economy were identified and characterized.*

***Key words:** agglomeration, sustainable development, small and medium-sized cities, agglomeration effect, urban development, modernization of the economy.*

В Республике Беларусь инструментом реализации градостроительной политики стало институциональное оформление городов-спутников, что нашло свое отражение в Указе Президента Республики Беларусь от 7 мая 2014 г. № 214 «О развитии городов-спутников». Данным указом было установлено, что «городам областного или районного подчинения, поселкам городского типа, расположенным на расстоянии не более 60 километров от г. Минска или областного центра, по решению Президента Республики Беларусь может быть придан статус города-спутника» [1]. Названным указом также было определено, что «при придании статуса города-спутника городу областного или районного подчинения, поселку городского типа в таком населенном пункте Минским горисполкомом и облисполкомами обеспечиваются: строительство жилья для граждан, состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий в г. Минске, областном центре; формирование единой с г. Минском, областным центром социальной, производственной и транспортной инфраструктуры; регулярное транспортное сообщение городским транспортом г. Минска, областного центра в соответствии с графиком его работы» [1]. Этим же указом был придан статус городов-спутников г. Минска шести населенным пунктам, среди которых г. Дзержинск, г. Заславль, г. Логойск, г. Смолевичи,

г. Фаниполь, г.п. Руденск, статусом города-спутника г. Бреста был наделен г. Жабинка, статусом города-спутника г. Гродно – г. Скидель. Таким образом, в первом приближении можно говорить о предпосылках формирования трех агломераций в стране – Минской, Брестской и Гродненской.

Вместе с тем фактически действие агломерационных эффектов в Республике Беларусь наблюдается главным образом в Минской агломерации, поэтому целесообразным представляется при раскрытии комплекса факторов перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта учитывать, прежде всего, опыт столичной агломерации. Как отмечает российский ученый Н.В. Зубаревич, «агломерации формируются естественным путем – "мотором" служит возможность снижения издержек бизнеса и обеспечение лучших условий для удовлетворения спроса потребителей. Государство может помочь формированию агломераций, вкладывая ресурсы в инфраструктурные проекты, стимулируя интеграцию экономики и рынков труда близлежащих городов» [2, с. 22]. Положительные эффекты от развития агломерации получает не только ее центр, но и населенные пункты, входящие в состав агломерации, однако в зависимости от статуса населенного пункта эти эффекты будут различны.

Границы Минской агломерации четко не определены – ее ядром является город Минск и Минский район с г. Заславлем. В состав этой агломерации входят, наряду с г. Заславлем, населенные пункты со статусом городов-спутников – г. Дзержинск, г. Логойск, г. Смолевичи, г. Фаниполь, г.п. Руденск. Минская агломерация, обладая преимуществами столичного центра притяжения, носит ярко выраженный моноцентрический характер. Агломерационные эффекты, возникая в результате укрепления социально-экономических, трудовых и хозяйственных связей внутри агломерации, способствуют расширению как рынка агломерационного центра, так и рынков малых и средних городов. Влияние агломерационных эффектов, помимо Минского района и городов-спутников, наблюдается и в других городах, расположенных дальше от центра агломерации, таких как г. Борисов, г. Молодечно, г. Столбцы, г. Марьина Горка, аг. Пуховичи, г. Жодино, г. Червень, г. Узда и др., большинство их которых имеют прямое железнодорожное сообщение со столицей.

Статистика не позволяет произвести точную оценку развития малых и средних городов в границах агломераций и их устойчивого развития в частности, поскольку, во-первых, границы агломерации не могут быть четко определены (оговоримся, что для решения административно-управленческих и нормативно-правовых задач установить пределы агломерации, безусловно, возможно, однако их пределы в таком случае не будут совпадать с реальными границами действия агломерационных эффектов, которые в полной мере оценить в принципе нельзя); во-вторых, при оценке устойчивого развития малых и средних городов возникают определенные методологические проблемы, среди которых системные, обусловленные различным уровнем систем сбора и обработки статистической информации в городах, недостатком релевантной статистической информации, субъективностью и неполнотой охвата данных; факторные, обусловленные соотношением разнокачественных показателей при оценке сложных социально-экономических систем, различным вкладом факторов в достижение устойчивости, динамикой этих показателей; структурные, обусловленные секторальной и отраслевой, в т.ч. моноотраслевой, специализацией, наличием специфичных конкурентных преимуществ и угроз, неравномерной пространственной организацией производственного потенциала, различным уровнем экономических, экологических и социальных рисков; возникающие в результате действия агломерационных эффектов, обусловленные искажением результатов оценки вследствие несовпадения места жительства, трудоустройства и досуга жителей малых и средних городов, сложностью учета агломерационных эффектов, связанных с перераспределением экономических ресурсов, уникальными для входящих в агломерации малых и средних городов возможностями и рисками. Тем не менее с учетом проведенных ранее исследований и названных методологических уточнений возможным представляется выявить и описать факторы перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта.

Цель работы – выявить и содержательно описать факторы перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта.

Материал и методы. Материалом для написания статьи послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, результаты предыдущих исследований авторов, данные отчетов НИР, выполняемых авторами, нормативные правовые акты. В работе были использованы общенаучные методы (анализ, синтез, единство исторического и логического), системный подход.

Результаты и их обсуждение. Исследуя проблематику перехода к устойчивому развитию малых и средних городов, следует согласиться с российскими учеными в том, что «в рамках малых и средних городов на первый план вы-

двигается проблема воспроизводства территориально-отраслевой организации общества или пространственной организации городского хозяйства, как правило, сложившейся на исторически продолжительном этапе социо-эколого-экономического развития, включая размещение населения, отраслей производства и экологическую ситуацию» [3, с. 2]. Как нами отмечалось ранее, «вершинами устойчивого развития городов являются здоровая окружающая среда, социальная сплоченность, экономическая эффективность и всеобщее участие в их формировании. Другим признаком устойчивости города является его конкурентоспособность, проявляющаяся в борьбе за привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест, повышение уровня жизни. Повышение конкурентоспособности города идет за счет улучшения общих условий производственной деятельности и привлекательности его для постоянного проживания и временного пребывания» [4, с. 45]. В качестве методологической предпосылки исследования факторов перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта приведем замечание, что «любое реальное общественное явление не может быть первоначально рассмотрено в статике, а затем уже в динамике, поскольку и происхождение, и функционирование, и изменение любых социальных объектов – это непрерывный, не прекращающийся ни на мгновение процесс» [5, с. 117]. Исходя из этого, правомерно предположить, что исследуемые факторы оказывают влияние не только на переход малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта к устойчивому развитию, но и на его становление и динамику. При этом воздействие названных факторов, которые сами по себе эволюционируют, в том числе в результате взаимовлияния, может меняться.

Первым фактором перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта является динамика экономической активности за пределами крупного города – центра агломерации. Данная динамика складывается в условиях стимулирования экономической активности за пределами центра агломерации, которое осуществляется как административными методами (например, прямой запрет на строительство промышленных предприятий в пределах крупного города), так и экономическими методами (например, налоговые льготы для ведения бизнеса в сельской местности, малых и средних городах, в том числе в городах-спутниках). В Минской агломерации осуществляется постепенный перенос промышленного производства за пределы ее центра. И хотя производственные площадки некоторых промышленных предприятий г. Минска в последние годы были вынесены в область, в городе по-прежнему функционируют промышленные гиганты – Минский тракторный завод, Минский автомобильный завод, Минский завод колесных тягачей, Минский моторный завод и др., к перемещению которых пока нет ни экономической, ни инфраструктурной готовности. Перемещение крупных промышленных предприятий, помимо преимуществ урбанистического характера, связанных со снижением экологической нагрузки и нагрузки на инфраструктуру города, способствует росту экономической активности в пределах агломерации вне ее центра и стимулирует создание новых рабочих мест. В результате этих процессов с 2014 г. наблюдается увеличение отрыва Минской области от г. Минска по показателю объема промышленного производства. В отличие от динамики объемов промышленного производства в сопоставимых ценах г. Минска, которая демонстрировала волатильность на протяжении 2013–2020 гг., промышленное производство Минской области в указанный период демонстрировало только рост. В результате отрыв столицы от области увеличивается и в объеме инвестиций в основной капитал. Что примечательно, не наблюдается четкой тенденции снижения отрыва г. Минска от Минской области в объеме создаваемого ВРП, что, вероятно, обусловлено опережающим развитием сферы услуг г. Минска.

Многие малые и средние города обладают преимуществом с точки зрения наличия экономического драйвера, сложившегося исторически в результате разделения труда и специализации или определенного управленческого решения. При этом «решение о кластеризации и развитии иных видов сетевой кооперации должно приниматься на основе оценки сравнительных конкурентных преимуществ предприятий в региональном разрезе с целью их усиления и более эффективного использования имеющихся факторов производства на основе стимулирования труда и снижения трансакционных издержек» [6, с. 257]. В качестве экономического драйвера в пределах Минской агломерации выступает развитие туристического кластера (г. Заславль), медицинского кластера (д. Боровляны), сельскохозяйственного кластера (аг. Самохваловичи), научно-производственного кластера в рамках Индустриального парка «Великий камень» (Смолевичский р-н) и др.

Устойчивость развития малых и средних городов в пределах агломераций обусловлена не только динамикой показателей сферы промышленности, но и ростом сферы услуг – как потребительских услуг, так и услуг промышленного ха-

рактера. От динамики развития последних будет зависеть и динамика промышленного производства как фактора перехода малых и средних городов Республики Беларусь к устойчивому развитию в условиях агломерационного эффекта. «Отдача от опережающего развития услуг промышленного характера <…>, – пишут белорусские экономисты, – не только способствует формированию современной структуры экономики, но и может принести куда больший эффект для модернизации реального сектора» [7, с. 88]. Развитие сферы услуг промышленного характера, стимулируя занятость в малых и средних городах и создавая благоприятные хозяйственные условия для функционирования промышленных предприятий, будет способствовать устойчивому развитию малых и средних городов.

Промышленные предприятия, обеспечивающие, как правило, занятость в городах и принимающие на себя часть социальной нагрузки, природоохранной нагрузки и нагрузки по благоустройству городов, не могут напрямую влиять на развитие сферы потребительских услуг, что является необходимым условием привлекательности города для жизни и его устойчивого развития. Поэтому в качестве второго фактора перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта выделим развитие социальной и транспортной инфраструктуры малых и средних городов. Ограничителем устойчивого развития малых и средних городов является недостаточная развитость социальной инфраструктуры, включающей в себя жилье, объекты социально-культурного назначения, учреждения здравоохранения, учреждения образования, дошкольного воспитания, организации индустрии развлечений и индустрии красоты, организации розничной торговли и общественного питания и др. На сегодняшний день, как отмечает О.В. Панина, «принадлежность к социальной сфере крупнейшего города дает множество гарантий, недоступных для жителей малых и отдаленных городов. Проживание на территории агломерации позволяет пользоваться широким спектром всевозможных товаров и услуг, в том числе инновационных, доступ к которым в малых городах и сельской местности отсутствует или существенно ограничен» [8, с. 67]. Вместе с тем малые и средние города в некоторых случаях могут быть в большей степени обеспечены детскими садами и школами, амбулаторно-поликлиническими учреждениями, поэтому статистически довольно сложно ранжировать города по уровню социальной инфраструктуры.

Агломерационный эффект с точки зрения социального развития повышает доступность благ центра агломерации для жителей близлежащих городов при условии развитой транспортной инфраструктуры. При этом следует отметить как необходимость развития транспортных систем самих малых и средних городов, так и наличие удобного и быстрого транспортного сообщения (железнодорожного и автомобильного) с центром агломерации. О.А. Горанова, исследуя аспекты устойчивого развития при формировании Московской агломерации, обращает внимание на большое значение развитой улично-дорожной сети в городе «и наличие транспортно-пересадочных узлов, и функционирование удобного, комфортного и безопасного общественного транспорта (в том числе возможности каршеринга) для отказа от личных автомобилей, и создание инфраструктуры для использования электротранспорта, и постепенный переход на электротранспорт» [9, с. 13]. В отношении развития последнего в Республике Беларусь, как нами подчеркивалось ранее, в качестве одного из наиважнейших принципов должно быть заложено «разнообразие форм государственной поддержки производства и потребления электротранспорта и соответствующей инфраструктуры (зарядная инфраструктура, трансформация городской среды, энергетическая инфраструктура с учетом эксплуатации БелАЭС)» [10, с. 58].

В пределах Минской агломерации динамика фактора развития транспортной инфраструктуры определяется реализацией следующих направлений – запуск поездов городских линий, связывающих г. Заславль, г.п. Руденск, г. Смолевичи, г. Дзержинск со столицей, строительство автомобильных дорог. Главная задача развития сети городских линий состоит в обеспечении комфортной и быстрой для пассажиров связи городов-спутников с центром агломерации. Развитие сети городских линий позволяет снизить нагрузку на окружающую среду, улично-дорожную сеть и коммунальный городской транспорт, сдерживая рост потока автомобилей. В эксплуатацию введена вторая минская кольцевая автомобильная дорога (МКАД-2) вокруг г. Минска общей протяженностью около 160 км. Развитие транспортной инфраструктуры позволяет снижать государственные инвестиции в выравнивание обеспеченности социальной инфраструктурой, с одной стороны, малых и средних городов и, с другой стороны, крупных городов за счет роста использования потенциала центра агломерации. Часть затрат на развитие социальной инфраструктуры может быть переложена на частный сектор с помощью механизмов государственно-частного партнерства.

Третьим фактором перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффек-

та являются динамика и структура поступления инвестиций. Увеличение объема инвестиций и повышение их структурного разнообразия способствует переходу малых и средних городов к устойчивому развитию. При анализе данного фактора следует обратить внимание на цели и источники поступления инвестиций, которые могут быть направлены, например, на модернизацию промышленных предприятий или на развитие городской и социальной инфраструктуры. Так, Н.В. Зубаревич, анализируя развитие российских агломераций, обращает внимание на неоднородную структуру инвестиций в них: «Душевые инвестиции устойчиво выше в индустриальных городах со специализацией на нефте- и газопереработке (Пермь, Уфа, Оренбург), в отдельные годы – в городах с металлургическими заводами (Челябинск), но значительная их часть направляется на модернизацию крупных предприятий. Тем самым поддерживаются экономические функции города, а не развитие городской инфраструктуры» [11, с. 11]. Что касается Минской агломерации, в последние годы существует тренд увеличения разрыва между инвестициями в основной капитал г. Минска и Минской области в пользу последней. Вместе с тем наращивание экономического потенциала города в конечном итоге приводит к росту платежеспособного спроса в нем, который должен иметь возможность реализации. Любой дисбаланс в структуре инвестиций будет ограничивать переход малых и средних городов к устойчивому развитию. Поэтому в рамках агломерации между малыми и средними городами существует конкуренция за привлечение большего объема инвестиций, частично проявляющаяся в поиске ренты. Ранее нами отмечалось, что «рентные интересы <…> стимулируют рентоориентированное поведение, направленное на разработку и применение механизмов получения государственных трансфертов. Институциональное устройство страны напрямую влияет на масштабы проблемы рентоискательства» [12, с. 41]. Именно поэтому для перехода к устойчивому развитию малых и средних городов в условиях агломерационного эффекта особую роль играют институциональные факторы.

Четвертым фактором перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта являются институциональные преобразования и качество институтов на местном уровне. «Устойчивое развитие современных городов определяется, в первую очередь, адаптивностью к современным технологическим изменениям, цифровой трансформации, повышению роли человеческого капитала и значимости экологических аспектов городского развития, а также способностью выстраивать эффективную систему управления и взаимодействия заинтересованных сторон» [13, с. 2]. На фоне финансовых и статусных преимуществ столицы – ядра агломерации – в малых и средних городах априори сложнее создавать привлекательные условия для жизни и устойчивого развития. В этом ключе особую роль в переходе к устойчивому развитию малых и средних городов играют активность и качество деятельности местных органов власти. «Управленческий кадровый ресурс был, есть и остается главным ресурсом устойчивого развития муниципальных образований и агломераций. Обеспечение муниципальных образований высококвалифицированным кадровым потенциалом в условиях развития городской агломерации является важнейшей задачей в современных условиях в муниципальном строительстве» [14, с. 169]. При этом, как верно отмечают Ю.В. Астахов и А.С. Королев, «управленческие кадры, топ-менеджеры муниципального управления – это особая социально-профессиональная группа, занимающая чрезвычайно важное место в системе публичного управления. Именно от их компетентности, креативности, профессионализма и гражданской ответственности зависит эффективность инновационного развития, конечной целью которого является обеспечение соответствующего уровня жизни местного сообщества, организация благоприятных условий для жизнедеятельности его представителей» [14, с. 169]. Развитие институциональной среды малых и средних городов должно быть ориентировано на формирование механизмов, позволяющих при решении важнейших задач по трансформации малых и средних городов к контексте устойчивого развития учитывать все основные группы интересов. Как отмечается в научной литературе, «противоречия между позитивными и негативными последствиями роста крупных городов и городских агломераций требуют тем самым для обеспечения устойчивости их развития сбалансированности, согласования интересов всех стейкхолдеров и координации их действий» [15, с. 549]. Следовательно, для перехода к устойчивому развитию город должен быть восприимчив к институциональным преобразованиям и повышению качества институтов на местном уровне, а местная власть должна быть способна отстаивать и реализовывать интересы города в условиях постоянно возникающих конфликтов интересов в агломерации. Так, упомянутая выше профессор Н.В. Зубаревич пишет: «В отношениях муниципалитетов, входящих в агломерацию, всегда есть конфликт интересов. Самый очевидный пример связан с налогообложением: маятниковые мигранты из пригородов, работающие в крупнейшем городе-

центре, платят налоги в его бюджет, а социальные услуги получают по месту жительства. Другой пример – конфликт за землю в пригородах между местными властями и городскими группами интересов» [11, с. 18–19]. Чем более активно местная власть способна отстаивать и реализовывать интересы города в условиях постоянно возникающих конфликтов интересов в агломерации, тем быстрее и с меньшими издержками будет осуществлен переход к устойчивому развитию.

Пятым фактором перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта является динамика трудовых отношений, в том числе концентрация человеческого капитала и поведение рынка труда. Данный фактор характеризуется особой сложностью, поскольку формируется эволюционно под влиянием большого количества разнокачественных факторов, а его действие менее управляемо и прогнозируемо. Как мы отмечали ранее, «динамика трудовых отношений в нашей стране в результате цифровизации экономики не может происходить только под влиянием этого фактора, а значит на нее будут еще оказывать воздействие многие другие факторы, в том числе: социальный характер белорусского государства; сложившаяся структура экономики вообще и реального сектора в частности с соответствующей структурой занятости (а значит и соответствующих профессионально-квалификационных навыков и компетенций занятого населения); инертность и известная самостоятельность системы подготовки кадров и требований к кадрам, предъявляемых современным этапом научно-технической революции, а также психологическая неготовность части населения осваивать новые технологии» [16, с. 7]. Население малых и средних городов, как правило, более инерционно, чем население крупных городов в целом и их трудовые ресурсы в частности, в то время как самым ценным ресурсом в современной экономике являются квалифицированные предприниматели и работники-инноваторы. Необходимо при этом учитывать, что, как справедливо отмечает В.В. Богатырева, «из основных положений концепции человеческого капитала, разработанной в современной науке, следует, что его характеристики во многом определяют социально-культурные, нравственные, а также идеологические ориентиры носителя» [17, с. 7], поэтому формирование позитивной экономической идеологии ускоряет переход к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта.

При анализе динамики трудовых отношений, в том числе концентрации человеческого капитала и поведения рынка труда, как фактора перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта помимо классических и относительно доступных показателей занятости и безработицы (таких как численность зарегистрированных безработных в органах по труду, занятости и социальной защите, безработица по методологии Международной организации труда) следует оценивать и учитывать уровень неформальной занятости, самозанятости, численность занятых, вовлеченных в маятниковую трудовую миграцию, а также степень разнообразия рынка труда (так, монопрофильность города увеличивает риски шоков рынка труда, а при усилении многоукладности экономики «затрудняется перемена труда между различными квалификационно-профессиональными группами, между индивидами, занятыми в информационной и традиционной экономиках и т.д.» [18, с. 304]). Благоприятное влияние на переход к устойчивому развитию малых и средних городов будет оказывать увеличение емкости и разнообразия структуры местных рынков труда, снижение разрыва в оплате труда между центром агломерации и малыми и средними городами. На сегодняшний день наблюдается увеличение отрыва г. Минска от Минской области в размере заработной платы в пользу г. Минска. Во многом такое положение дел обусловлено тем, что в г. Минске сконцентрированы рабочие места в главных офисах крупных компаний, где оплата труда, как правило, выше и имеет проактивную динамику.

Наконец, шестым фактором перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта является цифровизация. Цифровизация общества и экономики предоставляет новые возможности для удаленной работы, что особенно актуально в контексте глобальных трендов смены предпочтений в проживании с больших перенаселенных городов на комфортные небольшие города. Эти тренды усиливаются в условиях пандемии коронавируса. Как отмечают Н.Е. Покровский, А.Ю. Макшанчикова и Е.А. Никишин, «до недавнего времени даже ближние внегородские территории по целому ряду причин (отсутствие повседневного комфорта, затраты на поездки в город и др.) оставались непривлекательными для массовой обратной миграции и длительного проживания горожан <…>. Однако в последние годы наметились серьезные изменения. Развитие телекоммуникаций и гибкой удаленной занятости, мобильной медицины и дистантного онлайн образования, а также существенный прогресс в технологическом обустрой-

стве быта на современном уровне (например, технология "умного дома") позволяют горожанам проводить во внегородских резиденциях не только лето, но и значительную часть года» [19, с. 56–57]. В Республике Беларусь наблюдаются схожие тенденции, возникшие задолго до пандемии Covid-19, когда молодые люди для жизни выбирают малые и средние города, а также так называемые экопоселения, сохраняя работу в г. Минске на условиях дистанционной занятости. Другой стороной цифровизации как фактора перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта являются возможности роста промышленного потенциала: «Распространение сетей в сочетании с цифровизацией приведет к изменению порядка взаимодействия между всеми участниками производственного процесса <…>. За счет мультифирменных сетей будет происходить объединение и рекомбинация ресурсов территорий и предприятий, возрастать функциональность каждого отдельного субъекта хозяйствования при углублении его специализации на своих основных компетенциях» [20, с. 165–166]. Цифровизация открывает новые возможности для развития промышленности в регионах за счет технологических возможностей создания эффективных межфирменных производственных сетей, экономя трансакционные издержки взаимодействия их участников.

Заключение. В результате проведенного исследования в качестве факторов перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта выделены: во-первых, складывающаяся в условиях стимулирования экономическими и административными методами динамика экономической активности за пределами крупного города – центра агломерации. Переходу к устойчивому развитию малых и средних городов в пределах агломерации способствует как развитие промышленного производства, так и развитие сферы услуг – потребительских и услуг промышленного характера. Перемещение промышленных предприятий, наряду с преимуществами урбанистического характера, содействует росту экономической активности в агломерации вне ее центра, стимулирует создание новых рабочих мест. Во-вторых, развитие социальной и транспортной инфраструктуры малых и средних городов. Развитие транспортной инфраструктуры позволяет снижать государственные инвестиции в выравнивание обеспеченностью социальной инфраструктурой городов агломерации. В-третьих, динамика и структура поступления инвестиций. В агломерации складывается конкуренция за привлечение инвестиций, частично проявляющаяся в феномене поиска ренты, поскольку увеличение их объема, повышение структурного разнообразия и отсутствие дисбалансов в их структуре способствуют переходу малых и средних городов к устойчивому развитию. В-четвертых, институциональные преобразования и качество институтов на местном уровне. На фоне финансовых и статусных преимуществ столицы – ядра агломерации – малым и средним городам априори сложнее создавать привлекательные условия для жизни и осуществлять переход к устойчивому развитию. В этой связи город должен быть восприимчив к институциональным преобразованиям и повышению качества институтов на местном уровне, а местная власть способна активно отстаивать и реализовывать интересы города в условиях постоянно возникающих конфликтов интересов в агломерации. В-пятых, динамика трудовых отношений, в том числе концентрация человеческого капитала и поведение рынка труда. Переходу к устойчивому развитию малых и средних городов способствуют увеличение емкости и разнообразия структуры местных рынков труда, снижение разрыва в оплате труда между центром агломерации и малыми и средними городами. В-шестых, цифровизация общества и экономики, расширяющая границы рынков труда и стимулирующая развитие промышленности в регионах за счет технологических возможностей создания эффективных межфирменных производственных сетей, экономя трансакционные издержки взаимодействия их участников. Названные факторы перехода к устойчивому развитию малых и средних городов Республики Беларусь в условиях агломерационного эффекта взаимосвязаны и эволюционируют под влиянием друг на друга.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-510-00007; договор с БРФФИ № Г20Р-220 от 04.05.2020 г.

Литература

1. О развитии городов-спутников: Указ Президента Респ. Беларусь, 7 мая 2014 г., № 214 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Зубаревич, Н. Развитие и конкуренция российских агломераций / Н. Зубаревич // Экон. политика. – 2008. – № 5. – С. 15–23.
3. Устойчивое развитие городов / под ред. К.В. Папенова, С.М. Никонорова, К.С. Ситкиной. – М.: Экон. фак. МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. – 288 с.
4. Устойчивое развитие малых и средних городов российского Севера: обзор работ – подходы – практики / В.В. Фаузер [и др.] // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2021. – Т. 1, № 1. – С. 41–57.

5. Солодовников, С.Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С.Ю. Солодовников. – Минск: Белорус. нац. техн. ун-т, 2014. – 379 с.
6. Сергиевич, Т.В. Методика выбора экономически предпочтительного региона для развития в нем сетевой кооперации предприятий, специализирующихся на производстве товаров интенсивного обновления / Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 255–267.
7. Солодовников, С.Ю. Взаимосвязь структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 84–94.
8. Панина, О.В. Проблемы управления устойчивым развитием городских агломераций (на примере Чебоксарской городской агломерации) / О.В. Панина // Труды Братск. гос. ун-та. Сер. Экономика и управление. – 2013. – Т. 1. – С. 64–70.
9. Горанова, О.А. Устойчивое развитие Московской агломерации. Формирование стратегического видения / О.А. Горанова // Вестн. Ун-та Правительства Москвы. – 2017. – № 4. – С. 10–14.
10. Солодовников, С.Ю. Принципы развития электротранспорта в Республике Беларусь / С.Ю. Солодовников, Т.В. Сергиевич // Инжиниринг и управление: от теории к практике: сб. материалов XVIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 апр. 2021 г. / Белорус. нац. техн. ун-т; редкол.: С.Ю. Солодовников. – Минск, 2021. – С. 58.
11. Зубаревич, Н.В. Развитие российских агломераций: тенденции, ресурсы и возможности управления / Н.В. Зубаревич // Общественные науки и современность. – 2017. – № 6. – С. 5–21.
12. Клименко, В.А. Теория поиска ренты: теоретическое осмысление / В.А. Клименко, Ю.В. Карпович // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2020. – Вып. 11. – С. 37–42.
13. Рейтинг устойчивого развития городов РФ за 2018 год // ООО «Агентство Эс Джи Эм» – Sustainable Growth Management Agency. – Вып. № 7. – 41 с.
14. Астахов, Ю.В. Устойчивое развитие Белгородской городской агломерации: кадровый аспект / Ю.В. Астахов, А.С. Королев // Диагностика и прогнозирование социальных процессов: материалы междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 27–28 окт. 2016 г.: в 2 ч. / Белгород. гос. технол. ун-т им. В.Г. Шухова; ред. Н.С. Данакин. – Белгород, 2016. – С. 157–170.
15. Рождественская, И.А. Модели устойчивого развития городских агломераций / И.А. Рождественская // Управленческие науки в современном мире = Management Sciences in the Modern World: сб. докл. науч. конф., Москва, 7–9 нояб. 2018 г. / Финанс. ун-т при Правительстве Рос. Федерации; науч. реценз. журн. «Стратегические решения и риск-менеджмент». – СПб., 2019. – Т. 1. – С. 547–551.
16. Богатырева, В.В. Эволюция трудовых отношений в Республике Беларусь в контексте цифровизации и роботизации экономики / В.В. Богатырева, М.Ю. Бобрик, Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2021. – Вып. 13. – С. 6–14.
17. Богатырева, В.В. Роль социального и человеческого капиталов в формировании и функционировании социально-экономической системы государства / В.В. Богатырева // Экономическая наука сегодня: сб. науч. тр. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2020. – Вып. 11. – С. 5–11.
18. Солодовников, С.Ю. Социально-экономические факторы, определяющие изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. тр. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 296–308.
19. Покровский, Н.Е. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации / Н.Е. Покровский, А.Ю. Макшанчикова, Е.А. Никишин // Социологические исследования. – 2020. – № 12. – С. 54–64.
20. Анализ директивных и программных документов по цифровой индустриализации Российской Федерации и Республики Беларусь / И.В. Макарова [и др.] // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – № 1. – С. 150–172.

Поступила в редакцию 04.10.2021

УДК 339.54:330.354(476+498)

Расширение белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0: факторы и риски

Солодовников С.Ю.
Белорусский национальный технический университет

Переход к Индустрии 4.0 требует расширения участия Республики Беларусь в международной технологической кооперации. В данном контексте необходимо понимать факторы и риски этого процесса.

Цель статьи – развитие теоретических основ расширения белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0, установление факторов и рисков данного процесса и на этой основе разработка технологической модернизации белорусской экономики.

***Материал и методы.** В качестве используемых материалов выступили научные труды отечественных и зарубежных ученых. Методической основой публикуемого исследования послужили методы сравнительного и статистического анализа, системный и институциональный подходы, метод дедукции и индукции, а также другие общенаучные методы и принципы познания.*

***Результаты и их обсуждение.** В статье выделены и охарактеризованы факторы, обусловливающие необходимость расширения белорусско-румынской технологической кооперации: изменение динамики внешней торговли, тенденция к сокращению доли промежуточных товаров и услуг в международной торговле, растущее влияние новых и новейших технологий на мировую торговлю, необходимость перехода к Индустрии 4.0, небывалая степень концентрации в нескольких странах важнейших сырьевых ресурсов, небывалый рост глобального социального неравенства. Определены риски, возникающие при расширении белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0. Показаны возможности снижения этих рисков за счет формирования и развития экономики доверия.*

***Заключение.** Выявлены онтологические особенности сетевых механизмов инновационного развития, показана их роль в модернизации народного хозяйства, выработаны рекомендации по совершенствованию этого процесса в Республике Беларусь.*

***Ключевые слова:** сетевая экономика, инновации, технологии, модернизация, новое качество экономического роста, управление, политическая экономия.*

Expansion of Belarusian-Romanian Technological Cooperation in the Context of the Transition to Industry 4.0: Factors and Risks

Solodovnikov S.Yu.
Belarusian National Technical University

The transition to Industry 4.0 requires the expansion of the participation of the Republic of Belarus in international technological cooperation. In this context, it is necessary to understand the factors and risks of this process.

The purpose of the article is to develop the theoretical foundations for the expansion of the Belarusian-Romanian technological cooperation in the context of the transition to Industry 4.0, to identify the factors and risks of this process and, on this basis, to develop the technological modernization of the Belarusian economy.

***Material and methods.** Scientific works of domestic and foreign scientists were used as materials. The methodological basis of the published study was the methods of comparative and statistical analysis, system and institutional approaches, the method of deduction and induction, as well as other general scientific methods and principles of cognition.*

***Findings and their discussion.** The article highlights and describes the factors that determine the need to expand Belarusian-Romanian technological cooperation: changes in the dynamics of the foreign trade, the trend towards a reduction in the share of intermediate goods and services in international trade, the growing influence of new and advanced technologies on world trade, the need to move to Industry 4.0, an unprecedented degree of concentration in several countries of the most important raw materials, an unprecedented increase in global social inequality. The article identifies the risks arising from the expansion of Belarusian-Romanian technological cooperation in the context of the transition to Industry 4.0. Possibilities for reducing these risks through the formation and development of an economy of trust are shown.*

***Conclusion.** The ontological features of the network mechanisms of innovative development are revealed; their role in the modernization of the national economy is shown; recommendations for improving this process in the Republic of Belarus are developed.*

***Key words:** network economy, innovation, technology, modernization, a new quality of economic growth, management, political economy.*

Анализ научных источников по проблематике международных технологических обменов и межстрановой технологической кооперации в контексте новой индустриализации позволяет утверждать, что они характеризуются методологическим разнообразием, теоретической разобщенностью и разноаспектностью. На сегодняшний день проблемам новой индустриализации, технологической кооперации, технологических трансфертов, взаимодействия фундаментальной и прикладной науки посвящено огромное количество исследований. Теории индустриализации и индустриального общества разрабатывались Р. Ароном, С.Ю. Глазьевым, Дж. Гэлбрейтом, Д.С. Львовым, К. Марксом, У. Ростоу, А.Н. Сенько, С.Ю. Солодовниковым, С.Г. Струмилиным, Э. Тофлером, М.И. Туган-Барановским и др. Проблемы переходной экономики, ее адаптивности к изменению технологической базы производства рассмотрены в работах В.В. Богатыревой, О.Т. Богомолова, С.Ю. Глазьева, Р.С. Гринберга, П. Ковеоса, Дж. Сакса, Г.А. Шмарловской и др. Технологическая кооперация и ее влияние на инновационное развитие стран и регионов под разным углом зрения освещены в трудах зарубежных ученых Я. Бермана, Г. Блаира, Д. Вэйгера, Я. Лафурже, Э. Ловелла, Р. Миллера, Г. Мэйсона, К. Райана, Д. Форда, Х. Шульте, которые определили значение международного трансфера технологий в деятельности коммерческих организаций; Р. Вернон, Дж. Даннинг, К. Коджима, А. Левин, Т. Озава, М. Портер, В. Тинг рассматривали влияние международного трансфера на экономику стран-экспортеров и импортеров технологий; П. Баккли, У. Зандер, М. Кассон, Ч. Киндельбергер, Б. Когут, С. Хаймер подробно анализировали отдельные аспекты международной технологической кооперации. Отечественные ученые также активно исследовали проблемы международных технологических трансфертов (Н.И. Богдан, Е.Л. Давыденко, В.Ф. Медведев, Г.В. Турбан и др.). В свою очередь В.В. Богатырева, Л.Н. Нехорошева, А.Г. Шумилин и др. содержательно охарактеризовали белорусскую инновационную систему, факторы, определяющие ее динамику и ресурсную базу. Вместе с тем до настоящего времени в этом направлении ученые экономисты не смогли сформировать единую теорию, объясняющую причины возникновения и условия преодоления организационно-экономических проблем расширения межстрановой технологической кооперации, а также системно описать закономерности и особенности этого процесса в условиях новой индустриализации, а также показать факторы и риски этих процессов на примере конкретных стран.

Цель статьи – развитие теоретических основ расширения белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0, установление факторов и рисков данного процесса и на этой основе разработка технологической модернизации белорусской экономики.

Материал и методы. В качестве используемых материалов выступили научные труды отечественных и зарубежных ученых. Методической основой публикуемого исследования послужили методы сравнительного и статистического анализа, системный и институциональный подходы, метод дедукции и индукции, а также другие общенаучные методы и принципы познания.

Результаты и их обсуждение. Выделяя и характеризуя факторы, обусловливающие необходимость расширения белорусско-румынской технологической кооперации, необходимо учитывать то, что современная экономика перешла на новый этап развития, который нами определяется как экономика рисков, под которой понимается экономика «высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков» [1, с. 45]. Названные риски, порождающие принципиально новые вызовы и угрозы и ускоряющие возникновение и протекание традиционных вызовов и угроз, требуют по новому расставить приоритеты международной технологической кооперации. По нашему мнению, обеспечение экономической безопасности страны за счет устойчивого экономического роста и обеспечения социальной справедливости распределения национального богатства должно стать первоочередной целью участия Республики Беларусь в белорусско-румынской технологической кооперации.

Ранее нами уже были выделены и подробно рассмотрены факторы, обусловливающие необходимость перехода к сетевым механизмам инновационного развития в Республике Беларусь, а именно: ускорение НТП и порождаемые этим процессом новые вызовы и угрозы; глобальная технологическая неопределенность; возрастание роли идеологического фактора, в том числе идеологии модернизации экономики и общественной жизни; возрастание роли общественно-технологических инноваций. Также было установлено, что на названные факторы оказывают влияние условия их протекания, к которым относятся: степень развития 5G сетей; налоговая политика по отношению к инновационным предприятиям; скорость реализации концепции Университет 3.0; динамика затрат на науку и образование в структуре ВВП; появление новых вызовов и угроз национальной, социальной, экономической, информационной и технологической безопас-

ности; состояние и развитие социально-научного сообщества; международные санкции [2–5]. В рамках нашего исследования также необходимо учитывать тенденцию терциализации промышленности и международной торговли.

С учетом вышесказанного в качестве главных факторов, обусловливающих необходимость расширения белорусско-румынской технологической кооперации в современных условиях, следует выделить:

во-первых, изменение динамики внешней торговли в результате того, что «растущий спрос в Китае и других развивающихся странах <…> позволяет им увеличивать потребление тех товаров, которые они производят» [6, с. 79]. Подобная стратегия руководства КНР и ряда других развивающихся стран позволяет им не только обеспечить быстрый рост реальных доходов населения и таким образом повысить экономическую и национальную безопасность страны, обеспечить устойчивый внутренний спрос на продукцию отечественных производителей, но и может оказать существенное влияние на изменение существующей структуры внешней торговли. В таком случае расширение белорусско-румынской технологической кооперации (объединение возможностей национальных индустриальных комплексов, научных организаций и университетов) может позволить нашим странам претендовать на усиление своих позиций на рынках третьих стран;

во-вторых, тенденция к сокращению доли промежуточных товаров и услуг в международной торговле, обусловленная становлением в КНР и других развивающихся странах «полномасштабных цепочек поставок, что позволяет сократить импорт промежуточных товаров и услуг» [6, с. 79]. Названная тенденция нашла свое выражение в том, что в мировой экономике «хотя производство и торговля продолжают увеличиваться в абсолютных показателях, интенсивность торговли (доля торгуемой произведенной продукции) снижается во всех стоимостных цепочках товаров» [6, с. 79]. При этом не следует забывать, что сегодня около двух третей мировой торговли продуктами по-прежнему осуществляется промежуточными товарами. Однако исходя из задач нашего исследования тенденция к сокращению доли промежуточных товаров и услуг в международной торговле играет важную роль. Таким образом, названная тенденция выступает в качестве фактора, обусловливающего необходимость расширения белорусско-румынской технологической кооперации, поскольку значительно снижает возможности наших стран по торговле промежуточными товарами и услугами;

в-третьих, растущее влияние новых и новейших технологий на мировую торговлю. Как справедливо отмечают В.Б. Кондратьев, В.В. Попов, Г.В. Кедрова, «в прошлом цифровые технологии ускоряли темпы роста торговли, снижая трансакционные издержки. Теперь новое поколение технологий обладает более многогранным эффектом. В некоторых случаях они могут сдерживать торговлю товарами, одновременно ускоряя торговлю услугами» [6, с. 79]. Разработка или даже освоение уже созданных технологий становится все более затратным делом. Снизить затраты на разработку и внедрение новых и новейших технологий белорусские исследовательские организации и производственные предприятия могут за счет развития межстрановой технологической кооперации. Поэтому растущее влияние новых и новейших технологий на мировую торговлю выступает фактором, обусловливающим необходимость расширения белорусско-румынской технологической кооперации;

в-четвертых, необходимость проведения новой индустриализации в рамках социальной парадигмы Индустрия 4.0. Как отмечается в научной литературе, в «качестве основной содержательной характеристики Индустрии 4.0 была выделена цифровая интеграция всех производственных процессов на горизонтальном и вертикальномуровнях,достигающаясязасчетвнедрения кибер-физических производственных систем. Результатом формирования Индустрии 4.0 должна стать прослеживаемая в реальном времени и самоорганизующаяся динамическая цепочка создания добавленной стоимости, которая может быть оптимизирована в соответствии с различными критериями, такими как затраты, доступность и потребление ресурсов» [7, с. 89–90];

в-пятых, небывалая степень концентрации в нескольких странах важнейших сырьевых ресурсов, необходимых для современного этапа индустриализации. Реализация концепции Индустрия 4.0 невозможна без увеличения использования редкоземельных элементов. Gustavo A. Silva, Carlos O. Petter, Nelson R. Albuquerque в статье «Factors and competitiveness analysis in rare earth mining, new methodology: case study from Brazil» пишут: «В настоящее время редкоземельные элементы считаются стратегическими, наряду с галлием – металлом, используемым в полупроводниках, и марганцем – металлом, используемым при производстве специальных сталей <…>. Одним из факторов, ответственных за возобновление этого сектора в нескольких странах мира, стало сокращение экспортных квот Китая, которое усилилось в конце 2010 года, вызвав рост мировых цен в течение 2011 года» (перевод наш. – С.С.) [8]. Названные авторы, развивая эту мысль, добавляют, что «в условиях монополизации текущей рыночной ситуации китайцам удается манипулировать не только глобальными поставками редкоземель-

ных оксидов <…>, но и ценами. Эта высокая глобальная зависимость от китайского производства касается главным образом экономически развитых стран, таких как Япония, Великобритания и США, которые производят промышленные товары с высокой добавленной стоимостью. Эта обеспокоенность также была продемонстрирована другими странами» (перевод наш. – С.С.) [8]. Сегодня практически все страны, обладающие промышленностью, ставят себе амбициозную цель перехода к Индустрии 4.0. В случае успешной реализации даже более или менее значительной их частью своей промышленной политики, ориентированной на достижение названной цели, неизбежно вырастет спрос на редкоземельные элементы. Возможность получения этих элементов уже сегодня является необходимым условием проведения новой модернизации – перехода к Индустрии 4.0. Если какая-то страна будет лишена доступа к редкоземельным элементам или будет вынуждена покупать их по монопольно высоким ценам, то можно с высокой степенью вероятности предположить, что она будет лишена возможности обладать Индустрией 4.0. Вместе с тем «крупнейшие в мире официально известные запасы (редкоземельных элементов. – С.С.) находятся в Китае с 36,7%, за которым следуют Бразилия с 22 млн тонн (18,34%), Австралия с 3,4 млн тонн (2,84%) и США с 1,4 млн тонн (1,17%). Китай также является лидером в мировой торговле: в 2016 году им продано 87,5% редкоземельных оксидов, за ним следуют Австралия (11,1%), Россия (2,1%) и Индия (1,35%). Другие страны-производители с небольшим вкладом (Малайзия, Вьетнам и Таиланд) завершили производство 126000 тонн (в метрических тоннах), произведенных в мире в 2016 году. <…> Эти цифры не включают нелегальное производство из южного Китая. По данным Китайской ассоциации производителей редкоземельных металлов, потребление РЗЭ (редкоземельных элементов. – С.С.) в Китае увеличится с 98000 т в 2015 году до 149000 т в 2020 году (см. Минеральные товарные сводки USGS, 2016)» (перевод наш. – С.С.) [8]. На основании приведенных данных следует признать, что КНР, осуществляя дальновидную политику концентрации производства и продажи редкоземельных элементов в своих руках, на сегодняшний день обладает значительной экономической силой в сфере распределения природных ресурсов, необходимых для Индустрии 4.0. В современных условиях усиления глобальных и региональных политико-экономических конфликтов эта сила может быть использована КНР в торговых войнах с США, Европейским союзом и их союзниками. Не исключено попадание под санкции или ограничения по поставкам редкоземельных элементов Беларуси и Румынии. В случае развития белорусско-румынской технологической кооперации в рамках создания и развития Индустрии 4.0 такого рода ограничения в поставках этих элементов могут быть значительно или полностью нейтрализованы за счет того, что страны входят в различные экономические союзы (Республика Беларусь в ЕАЭС, Республика Румыния в ЕС), а значит, та страна, которая не находится под санкционными ограничениями, сможет покупать необходимые для совместных технологических кооперационных проектов редкоземельные элементы. Поэтому небывалая степень концентрации в нескольких странах важнейших сырьевых ресурсов, необходимых для современного этапа индустриализации, выступает в качестве фактора, обусловливающего необходимость расширения белорусско-румынской технологической кооперации;

в-шестых, небывалый рост глобального социального неравенства. Сегодня продолжает усиливаться глобальное социальное неравенство, что, в частности, подтверждается словами Генерального секретаря ООН А. Гутерриша: «В настоящее время более 70 процентов людей в мире живут в условиях растущего неравенства в доходах и качестве жизни. 26 самых богатых людей в мире обладают совокупным богатством, которое эквивалентно доходам половины мирового населения» [9]. Он также отметил, что «в период с 1980 по 2016 год на один процент самых богатых людей мира приходилось 27 процентов общего совокупного роста доходов. Более половины 20-летних людей в странах с высоким уровнем человеческого развития в настоящее время имеют высшее образование, тогда как в странах с низким уровнем развития человеческого потенциала этот показатель составляет всего три процента» [9]. Такое сильное социально-экономическое расслоение оказывает серьезное влияние практически на все процессы, происходящие сегодня на нашей планете. В вышеназванном выступлении Генерального секретаря ООН говорится: «Около 17 процентов детей, родившихся двадцать лет назад в странах с низким уровнем развития человеческого потенциала, уже умерли» [9]. Все это усиливает тенденцию к росту политико-экономического, экономического, социального, демографического и экологического баланса на Земле. Естественным образом усиливается борьба между капиталистическими экономиками как за рынки сбыта, так и за лучшие условия получения сырья, технологий и рабочей силы. Мировая экономика в период коронавируса подвергается дополнительным вызовам и угрозам, что способствует еще большему обострению социально-экономических противоречий современного общества. А. Гутерриш отмечает, что сегодня «мир переживает глубочайший глобальный спад экономики со времен Второй миро-

вой войны и самое масштабное падение доходов мирового населения с 1870 года. Из-за пандемии еще сто миллионов человек могут оказаться в крайней нищете; голод может достичь исторических масштабов» [9]. В этих условиях странам, которые не обладают большими экономиками и не являются технологическими и финансовыми лидерами, не приходится рассчитывать на то, что рыночные механизмы смогут обеспечить их всеми необходимыми для новой индустриализации технологиями. Более того, существующая сегодня тенденция к усилению торгового противостояния между региональными союзами и отдельными государствами (торговые войны), значительно сокращает объемы мировой торговли, осуществляемые на принципах свободного рынка. Все сказанное позволяет сделать вывод, что в этих условиях страны с малой открытой экономикой, находящиеся примерно на одном технологическом и экономическом уровне развития (не являющиеся глобальными или макрорегиональными технологическими лидерами), могут повысить эффективность своего национального хозяйства за счет усиления кооперационных связей и технологических обменов между собой. Таким образом, небывалый рост глобального социального неравенства правомерно рассматривать как фактор, обусловливающий необходимость расширения белорусско-румынской технологической кооперации.

Расширение белорусско-румынской технологической кооперации не только может принести заметные технико-технологические, экономические, социальные и даже политические выгоды, но и неизбежно будет порождать новые вызовы и риски. В числе прочего это обусловливается вступлением человечества в новую стадию своего развития – экономику рисков [1]. Кроме рисков, порождаемых собственно «экономикой рисков», в процессе расширения белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0 возникают риски институционального характера. Последние сопровождают практически любые новые значительные социально-экономические процессы, которые порождают диалектическое противоречие между традиционными институтами, обеспечивающими взаимодействие исследуемого объекта и его традиционным внешним окружением и необходимостью эволюции этих институтов с целью адаптации к новым условиям жизнедеятельности.

Основные риски, возникающие при расширении белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0, не всегда очевидны. Так, усиление многоукладности экономики порождает новые и усиливает старые политико-экономические противоречия. Этот процесс может быть отнесен к важнейшим рискам, поскольку успешная реализации цифровой индустриализации (Индустрия 4.0) не только повышает конкурентоспособность национального промышленного комплекса и тем самым создает объективные условия для более быстрого роста реальных доходов населения, но и усиливает неравенство населения в получении этих доходов. В данном контексте Т.В. Сергиевич рассматривает «вероятную поляризацию рабочих мест» как следствие массовой роботизации, «где под угрозу вытеснения попадут работники средней квалификации <…>. В конечном итоге, – резюмирует указанный автор, – это создает риски усиления имущественной дифференциации в обществе» [10, с. 56]. Индивиды (социальные группы), входящие в новейшие и новые технологические уклады (т.е. в такие уклады, которые формируются на основе технологических решений, соответствующих Индустрии 4.0, или развиваются, поскольку оказывают услуги, включая и актуальные традиционные (например, некоторые финансовые услуги), востребованные и актуализированные в результате расширения доли Индустрии 4.0 в национальной экономике, улучшают свое положение как собственников, присваивая все большую и большую доли добавленной стоимости. В то время как большинство представителей традиционных хозяйственных укладов владеют, распоряжаются и пользуются все меньшей и меньшей долей национального богатства. Здесь и далее речь идет не только об абсолютной доле этого богатства, присваиваемой новыми социальными классами, сформировавшимися в процессе становления и развития Индустрии 4.0, но и о доле национального дохода, приходящейся на одного представителя разных хозяйственных укладов. Разумеется, эту тенденцию (как и любую другую тенденцию) нельзя абсолютизировать и доводить до логического абсурда. В данном случае речь идет именно о существенных трансформациях отношений собственности между различными общественными группами, а не о доходах всех без исключения представителей той или иной группы.

Следует также учитывать, что в новейших технологических укладах, которые, кроме всего прочего, не обладают такими институциональными традициями межклассового взаимодействия, как традиционные технологические уклады, т.е. господствующие классы, сформировавшиеся на основе новейших технологических укладов, «отягощены» меньшей социальной ответственностью перед представителями подчиненных классов, чем в рамках традиционных хозяйственных укладов. Это способствует развитию частно-группового социального эгоизма среди представителей нового технологического уклада, которые в массе своей начинают искренне верить, что только они

являются производительными классами и стремятся по возможности избегать принятия на себя социальных обязательств. Это создает условия для снижения социального капитала на уровне общества, усиливает социально-классовое противостояние, разрушает национальное согласие. История дает нам множество тому примеров.

Надо также учитывать, что понятия «богатство» и «бедность» – это явления исторические. То, что кажется богатством в одну эпоху, начинает восприниматься как бедность в другую. При этом с психологической точки зрения немаловажное значение имеет не только рост личного благосостояния индивида, но и то, насколько этот рост соотносится со средним ростом доходов населения страны и региона, а иногда и конкретного населенного пункта. Кроме того, индивид соотносит свой располагаемый доход, свое имущественное состояние со средним располагаемым доходом страны и региона, представителей своего класса и других классов, а в ряде случаев других «естественно» более богатых стран.

Таким образом, в результате перехода к Индустрии 4.0 усиливается имущественное неравенство, изменяется место большого количества индивидов в потребностных отношениях, ведущее к изменению, иногда радикальному, их экономических интересов, что способствует усилению социально-экономических противоречий и созданию условия для обострения классовой борьбы. При этом расширение белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0 однозначно принося значительные экономические выгоды Республике Беларусь, вместе с тем, на фоне роста вышеназванных социально-экономических противоречий может выступать социально-психологическим катализатором, усиливающим у части населения недовольство своим положением по сравнению с мифологизированным уровнем жизни в Европейском союзе. Это практически неизбежный риск и, по нашему мнению, его не стоит бояться, но его необходимо учитывать при реализации стратегии по модернизации белорусской экономики.

В качестве важнейшего риска, возникающего при проведении цифровой индустриализации вообще и при расширении белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0 в частности, выступает угроза снижения уровня доверия в социуме за счет снижения уровня социального капитала на уровне общества и усиления межклассовых и внутриклассовых противоречий. В свое время нами уже было доказано, что «социальные противоречия в обществе неизбежно возрастают при переходе к новому технологическому укладу» [11, с. 445]. В нашем случае – это переход к Индустрии 4.0. «Для трансформационной экономики (к которой в случае форсирования перехода к новому информационному технологическому укладу будет относиться в ближайшие годы социально-ориентированная белорусская экономическая система) в целом характерна неустойчивость, альтернативный характер развития и резко возрастающая роль субъективного фактора. Соответственно, возрастает, по сравнению с непереходными системами, роль государства в управлении социальными, экономическими и технико-технологическими процессами в обществе» [11, с. 446].

В качестве рисков, возникающих при проведении цифровой индустриализации в Республике Беларусь и при расширении белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0, выступают снижение социального доверия в обществе и ослабление роли государства в управлении социальными, экономическими и технико-технологическими процессами в обществе. Последнее особенно важно учитывать при преодолении таких рисков для белорусско-румынской технологической кооперации, как применение санкций и контрсанкций к участникам этого взаимодействия со стороны отдельных экономически развитых стран и/или интеграционных объединений. Только активное участие руководства Беларуси и Румынии может позволить не превратиться этим рискам в реальные угрозы как названной технологической кооперации, так и созданию в наших странах Индустрии 4.0.

При определении рисков, возникающих при расширении белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0, нельзя не учитывать риск недостижения необходимого государственно-частного консенсуса в наших странах по отношению к этому расширению. Белорусско-румынская технологическая кооперация должна рассматриваться не изолированно, а как компонент политики по формированию в наших странах Индустрии 4.0. Как известно, «проведение модернизационной структурной политики подразумевает концентрацию ресурсов на секторах экономики и отдельных экономико-образующих предприятиях, которые должны обеспечить технико-технологическую модернизацию страны, а логика современного рынка (когда крупные предприятия, как правило, находятся в акционерной, т.е. коллективной собственности) требуют от руководства частных компаний обеспечивать постоянный рост капитализации организации (рост котировок акций более быстрый, чем у конкурентов на рынках ценных бумаг), повышение ее доходности и т.д. Иначе говоря, здесь постоянно наблюдается конфликт интересов при определении приоритетов, а именно: на чем сконцентрировать ресурсы –

на текущем росте или на стратегическом развитии» [2, с. 89]. Наиболее эффективным решением этой проблемы является активное государственное участие на основе выстраивания системы «общество–государство–бизнес», основанной не только на взаимной экономической и социальной выгоде, но и на взаимном доверии, воплощенном в таком политико-экономическом феномене, как экономика доверия, включающая в себя высокий уровень социального капитала на уровне общества, классов и иных общественных групп. Как известно, «основной переменной, определяющей производственные возможности общества, выступает уровень человеческого и социального капитала, а институты улучшаются по мере роста благосостояния. Эти выводы подтверждаются послевоенным экономическим развитием стран Юго-Восточной Азии, в особенности КНР. Поэтому в целях выработки стратегий, обеспечивающих экономический рост и устойчивое развитие, необходимо прежде всего осуществлять поиск факторов, способствующих накоплению человеческого и социального потенциалов и их последующей капитализации» [12, с. 95–96]. В.В. Богатырева и Т.В. Сергиевич справедливо подчеркивают по этому поводу: «<… > технологическое и экономическое отставание Республики Беларусь от экономически развитых стран может быть преодолено лишь при условии модернизации трудовых отношений, обусловленной развитием цифровой экономики и основанной на становлении новых форм человеческого капитала и современных форм мотивации труда. Устаревшие формы человеческого капитала и трудовой мотивации сдерживают капитализацию растущего производственного потенциала предприятий реального сектора» [13, с. 22], замедляя тем самым переход к Индустрии 4.0.

Немаловажным риском, возникающим при расширении белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0, становится необходимость социально-психологического преодоления конкретными участниками этого процесса культурных, цивилизационных, политических и иных различий. В современной экономике ввиду революционного изменения роли личного фактора в производственном процессе недоверие индивидов, реально или потенциально участвующих в названной кооперации, к своим зарубежным партнерам может свести на нет все усилия по ее развитию. Минимизация этого и иных рассматриваемых выше рисков возможна только благодаря формированию современной экономики, основанной на доверии, – экономики доверия.

Экономика доверия (в общенациональном, глобальном плане) в Республике Беларусь – это современная экономика, в основе которой лежат классовое согласие, сотрудничество социальных классов и социальных групп для достижения общенациональных целей и задач. Эта экономика получает дополнительные мультипликационные и синергетические эффекты за счет экономики трансакционных издержек (положительный эффект социального капитала), концентрации экономических ресурсов на крупных (глобальных) национальных проектах (положительный эффект позитивной национальной идеологии – идеологического капитала), на формировании сверхиндустриальной основы (Индустрии 4.0) белорусской экономики, становлении социально-научного сообщества (интеллектуальный и человеческий капиталы), повышении социально-экономической эффективности системы самозанятости за счет развития малого и среднего предпринимательства (предпринимательский капитал). Институциональной основой экономики доверия выступают институты партнерства: общество–государство–бизнес.

Экономика доверия может рассматриваться и в узком смысле, когда под ней понимается хозяйственный уклад, в рамках которого обмен деятельностью осуществляется на принципах доверия, партнерства. Экономика доверия подразумевает: 1) изменение структуры потребления домашних хозяйств (социально-ответственное и экологосберегающее потребление); 2) новые интегрированные подходы к инфраструктуре и развитию, когда системно учитываются как экономический подход (по рыночной рациональности), так и доверительный подход (по социальной справедливости). Таким образом, экономика доверия как хозяйственный уклад – это способ хозяйствования, осуществляющийся на основе экономически эффективного комбинирования факторов воспроизводства (текущих факторов производства и потенциалов воспроизводственного процесса) на принципах общенационального согласия и доверия, в результате чего образуется синергетический (комбинационный) эффект, с охватыванием этим комбинированием также процесса формирования и функционирования государственной идеологии, при максимально возможном для достигнутого технологического уровня соблюдении социальных ограничений (социальной справедливости) и обеспечении экологической ориентации жизнедеятельности как относительно применяемых технологий, так и образа жизни человека и общества в целом.

Экономика доверия как экономическая категория – это современная экономика, в основе которой лежит классовое согласие, доверие к политической системе страны и ее политической и экономической элите, сотрудничество социальных классов и социальных групп, а также эффективное

партнерство общества–государства–бизнеса для достижения общенациональных целей и задач, обеспечение конкурентоспособности экономики, смягчение неравенства по доходам между отдельными слоями населения, более справедливое распределение национального богатства и обеспечение нового качества экономического роста.

Заключение. Выделены и охарактеризованы факторы, обусловливающие необходимость расширения белорусско-румынской технологической кооперации в современных условиях, а именно: изменение динамики внешней торговли в результате того, что растущий спрос в Китае и других развивающихся странах позволяет им увеличивать потребление производимых ими товаров; тенденция к сокращению доли промежуточных товаров и услуг в международной торговле; растущее влияние новых и новейших технологий на мировую торговлю; необходимость перехода к Индустрии 4.0; небывалая степень концентрации в нескольких странах важнейших сырьевых ресурсов, необходимых для современного этапа индустриализации; небывалый рост глобального социального неравенства.

Определены риски, возникающие при расширении белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0, а именно: 1) вступление человечества в новую стадию своего развития – экономику рисков; 2) институциональные различия между странами; 3) рост многоукладности экономики, который порождает новые и усиливает старые политико-экономические противоречия; 4) рост у части населения недовольства своим экономическим положением по сравнению с мифологизированным уровнем жизни в Европейском союзе; 5) угроза снижения уровня доверия в обществе за счет снижения уровня социального капитала на уровне общества и усиление межклассовых и внутриклассовых противоречий; 6) ослабление роли государства в управлении социальными, экономическими и технико-технологическими процессами в обществе; 7) сложность достижения необходимого государственно-частного консенсуса в наших странах по отношению к расширению белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0; 8) необходимость социально-психологического преодоления культурных, цивилизационных, политических и иных различий непосредственными участниками этого процесса. Раскрыты возможности снижения этих рисков за счет формирования и развития в наших странах экономики доверия.

Статья подготовлена при поддержке гранта, договор с БРФФИ № Г20РА-008 от 04.05.2020 г. «Организационно-экономические проблемы расширения белорусско-румынской технологической кооперации в контексте перехода к Индустрии 4.0».

Литература

1. Солодовников, С.Ю. Современная экономика – экономика рисков / С.Ю. Солодовников // Друкеровск. вестн. – 2019. – № 5. – С. 43–56.
2. Солодовников, С.Ю. Взаимосвязь структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 84–94.
3. Солодовников, С.Ю. Структурная политика и модернизация реального сектора / С.Ю. Солодовников // Вестн. КРАГСиУ. Сер. Теория и практика управления. – 2018. – № 20(25). – С. 58–65.
4. Солодовников, С.Ю. Относительные преимущества субординационного и ординационного управления в инновационной сфере / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2019. – Вып. 9. – С. 122–131.
5. Солодовников, С.Ю. Сетевые механизмы экономического управления как новые формы общественно-функциональных технологий / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2019. – Вып. 9. – С. 84–92.
6. Кондратьев, В.Б. Трансформация глобальных цепочек стоимости: опыт трех отраслей / В.Б. Кондратьев, В.В. Попов, Г.В. Кедрова // Новая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 3. – С. 68–79.
7. Мелешко, Ю.В. Индустрия 4.0 – новая промышленная политика Германии: теоретическая основа и практические результаты / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 80–93.
8. Silva, G.A. Factors and competitiveness analysis in rare earth mining, new methodology: case study from Brazil / G.A. Silva, C.O. Petter, N.R. Albuquerque // Heliyon. – 2018. – Vol. 4, iss. 3. – P. 1–24.
9. Генсек ООН: мы плывем по одному морю, но кто-то – на яхте, а кто-то – цепляясь за обломки [Электронный ресурс] // Новости ООН. – Режим доступа: https://news.un.org/ru/story/2020/07/1382271. – Дата доступа: 07.09.2020.
10. Сергиевич, Т.В. Роботизация и экономическая безопасность промышленного предприятия / Т.В. Сергиевич // Технико-технологические проблемы сервиса. – 2020. – № 3(53). – С. 54–58.
11. Солодовников, С.Ю. Социально-экономические условия перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу / С.Ю. Солодовников // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2007. – Т. 9, № 2. – С. 443–448.
12. Солодовников, С.Ю. Проблемы и перспективы развития социального потенциала в Республике Беларусь / С.Ю. Солодовников // Проблемы управления. – 2012. – № 2(43). – С. 95–98.
13. Богатырева, В.В. Новые и традиционные формы человеческого капитала в условиях развития цифровой экономики: постановка проблемы / В.В. Богатырева, Т.В. Сергиевич // Современное общество: проблемы, противоречия, решения: сб. науч. тр. Межвуз. науч. семинара, Санкт-Петербург, 29 мая 2020 г. / С.-Петерб. горн. ун-т; редкол.: Н.А. Вахтин [и др.]. – СПб., 2020. – С. 20–23.

Поступила в редакцию 17.03.2021

УДК 330.342:338.054.23(476)

Особенности становления и развития неформальной экономики в Республике Беларусь

Уласевич Ю.В., Русак И.Н.
Академия управления при Президенте Республики Беларусь

В статье рассмотрен категорийный аппарат понятия «неформальная экономика», а также осуществлен анализ состояния развития уровня ненаблюдаемой экономики в Республике Беларусь на основе подробного изучения доли ненаблюдаемой экономики в валовом внутреннем продукте и в валовой добавленной стоимости сферы материального производства и сферы услуг.

Цель статьи – анализ особенностей становления и развития неформальной экономики в Республике Беларусь с учетом зарубежного опыта.

Материал и методы. *Материалом послужили работы специалистов в данной сфере, таких как Кейт Харт, Эрнандо де Сото, а также сборники Всемирного банка и Национального статистического комитета Республики Беларусь. Для изучения проблем, вытекающих из неформального сектора, было целесообразно использовать статистико-экономические методы.*

Результаты и их обсуждение. *На базе многообразия определений из разных источников, включая понятия международных организаций и методических материалов, выполнено соотношение понятий «неформальная экономика» и «ненаблюдаемая экономика» для рассмотрения данных, публикуемых Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь для дальнейшего анализа обозначенной проблематики в Республике Беларусь.*

Результатом исследования является анализ как экономических, так и социальных последствий легализации неформального сектора экономики в Республике Беларусь, основанный на законодательной базе Республики Беларусь. Также выделены положительные и отрицательные аспекты легализации неформального сектора экономики в мире.

Заключение. *Предложен ряд мероприятий по регулированию ненаблюдаемой экономики в Республике Беларусь с точки зрения эффективного государственного управления исходя из социальных аспектов и экономических последствий для всего государства в целом, базируясь на основных принципах социально-экономического развития страны.*

Ключевые слова: *неформальная экономика, ненаблюдаемая экономика, теневой сектор экономики, Республика Беларусь, государственное регулирование экономики.*

Features of Shaping and Maturation of Informal Economy in the Republic of Belarus

Ulasevich Yu.V., Rusak I.N.
Academy of Public Administration under the Aegis of President of the Republic of Belarus

The article considers the categorical apparatus of the concept of "informal economy". It analyzes the state of the development of the level of unobservable economy in the Republic of Belarus on the basis of a detailed study of the share of the unobservable economy in gross domestic product and in the gross value added of the material production and services sectors.

The purpose of the article is to analyze the features of the development and maturation of the informal economy in the Republic of Belarus.

Material and methods. *The material was the work of specialists in this field, such as Kate Hart, Hernando de Soto, as well as collections of the World Bank and the Belarusian National Statistical Committee. To analyze the problems arising from the informal sector, it was advisable to use statistical and economic methods.*

Findings and their discussion. *On the basis of a variety of definitions from different sources, including the concepts of international organizations and methodological materials, the correlation of the concepts of "informal economy" and "unobservable economy" is performed for the consideration of data published by the National Statistical Committee of the Republic of Belarus for further analysis of this problem in the Republic of Belarus.*

The result of the study is an analysis of both economic and social consequences of the legalization of the informal sector of the economy in the Republic of Belarus, based on the legislative framework of the Republic of Belarus. The positive and negative aspects of the legalization of the informal sector of the economy in the world are also highlighted.

Conclusion. *A number of measures are proposed to regulate the unobserved economy in the Republic of Belarus from the point of view of effective public administration, based on the social aspects of the population and economic consequences for the entire state as a whole, touching on the basic principles of the social and economic development of the country.*

Key words: *informal economy, unobserved economy, shadow sector of the economy, the Republic of Belarus, state regulation of the economy.*

Одной из важных характеристик рынка труда в мире, где функционируют миллионы экономических субъектов и сотни миллионов рабочих, является проблема наличия неформальной занятости в формальном секторе экономики. В статье рассматриваются особенности функционирования субъектов хозяйствования в условиях неформальной экономики.

Сам термин «неформальная экономика» был введен английским антропологом Кейтом Хартом, который показал, что неформальный сектор экономики действует исходя из логики рыночных отношений, хотя существует также ряд отличий от деятельности в рамках формальной экономики. По заказу Международной организации труда было проведено исследование в 1971 году в Гане об особенностях функционирования неформальной экономики. Согласно этому исследованию значительная часть горожан данного государства, которая занята в малом и среднем бизнесе, практически не имеет связей с официальной государственной экономикой [1]. Изучению проблематики неформальной экономики посвящены научные труды перуанского экономиста и общественного деятеля Эрнандо де Сото, который известен своими исследованиями теневой экономики и роли стандартизации и формализации прав собственности. По его мнению, темп роста городского населения значительно опережает темп роста занятости, отсюда появляется темп роста явной безработицы, особенно среди недавно урбанизированного населения, что предопределяет значительную долю безработных. Также де Сото в своих научных трудах дал определение категории «порочный круг теневого сектора», под которым подразумевается рост теневого сектора экономики, приводящий к уменьшению легального сектора экономики, из-за которого государство вынуждено повышать налоги с целью возмещения потерянных доходов, что подталкивает к выходу в теневой сектор части экономических агентов. Следствием вышеперечисленного является увеличение доли неэффективной экономики в экономике страны в целом, что характеризуется ростом государственных затрат на инфраструктуру, замедлением технического прогресса, снижением производительности труда и сокращением инвестиций в реальный сектор экономики [2].

Работа в неформальной экономике часто характеризуется наличием неофициальных рабочих мест, небезопасными условиями труда, низким уровнем квалификации и производительности, низким или нерегулярным доходом, продолжительным рабочим днем и отсутствием доступа к финансовым рынкам и современным технологиям. Деятельность работников неформального сектора экономики является неофициальной, что означает невозможность ее регулирования трудовым законодательством и отсутствие социальной защиты. Распространение неформальной экономики представляет собой серьезную проблему для обеспечения государством достойных условий труда на предприятиях, недополучения налоговых доходов в бюджет, формирования конкурентоспособной экономики. Таким образом, исследование неформальности в экономике и ее влияния на экономическую стабильность и социальное благополучие является актуальным.

В настоящее время единого общепринятого понятия неформальной экономики не сформулировано (таблица 1). Многообразие позиций обусловлено различиями в характере решаемых авторами теоретических и прикладных задач, а также в методологии и методике исследования.

Цель статьи – анализ особенностей становления и развития неформальной экономики в Республике Беларусь с учетом зарубежного опыта.

Материал и методы. На базе многообразия определений из разных источников, включая понятия международных организаций и методических материалов, выполнено соотношение понятий «неформальная экономика» и «ненаблюдаемая экономика» для рассмотрения данных, публикуемых Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь для дальнейшего анализа обозначенной проблематики в Республике Беларусь. Материалом послужили работы специалистов в данной сфере, таких как Кейт Харт, Эрнандо де Сото, а также сборники Всемирного банка и Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Для анализа уровня развития неформальной экономики целесообразно использовать статистические и экономические методы экспертного анализа.

Результаты и их обсуждение. По данным Всемирного банка, за последние десять лет два миллиарда занятых в мире людей в возрасте 15 лет и старше работают неформально, что составляет 61,2% мировой занятости населения [3].

Доля неформальной занятости варьируется в различных регионах мира. Среди пяти основных регионов подавляющая часть занятого населения в Африке (85,8%) приходится на неформальный сектор экономики. В Азиатско-Тихоокеанском регионе данный показатель составляет 68,2% и практически такой же уровень занятости в неформальном секторе наблюдается в арабских государствах (68,6%). В Северной и Южной Америке, Европе и Центральной Азии занятость в неформальном секторе экономики находится на уровне 40% и 25,1% соответственно (рисунок 1) [3].

Таблица 1 – **Примеры определений понятия «неформальная экономика»**

№ п/п	Определение понятия «неформальная экономика»	Автор
1.	Сектор экономики, область человеческой деятельности, направленной на получение выгоды, основное регулирование в которой происходит при помощи доминирующих неформальных норм, может быть определена как вся экономическая деятельность, по разным причинам (неденежный оборот, высокие налоги, законодательные запреты и т.д.) не учитываемая официальной статистикой и не входящая в ВВП [4]	М.И. Николаева, А.Ю. Шевяков
2.	Диверсифицированный набор видов экономической деятельности, предприятий, рабочих мест и работников, которые не регулируются или не защищены государством [5]	WIEGO (Woman in Informal Employment: Globalizing and Organizing)
3.	Объединение качественно разнородных видов деятельности, полностью или частично не подчиненных формальным нормам хозяйствования, не подкрепленных контрактами и не фиксируемых статистическим учетом [6]	С.Ю. Барсукова
4.	Совокупность домашних хозяйств и физических лиц (единиц неформального сектора), осуществляющих производство товаров или услуг с целью обеспечения занятости и получения дохода [7]	Национальный статистический комитет Республики Беларусь
5.	Совокупность единиц, занятых производством товаров и услуг с целью обеспечения работой и доходами участвовавших в них лиц и обладающих характерными чертами предприятий домашних хозяйств [8]	Методологические положения по статистике Российской Федерации

Источник: собственная разработка на основании [4–8].

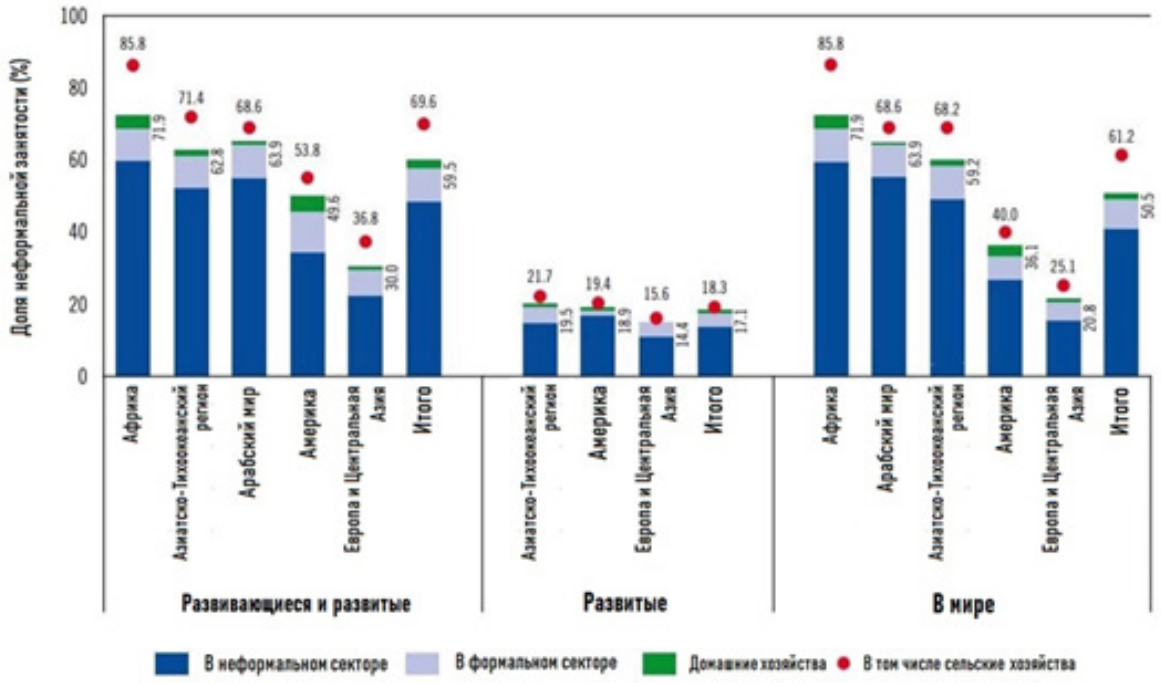


Рисунок 1 – **Доля неформальной занятости в мире,** %

Источник: собственная разработка на основании [3].

Согласно классификации Всемирного банка, развитые страны считаются странами с высоким уровнем дохода, страны с формирующимся рынком – как страны со средним доходом, а развивающиеся страны – как страны с низким уровнем дохода. Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны имеют более высокую долю в неформальном секторе экономики, чем развитые страны. На страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны приходится 82% мировой занятости и 93% мировой неформальной занятости [3].

Во всех регионах мира занятость в неформальном секторе экономики является крупнейшим компонентом неформальной занятости. Неформальная занятость в формальном секторе занимает довольно значительную долю неформальной занятости в двух регионах: Северной и Южной Америке, Европе и Центральной Азии, где она составляет 7,9% и 5,3% от общей занятости соответственно [3].

Среди оставшихся пяти регионов мира уровень неформальной занятости в секторе домашних хозяйств в Африке самый высокий – 4,3%, а средний мировой показатель в данном секторе – 2,5% [3].

Следовательно, можно сделать вывод, что занятость в теневой экономике существует практически во всех регионах мира вне зависимости от модели экономического развития.

Рассмотрим более подробно уровень развития неформальной экономики в Республике Беларусь. Неформальная экономика в Беларуси появилась в 60–70-е годы XX века. Именно этот этап называется периодом развития командно-административной системы, который характеризуется жесткой централизацией управления экономикой, строго фондируемым распределением, осуществляемым без учета реальных потребностей региона или предприятия. Отсюда следует, что неформальная экономика зародилась и распространялась в Беларуси в области легальной экономики в таких сферах, как производство предметов потребления, сельское хозяйство, сфера услуг, строительство и промышленность.

Характерными особенностями неформальной экономики Беларуси являются:

- упрощенный процесс слияния и концентрации в теневой экономике;
- расширение социальной базы неформального сектора экономики;
- распространение полулегальной экономической деятельности.

Анализируя долю ненаблюдаемой и теневой экономики в ВВП в странах СНГ за 2018 год, можно отметить, что данный показатель в Республике Беларусь – один из самых низких (2,3%)

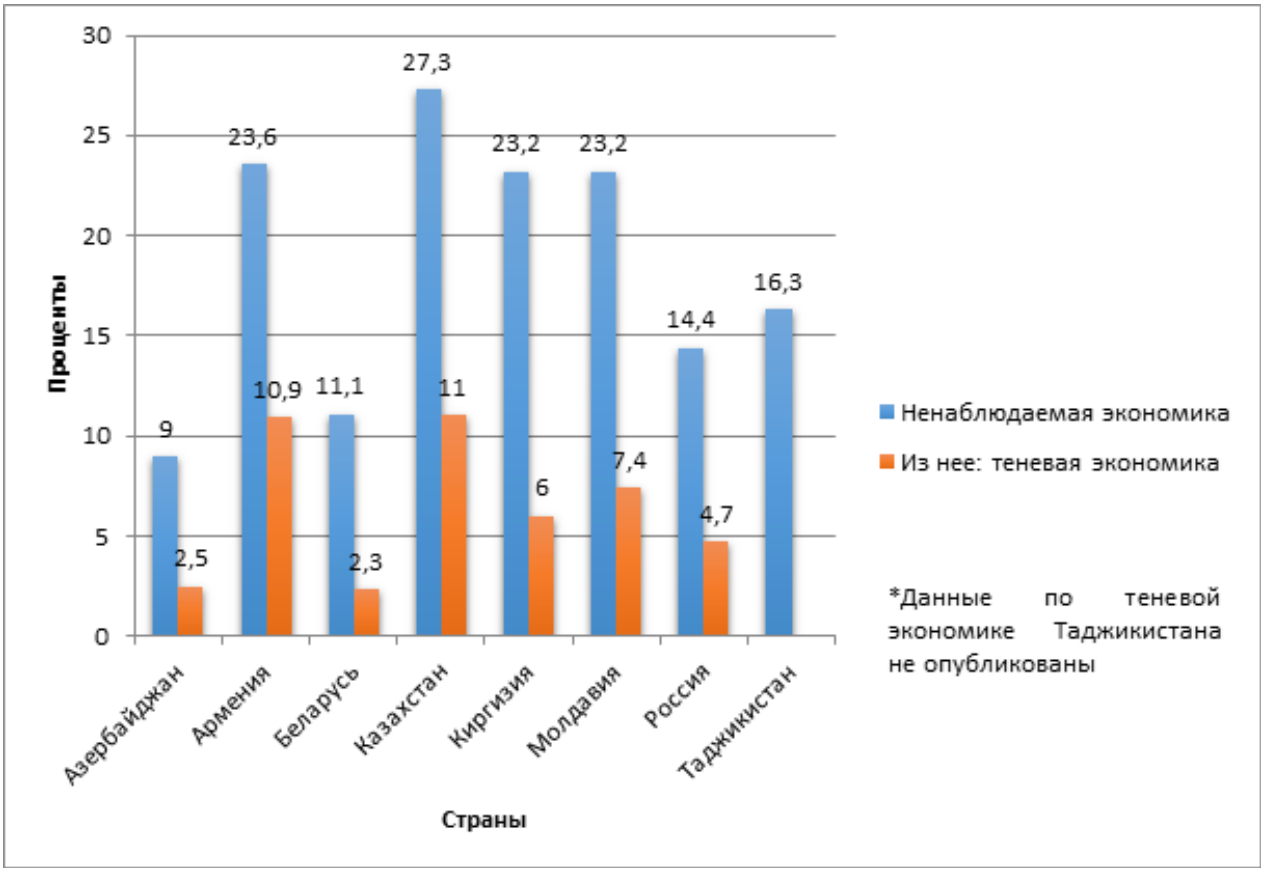
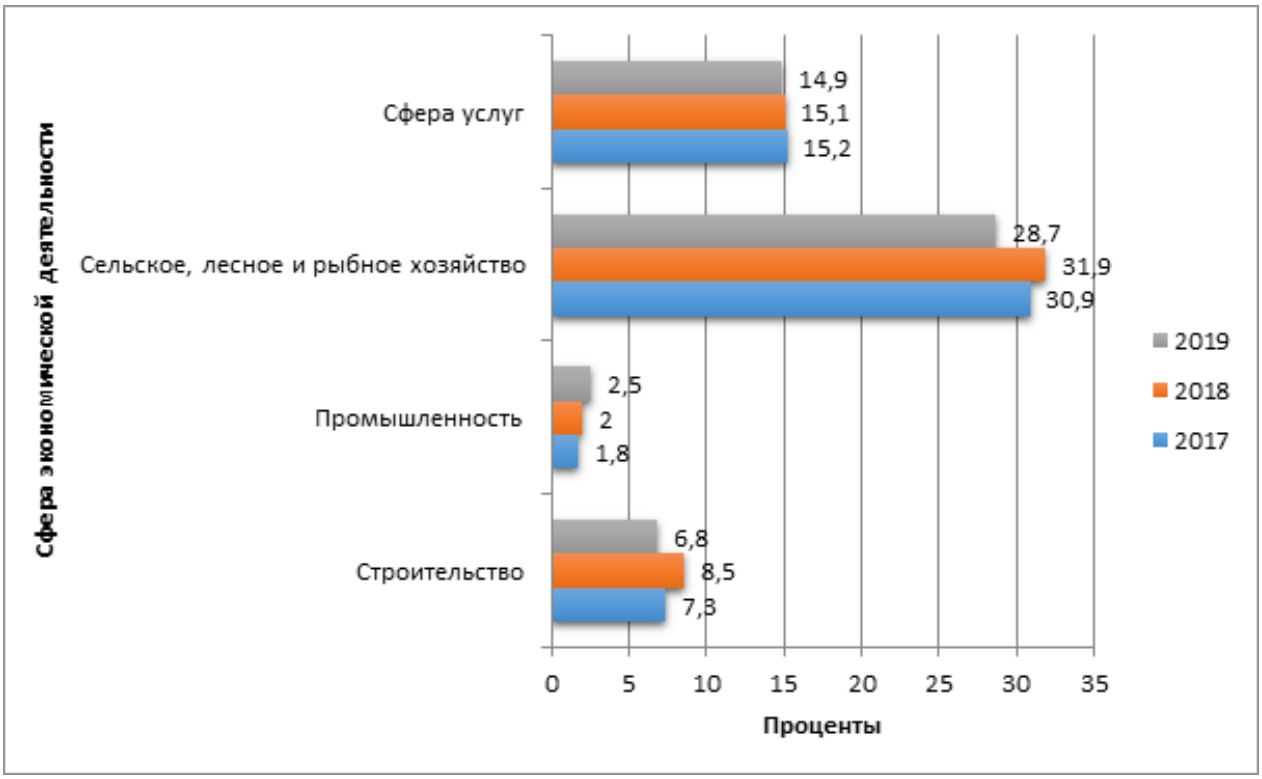


Рисунок 2 – **Доля ненаблюдаемой и теневой экономики в валовом внутреннем продукте в странах СНГ на 2018 год, %**

Источник: собственная разработка на основании данных статистического бюллетеня «Статистика СНГ».

Удельный вес ненаблюдаемой экономики
в валовой добавленной стоимости вида экономической деятельности



Удельный вес ненаблюдаемой экономики в валовом внутреннем продукте

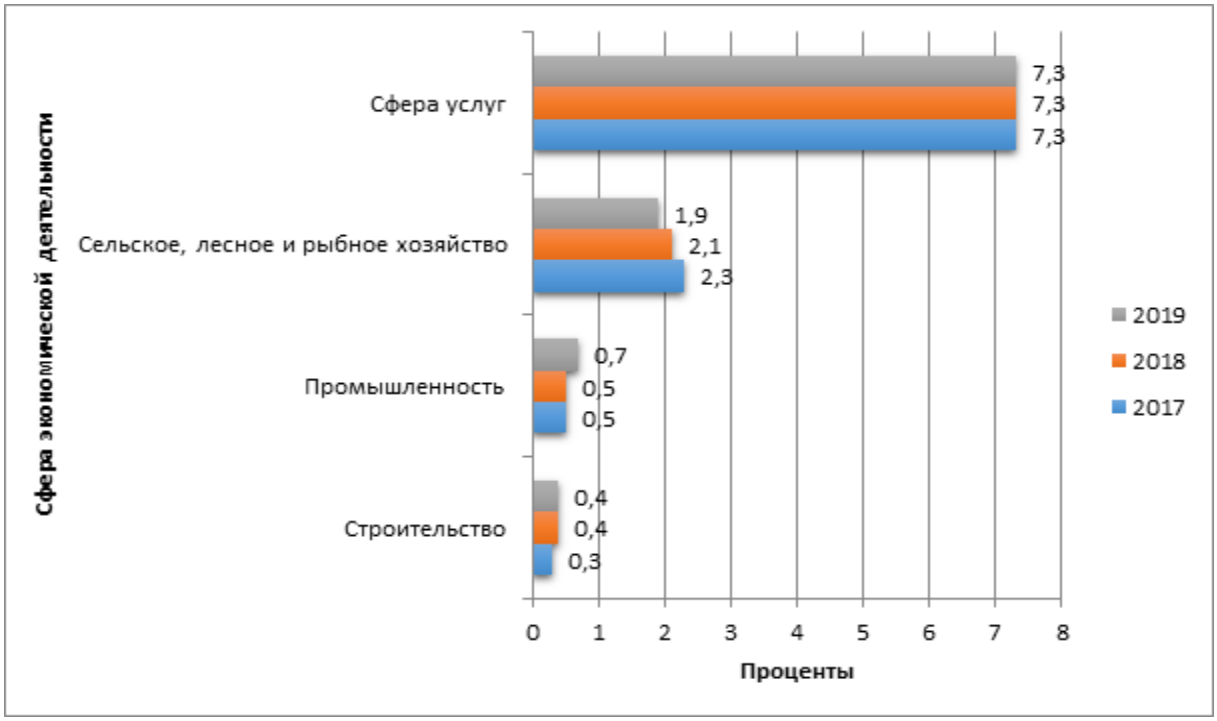


Рисунок 3 – **Ненаблюдаемая экономика по видам экономической деятельности в текущих ценах, %**
Источник: собственная разработка на основании данных Белорусского национального статистического комитета.

(рисунок 2). Как видно из рисунка 2, максимальная доля ненаблюдаемой и теневой экономики в ВВП приходится на Армению – 10,9%.

В качестве примеров неформальной занятости в Республике Беларусь можно выделить: частные медицинские консультации, репетиторство, «челночную» торговлю без уплаты налогов. Неформальная экономика в Республике Беларусь имеет свои особенности и меры, принимаемые государством в борьбе с ней, отличающиеся от мер, принимаемых в странах Запада. В Республике Беларусь не существует понятия «неформальная экономика», а есть категория «ненаблюдаемая экономика». Под ненаблюдаемой экономикой понимается часть национальной экономики, включающая деятельность по производству, обращению и использованию товаров и услуг, которая не охватывается (не полностью охватывается) государственными статистическими наблюдениями и представляет собой совокупность скрытой, неформальной и незаконной экономической деятельности (рисунок 3) [9]. Максимальный удельный вес в валовой добавленной стоимости характерен для такого вида экономической деятельности, как сельское, лесное и рыбное хозяйство, и за период 2018–2019 гг. составляет около 30%. На втором месте находится сфера услуг, в которой данный показатель в среднем составляет около 15%. Если рассмотреть удельный вес ненаблюдаемой экономики в ВВП, то неизменно за 2017–2019 годы максимальное значение характерно для сферы услуг (7,3%). В сельском, лесном и рыбном хозяйстве данный показатель имеет тенденцию к снижению (в 2017 г. – 2,3%, в 2019 г. – 1,9%).

Проанализируем зарубежный опыт борьбы с теневой экономикой в мире. Рассмотрим последствия легализации некоторых видов занятости, распространенных в неформальном секторе экономики (таблица 2).

На данный момент статистические органы многих стран не учитывают долю нелегальной занятости при расчете ВВП. Причиной этого является неполное отображение состояния данного сектора экономики при сборе и обработке информации стандартными методами.

В Республике Беларусь в 2015 году Национальный банк Республики Беларусь и Министерство по налогам и сборам представили данные

Таблица 2 – **Анализ некоторых аспектов легализации неформального сектора экономики в ряде зарубежных стран**

№ п/п	Характеристика легализации	Страна
1.	Штат Колорадо одобрил законное употребление и разведение марихуаны на референдуме штата осенью 2012 года. По сведениям правозащитной организации «Colorado Center on Law and Policy», штат сэкономил от 12 до 40 миллионов долларов за счет своей либеральной политики. После отмены уголовной ответственности за хранение марихуаны осенью 2012 г. правоохранительные органы совершили на десять тысяч меньше арестов. За 2014 год Колорадо заработал на акцизах и налогах с продаж марихуаны до 70 миллионов долларов. В первые сутки после легализации наркотика прибыль немногочисленных продавцов превысила миллион долларов [11]	США
2.	Благодаря легализации эвтаназии бюджетные медицинские организации сэкономят на аппаратах поддержания человека в коме значительные денежные средства, что способствует сокращению государственных расходов [12]	США, Австралия, Канада
3.	Легализация игорного бизнеса стимулирует поступления в государственный бюджет посредством различных налоговых отчислений [12]	Республика Беларусь, США
4.	В Нидерландах ежегодно регистрируется от 1000 до 1700 жертв сексуального рабства [13]	Нидерланды
5.	Цены на рынке марихуаны настолько высоки, что население все равно пытается нелегально достать ее за меньшую цену	США
6.	Рост смертности в связи с передозировкой психотропных веществ, эвтаназии	США, Австралия, Канада, Италия
7.	Регистрация случаев подписи родственников (законных представителей) в договорах о разрешении на эвтаназию с целью получения наследства является отрицательным аспектом легализации неформального сектора, наряду с ростом смертности в связи с передозировкой психотропными веществами, вовлечением несовершеннолетних в бизнес-услуги эскорта и сексуального рабства [13]	

Источник: собственная разработка на основании [11–13].

о доле теневой экономики в стране, которая на тот момент составила 35% ВВП. Общая сумма потерь государства – около шести триллионов неденоминированных белорусских рублей [10].

Как показал проведенный анализ, на развитие теневого сектора в Республике Беларусь влияют такие факторы, как высокий уровень налогов, неэффективность системы начисления и взимания налогов, низкая конкуренция между частными и государственными организациями на некоторых рынках, нежелание многих предпринимателей выплачивать налоги.

В Республике Беларусь осуществляется борьба с неформальной деятельностью, что подтверждается рядом изменений в Налоговом кодексе Республики Беларусь; мерами для контроля лиц, сдающих недвижимость в наем; совершенствованием системы ценового регулирования; упрощением налоговой системы в целом.

Что касается государственных нововведений, то 12 июля 2014 года вступил в силу Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения», который предусматривает ряд изменений для ужесточения мер по борьбе с теневой экономикой и, соответственно, неформальным сектором экономики [14].

Заключение. Методы борьбы с неформальным сектором экономики должны иметь точечный характер и отличаться в зависимости от меры опасности, способа проявления и ущерба, наносимого экономике. Данное экономическое явление практически невозможно полностью устранить, но можно реально сократить до «удовлетворительных» пределов с помощью соответствующих методов государственного регулирования, обеспечения качественных условий функционирования предпринимательства, совершенствования системы налогообложения, ужесточения наказаний за ведение запрещенной деятельности.

В Республике Беларусь не существует реальных предпосылок для дальнейшей легализации неформальной экономики, как это осуществлено в ряде государств Запада.

Социальная ответственность является одним из основных факторов функционирования государства в Республике Беларусь как института власти. В качестве инструментов дальнейшей борьбы с развитием теневой экономики в Республике Беларусь можно определить: упрощение процесса функционирования малых и средних организаций частной формы собственности, расширение перечня цифровых государственных услуг для борьбы с нелегальными видами экономической деятельности, обеспечение социальной защиты трудоспособного населения, официально занятого в формальном секторе экономики, информационную популяризацию негативных последствий неформальной экономики среди населения и ряд других мер и инструментов.

Литература

1. Hart, K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana / K. Hart // The Journal of Modern African Studies. – 1973. – № 1. – P. 61–89.
2. Сото, Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / Э. Сото. – М.: Catallaxy, 1995. – 320 с.
3. Women and men in the informal economy: a statistical picture. – Geneva: International Labour Office, 2018. – 164 p.
4. Николаева, М.И. Теневая экономика: методы анализа и оценки / М.И. Николаева, А.Ю. Шевякова. – М.: ЦЭМИ АН СССР, 1987. – 53 с.
5. Informal Economy [Electronic resource] // WIEGO. – Mode of access: https://www.wiego.org/informal-economy. – Data of access: 29.07.2021.
6. Барсукова, С.Ю. Неформальная экономика: структура и функциональная специфика сегментов / С.Ю. Барсукова. – М., 2004. – 35 с.
7. Краткий глоссарий статистических терминов [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/metodologiya/kratkiy-glossariy-statisticheskikh-terminov/12/. – Дата доступа: 01.08.2021.
8. Методологические положения по измерению занятости в неформальном секторе экономики [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – М., 1993. – Режим доступа: https://www.gks.ru/bgd/free/b99_10/isswww.exe/stg/d030/i030150r.htm. – Дата доступа: 01.08.2021.
9. Национальные счета Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2021. – С. 18, 82.
10. Основные положения проекта программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] // СБ. Беларусь сегодня. – Режим доступа: https://www.sb.by/articles/osnovnye-polozheniya-proektaprogrammy-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-respubliki-belarus-na-202.html. – Дата доступа: 02.08.2021.
11. Ратников, А. Рынок косяков. Экономические последствия легализации марихуаны в Колорадо [Электронный ресурс] / А. Ратников // Lenta.ru. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2014/01/15/weedbusiness/. – Дата доступа: 02.08.2021.
12. Кальверт, Г. Азартные игры в Америке [Электронный ресурс] / Г. Кальверт // Inlibery. – Режим доступа: https://old.inliberty.ru/library/341-azartnyeigry-v-amerike. – Дата доступа: 01.04.2021.
13. Проституция в Нидерландах [Электронный ресурс] // Wikiwand. – Режим доступа: https://www.wikiwand.com/ru. – Дата доступа: 02.08.2021.
14. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2005. – Режим доступа: http://www.pravo.by/. – Дата доступа: 12.08.2021.

Поступила в редакцию 14.09.2021

УДК 338.48:330.131:338.24:332.14(476.5)

Оценка социально-экономических эффектов формирования региональной туристической дестинации

Янкевич Е.М.
Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

Под социально-экономическим эффектом формирования региональной дестинации следует понимать полезный результат воздействия туризма на ее экономическую и социальную сферы, оказывающий прямое, косвенное и скрытое влияние, взаимосвязанный через систему сбалансированных показателей, способствующий повышению благосостояния населения и укреплению имиджа туристическо-рекреационного потенциала региона.

Объектом исследования является оценка уровня социально-экономических эффектов формирования региональной дестинации. Предмет для изучения – устойчивое развитие туристической дестинации и ее воздействие на уровень социально-экономического развития региона.

Цель статьи – оценка социально-экономических эффектов формирования региональной туристической дестинации на примере Оршанского района.

***Материал и методы.** Материалом для анализа послужили нормативные правовые акты, данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Инспекции Министерства по налогам и сборам, труды ученых-экономистов, предыдущие исследования автора. Основные методы: структурно-логический, анализ и синтез, индукция, дедукция, статистические.*

***Результаты и их обсуждение.** Апробирована методика оценки социально-экономических эффектов формирования туристической региональной дестинации на основе применения сбалансированной системы показателей (ССП). По разработанной блок-схеме классификации социально-экономических эффектов формирования региональной дестинации проведена оценка степени воздействия туристической сферы на развитие региона и обоснована необходимость сбалансированного подхода к проведению оценки, что является новым направлением исследования в туристической дестинации. Показан механизм оценки, состоящий из нескольких этапов: выбор показателей, отбор критериев, принятие управленческих решений. Разработана конфигурация сбалансированной системы показателей для оценки социально-экономических эффектов туристической дестинации, имеющая структуру, предопределяющую три составляющих ССП, в рамках которых представлены частные индикаторы, позволяющие отслеживать воздействие туризма на социально-экономическое развитие региона. Предложена номенклатура ССП оценки социально-экономических эффектов Оршанского района. Разработана методика расчета интегрального показателя оценки эффектов. Выявленные результаты оценки матриц позволяют обоснованно говорить о непосредственном влиянии темпа изменения количества туристических посещений на степень социально-экономического развития туристической дестинации.*

***Заключение.** Методика оценки позволяет утверждать, что туризм как комплексообразующая сфера, формирующая социально-экономические эффекты, способен создать соответствующие благоприятные условия для развития других отраслей на территории дестинации. Проведенные исследования могут быть использованы для оценки уровня устойчивого развития регионов и своевременного реагирования управленческих структур на механизм взаимодействия взаимосвязанных показателей. Полученные результаты могут найти применение при обосновании предложений и мер регулирования развития туризма в дестинации для реализации управленческого подхода к развитию региона.*

***Ключевые слова:** социально-экономические эффекты, оценка, дестинация, туристическо-рекреационный комплекс, целевой подход, система сбалансированных показателей, интегральный показатель, Оршанский регион.*

Assessment of Social and Economic Effects of Shaping a Regional Tourist Destination

Yankevich E.M.
Education Establishment "Belarusian State Economic University"

The social and economic effect should be understood as a useful result of the impact of tourism on the economic and social sphere of the destination, which has a direct, indirect and hidden impact, interconnected through a system of balanced indicators, contributing to an increase in the well-being of the population and strengthening the image of the tourist and recreational potential of the region.

The object of the research is to assess the level of social and economic effects of shaping a regional destination. The subject of the research is the sustainable development of a tourist destination and its impact on the level of social and economic development of the region.

The purpose of the article, based on the previously studied approaches of domestic and foreign scientists and the developed author's model, is to assess the level of the social and economic effect of shaping a regional tourist destination in Orsha District.

***Material and methods.** The material was normative legal acts, data from the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, the Inspectorate of the Ministry of Taxes and Levies, the works of economists, the author's previous research. The basic methods are structural and logical, analysis and synthesis, induction, deduction, the statistical methods.*

Findings and their discussion. *The methodology for assessing the social and economic effects of shaping a tourist regional destination based on the use of a balanced scorecard has been tested. According to the developed block diagram of the classification of social and economic effects o f shaping a regional destination, an assessment of the degree of impact of the tourism sector on the development of the region was carried out and the need for a balanced approach to the assessment was substantiated, which is a new direction of research in a tourist destination. The evaluation mechanism is shown, which consists of several stages: selection of indicators, selection of criteria, management decisions. The configuration of a balanced system of indicators for assessing the social and economic effects of a tourist destination has been developed, which has a structure that predetermines the three components of the BSC, within which particular indicators are presented that allow tracking the impact of tourism on the social and economic development of the region. The nomenclature of the SSP for assessing the social and economic effects of Orsha District is proposed. The methodology for calculating the integral indicator for evaluating the effects has been developed. The revealed results of the matrix assessment allow us to reasonably speak about the direct influence of the rate of change in the number of tourist visits on the degree of social and economic development of a tourist destination.*

Conclusion. *The assessment methodology allows us to assert that tourism, as a complex-forming sphere that shapes social and-economic effects, is able to create appropriate favorable conditions for the development of other industries in the destination territory. The research findings can be used to assess the level of sustainable development of regions and the timely response of management structures to the mechanism of interaction of interrelated indicators. The results obtained can find application in substantiating proposals and measures for regulating tourism development in a destination for the implementation of a management approach to the development of the region.*

Key words: *social and economic effects, assessment, destination, tourist and recreational complex, target approach, balanced scorecard (BSC), integral indicator, Orsha region.*

Динамику социально-экономических эффектов региональной дестинации можно рассматривать как совокупность трех взаимосвязанных составляющих: экономической, социальной и туристической сфер. Под социально-экономическим эффектом формирования региональной дестинации следует понимать полезный результат воздействия туризма на ее экономическую и социальную сферы, оказывающий прямое, косвенное и скрытое влияние, взаимосвязанный через систему сбалансированных показателей, способствующих повышению благосостояния населения и укреплению имиджа туристическо-рекреационного потенциала региона.

Опыт зарубежных и отечественных ученых отражает различные аспекты и подходы к оценке показателей в совокупности направлений как социального, так и экономического развития регионов (J. Ap, R.W. Butler, J.L. Crompton, L. Sheng, Y.A. Tsui, А.В. Бровкин, Н.В. Пенкина, И.И. Пирожник, А.А. Сафарян, А.И. Тарасенок и др.). Исследованиями в области степени воздействия туризма на социальную и экономическую сферы занимались следующие отечественные экономисты: А.Н. Бобрышев, Д.К. Григорьева, Л.В. Козловская, А.А. Мирохина, Е.М. Орлов, А.А. Рябцев, Ю.В. Савельев, О.Н. Соколова, Т.Ш. Тиникашвили, О.В. Толстогузов, Ю.А. Худеньких, М.Д. Шарыгин и др. Предложены подходы к совершенствованию оценки туристического потенциала с учетом культурно-природной, экономической и инфраструктурной составляющей российскими учеными В.Н. Мякшиным, Д.В. Тихоновой, А.Е. Шараповым. Дана оценка развития туризма в приграничных регионах Северо-Запада России С.В. Степановой (2016), проведен анализ социально-экономического развития Ленкоранского экономического района Г.М. Юсуповым (2019) и др. Несмотря на достаточный объем научных трудов зарубежных и отечественных исследователей проблематика оценки влияния туризма на экономику региона достаточно актуальна и в настоящее время.

Цель статьи – оценка социально-экономических эффектов формирования региональной туристической дестинации на примере Оршанского района.

Задачи:

– по разработанным теоретическим основам и авторской методике произвести оценку социально-экономических эффектов влияния туризма на развитие дестинации;

– на основе оценки предложить пути улучшения показателей социально-экономического эффекта в процессе развития туристической сферы и создания привлекательности дестинации для туризма.

Материал и методы. Материалом для анализа послужили нормативные правовые акты, данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Инспекции Министерства по налогам и сборам, труды ученых-экономистов, предыдущие исследования автора. Основные методы: структурно-логический, анализ и синтез, индукция, дедукция, статистические.

Результаты и их обсуждение. Для принятия эффективных управленческих решений в области привлечения въездного туризма необходима комплексная оценка влияния туризма на социально-экономическое развитие территории. На данный момент исследователями не предложены методики оценки социально-экономических эффектов формирования региональной дестинации и до сих пор отсутствует механизм (алгоритм) расчета показателей воздействия туристической сферы на развитие региона. Нами проклассифицированы направления социально-экономических эффектов на предмет прямого, косвенного и скрытого фактора, так как не все показатели развития туризма в равной степени воздействуют на экономическую и социальную системы микро-

и макроуровня. Рассматривая дестинацию как экономическую систему [1], которая является открытой и на выходе имеет социально-экономические эффекты, сгруппировав эти эффекты с учетом воздействия релевантных показателей, нами построена следующая блок-схема, которая может иметь как перечисленные, так и частные показатели (рисунок 1).

Исходя из практики отечественных и зарубежных исследователей, для оценки социально-экономических эффектов формирования региональной дестинации используем систему сбалансированных показателей. ССП прошла путь от подхода «четырех составляющих» для оценки производительности труда и эволюционировала к отбору взаимоувязанных показателей и стратегических целей с использованием оценочных карт [2; 3]. Подход ССП позволяет учитывать причинно-следственные связи взаимодействия между следующими аспектами региональной дестинации: показателями социально-экономического развития региона, результатами деятельности туристическо-рекреационного комплекса территории в соответствии с потенциалом туристической дестинации и показателями развития человеческого капитала. В настоящее время ССП чаще применяется для управления эффективностью на микроуровне, однако, модифицировав данную систему, появляется возможность ее использования и на региональном уровне, в частности и для оценки эффективности управления инвестиционной привлекательностью региона [4]. Рассматривая туристическую индустрию в составе шести секторов (маркетинг, перевозчики, размещение туристов, достопримечательности региона, сервис и регулирование), также возможна оценка результатов реализации региональной политики в области туризма [5]. Поскольку экономический рост региона зависит и от достаточности инвестиционных вложений и деятельности участников туристической индустрии, это подтверждает взаимосвязи между названными акторами.

Применение данного подхода позволит контролировать продвижение региона в направлении устойчивого роста социально-экономического развития и корректировать пути достижения. Итак, механизм оценки социально-экономических эффектов формирования региональной дестинации состоит из трех этапов: выбор показателей, отбор критериев, принятие управленческих решений.

Данный механизм включает не только сбор и анализ данных развития, но и отслеживание тенденции развития перспектив региона с учетом быстроизменяющейся внешней среды, что особенно актуально в условиях кризиса мировой экономической системы. Механизм воздействия на экономические показатели региона усиливается с момента увеличения числа койко-дней (ночевок) пребывания туриста в средствах размещения и его повторных прибытий в дестинацию. Количество туристических ночевок в достаточной степени коррелирует с демонстрируемыми туристическими потоками [6; 7]. Весьма убедительны исследования учеными зависимости уровня бедности и уровня политической свободы, которые оказывают значительное влияние на проверку гипотезы экономического роста за счет туризма, что проверяется с использованием модели динамических панельных данных с оцен-

Социально-экономические эффекты формирования туристической дестинации

Прямые эффекты	Косвенные эффекты	Скрытые эффекты
1. Выручка организаций туристической индустрии (экспорт туристических услуг). 2. Количество рабочих мест в сфере туризма. 3. Удельный вес доходов от туризма в ВВП (ВРП). 4. Рост заработной платы «занятых в сфере туризма».	5. Размер поступлений в бюджет. 6. Количество койко-суток ночевок. 7. Выручка организаций средств размещения. 8. Выручка объектов розничной торговли и общественного питания. 9. Занятость населения региона.	10. Предпринимательская инициатива. 11. Уровень правонарушений. 12. Привлекательность региона для жизни. 13. Уровень миграции населения.

Рисунок 1 – **Классификация социально-экономических эффектов системы частных показателей туристической дестинации**

Источник: разработано автором.

щиком System GMM [8]. Зарубежными авторами исследованы контекстные факторы, влияющие на содержание вспомогательного счета туризма. Согласно данным отчета об экономическом воздействии влияния туризма и путешествий на экономику WTTC (2012), компонент досуга составляет 78% общих доходов от туризма в Европейском союзе [9]. В целом межстрановая корреляция между деловым и внутренним туризмом (в ВВП) равна 0,53. По расчетам индекса специализации относительно сектора «рестораны и базы» получена слабая связь корреляции, так как обслуживаются в большей мере местным населением и к туристам имеют косвенное отношение. «До пандемии путешествия и туризм (включая его прямые, косвенные и индуцированные воздействия) составляли 1 из 4 всех новых рабочих мест в мире, 10,6% всех рабочих мест (334 миллиона) и 10,4% мирового ВВП (США). 9,2 трлн. долларов)» [10]. Нами исследованы показатели товарооборота торговли и общественного питания Оршанского района, где выявляется некоторое увеличение объемов данных показателей в июле – сентябре, что соответствует периоду туристических посещений и подтверждается достаточно тесная взаимосвязь (коэффициент корреляции 0,5669). С помощью определенного статистического материала длительного временного ряда выявлены присущие туризму сезонные колебания туристических потоков, что усложняет расчеты прогнозных показателей и впоследствии оценку социально-экономического эффекта. Применение «метода адаптивного моделирования позволит продемонстрировать чрезвычайную гибкость при исследовании статистических показателей в туризме» [11, с. 16], использовав нестационарные, варьирующие ряды, уравнение тренда и нахождение относительных ошибок, получить прогнозный показатель туристического потока дестинации.

При одновременном сочетании вышеизложенных подходов к оценке социально-экономических эффектов развития региональной дестинации и их компиляции построим следующую конфигурацию (рисунок 2) и показатели ее содержания разместим в соответствующую матрицу (таблица 1).

При этом число показателей матрицы специфично для каждого региона и определяется стратегией его развития, конкуренцией, наличием информации и должно быть минимально доста-

Рисунок 2 – **Конфигурация сбалансированной системы показателей для оценки социально-экономических эффектов туристической дестинации**

Источник: разработано автором.

Таблица 1 – **Матрица оценки социально-экономических эффектов региональной дестинации**

Составляющие социально-экономические эффекты (СЭЭ)	**Система сбалансированных показателей (ССП)**		
	Социально-экономическое развитие	Туристическо-рекреационный комплекс	Человеческий капитал
Прямые	Показатели	Показатели	Показатели
Косвенные	Показатели	Показатели	Показатели
Скрытые	Показатели	Показатели	Показатели

Источник: разработано автором.

точным для оценки социально-экономических эффектов. Требования к частным показателям: соизмеримость, достоверность характеристики уровня развития дестинации, исключение дублирования.

Для оценки социально-экономических эффектов дестинации использована методология индексов, позволившая осуществить качественную характеристику объекта исследования. Концептуальным подходом к использованию системы сбалансированных показателей оценки социально-экономических показателей Оршанского района является соответствие результатов оценки балансу интересов туристов, бизнеса, местного населения региона и государственных органов региональной власти.

Итак, учитывая опыт исследователей по оценке степени влияния на экономику региона туристической сферы, разработанная нами система сбалансированных показателей включает три составляющих из частных индикаторов, позволяющих отслеживать уровень социально-экономического эффекта. Данные показатели сравним с целевым значением (максимальное значение) аналогичных показателей по Витебской области за 2017 год, в которую входит 21 регион, в том числе и Оршанский район. Определим удельный вес каждого частного в составе аналогичного показателя Витебской области. Номенклатура показателей для оценки эффектов Оршанского региона представлена в таблице 2.

Такую систему показателей разрабатываем для каждого квадранта матрицы оценки социально-экономических эффектов системы сбалансированных показателей, из каждого определяем набор показателей, для которых устанавливаются значения для сопоставления, в результате рассчитывается матрица фактических значений. Оценка уровня социально-экономических эффектов происходит путем соотношения фактических значений по Оршанскому региону к значениям, принятым за базу сравнения в соответствующем квадранте. Степень социально-экономического эффекта будет оценена в долях исходя из расчета целевых показателей по критериям, разработанным на рисунке 3.

Таблица 2 – **Номенклатура ССП оценки социально-экономических эффектов Оршанского района**

Показатели эффекта
Прямые:
1. Удельный вес доходов от туризма в ВРП
2. Число организованных туристов и экскурсантов (въездной и внутренний, агроэкотуризм), посетивших дестинацию
3. Число туристических организаций
4. Выручка, поступившая от размещения (гостиницы, санатории, прочие средства)
5. Экспорт туристических услуг
6. Стоимость туров и прочих услуг, опл. турист. и экскурсантами на территории (въездной и внутренний)
7. Количество туро-дней (ночевок) пребывания
8. Номинальная начисленная среднемесячная зарплата работников в сфере туризма
Косвенные:
9. Размер налогов, поступивших в бюджет
10. Выручка от оказания туристических услуг (за вычетом налогов и сборов, включенных в выручку)
11. Розничный товарооборот торговых объектов
12. Товарооборот общественного питания
13. Списочная численность работников, занятых в туризме
14. Численность населения, занятого в экономике
Скрытые:
15. Число субъектов индивидуального предпринимательства
16. Число функционирующих субъектов агроэкотуризма
17. Численность населения района
18. Количество торговых объектов
19. Количество зарегистрированных правонарушений
20. Количество правонарушений на 100000 чел.

Источник: разработано автором.

Если доля достигнутого эффекта (Дэ.) в квадранте матрицы составляет менее 35%, следовательно, эффект низкого уровня. Если эффект от 35 до 60% – эффект среднего уровня. Если получен в квадранте матрицы показатель от 60 до 80%, имеет место эффект достаточного уровня. И при достижении доли эффекта свыше 80% формируется социально-экономический эффект высокого уровня. Более того, чем выше уровень эффектов, тем выше степень узнаваемости дестинации как объекта рекреации на республиканском и международном уровнях.

После оценки уровня социально-экономических эффектов по каждому критерию матрицы (в данном исследовании коэффициент значимости принят равным единице, что обусловлено равной значимостью показателей согласно конфигурации) рассчитываются обобщенные показатели по горизонтали и вертикали матрицы по формуле средней арифметической. Если к квадранту матрицы относится несколько значений, определяется среднее арифметическое значение [12].

С целью получения сопоставимости рассчитанных соответствия в матрице и определения степени выполнения каждого частного показателя по номенклатуре необходимо учесть следующее. Для показателей, снижение которых означает увеличение эффекта (например, численность безработных и количество правонарушений), расчет необходимо производить по формуле (1).

$$\Delta fij = 1 - \frac{fij^{ф}}{fij^{пл}}, \qquad (1)$$

где Δfij – изменение фактора комплексного показателя; $fij^{ф}$ – фактическое значение i-го показателя j-ой области; $fij^{пл}$ – целевое (базисное; плановое) значение i-го показателя в j-ой области.

Для расчета горизонтальной строки обобщенного показателя используется формула (2):

$$О^{г}_{j\ срСЭЭ} = \frac{\sum П^{г}_{i}}{3}, \qquad (2)$$

где $О^{г}_{j\ срСЭЭ}$ – горизонтальный обобщенный показатель социально-экономических эффектов дестинации для j-ой строки, коэфф.; $П^{г}_{i}$ – доля выполненных i-ых горизонтальных показателей в квадрантах матрицы в общей структуре показателей квадрантов матрицы, коэфф.

Для расчета вертикального обобщенного показателя по столбцам применяется формула (3):

$$О^{в}_{i\ срСЭЭ} = \frac{\sum П^{в}_{i}}{3}, \qquad (3)$$

где $О^{в}_{i\ срСЭЭ}$ – вертикальный обобщенный показатель социально-экономических эффектов дестинации для i-ого столбца, коэфф.; $П^{в}_{i}$ – доля выполненных i-ых вертикальных показателей в квадрантах матрицы в общей структуре показателей квадрантов матрицы, коэфф.

После того как исчислены горизонтальные и вертикальные обобщенные показатели для каждой строки и столбца матрицы, рассчитывается интегральный показатель.

Вертикальный интегральный показатель расчитывается по формуле (4):

$$И^{в}_{срСЭЭ} = \sqrt[3]{О^{в}_{1\ срСЭЭ} \times О^{в}_{2\ срСЭЭ} \times О^{в}_{3\ срСЭЭ}}, \qquad (4)$$

где $И^{в}_{i\ срСЭЭ}$ – вертикальный интегральный показатель, коэфф.; $О^{в}_{n\ срСЭЭ}$ – вертикальный обобщенный показатель социально-экономических эффектов дестинации для 1..n-го столбца, коэфф.

Критерии СПП	Критерии оценки результата уровня социально-экономических эффектов региональной дестинации в каждом квадранте			
	Дэ. < 35	35 < Дэ. < 60	60 < Дэ. < 80	80 < Дэ. < 100
Интерпретация	низкий уровень	средний уровень	достаточный уровень	высокий уровень

Примечание: Дэ. – доля выполнения целевых показателей, %

Рисунок 3 – **Определение критериев оценки результата социально-экономических эффектов региональной дестинации в каждом квадранте матрицы**

Источник: разработано автором.

Горизонтальный интегральный показатель определяется по формуле (5):

$$И^{г}_{срСЭЭ} = \sqrt[3]{О^{г}_{1\ срСЭЭ} \times О^{г}_{2\ срСЭЭ} \times О^{г}_{3\ срСЭЭ}}, \quad (5)$$

где $И^{г}_{срСЭЭ}$ – горизонтальный интегральный показатель, коэфф.; $О^{г}_{n\ срСЭЭ}$ – горизонтальный обобщенный показатель социально-экономических эффектов дестинации для 1..n-ой строки, коэфф.

Для проверки правильности расчетов (интегральный показатель вертикали и горизонтали матрицы должен совпадать) используется формула (6):

$$И^{в}_{срСЭЭ} = И^{г}_{срСЭЭ}. \quad (6)$$

Апробация авторской методики проведена на основании данных дестинации Оршанского района, который является регионом ускоренного развития, что предусмотрено Указом Президента от 31.12.2018 г. № 506 «О развитии Оршанского района Витебской области». На основании данного документа утверждена программа развития района до 2023 года. Реализация программы нацелена на решение ключевых проблем Оршанского района в направлении социально-экономического развития и имеет 18 подпрограмм с указанием задач, заказчиков, источников финансирования, результатов и индикаторов достижения цели [13].

Поскольку модель стратегии сбалансированного развития Орши предусматривает комплекс мер по трансформации экономики и создание условий для роста доходов населения и обеспечения комфортного проживания в районе, для оценки социально-экономических эффектов воспользуемся системой сбалансированных показателей с применением методологии индексов для качественной характеристики объектов исследования.

В соответствии с системой показателей классификации (рисунок 1) и номенклатурой частных показателей оценки (таблица 2) матрица оценки уровня социально-экономических эффектов формирования региональной дестинации Оршанского района приобретает следующий вид (таблицы 3–7).

На основе расчетов показателей квадрантов матриц за период 2017–2020 гг. выявлено повышение интегрального показателя в динамике, хотя размер коэффициента не выходит за пределы эффекта низкого уровня согласно критериям оценки шкалы 0,21–0,23 (Дэ. до 35%). Низкий показатель результирующего коэффициента прямых эффектов социально-экономического развития матрицы за 2018 год (0,1041) получен по причине того, что в составе областного показателя удельный вес в ВРП по видам экономической деятельности «творчество, спорт, развлечения и отдых»

Таблица 3 – **Матрица оценки социально-экономических эффектов дестинации за год**

Эффекты (СЭЭ)	Социально-экономическое развитие	Туристическо-рекреационный комплекс	Человеческий капитал	Показатель
Прямые	удельный вес в ВРП доходов от туризма; число организованных туристов, посетивших регион	выручка от размещения; стоимость оплаченных туров; число тур. организаций; экспорт туристических услуг	размер заработной платы в сфере туризма	$О^{в}_{1\ срСЭЭ=}$
Косвенные	размер налоговых поступлений в бюджет региона	выручка от реализации туруслуг; розн. товарооборот; товарооб. обществ. питания	количество работников в сфере туризма; занятость населения	$О^{в}_{2\ срСЭЭ=}$
Скрытые	число субъектов индивидуального предпринимательства; число субъектов агроэкотуризма; численность населения региона	количество туро-дней пребывания; количество объектов общественного питания	количество зарег. правонарушений; количество правонарушений на 100000 чел.	$О^{в}_{3\ срСЭЭ=}$
Показатель	$О^{г}_{1\ срСЭЭ=}$	$О^{г}_{2\ срСЭЭ=}$	$О^{г}_{3\ срСЭЭ=}$	$И_{срСЭЭ=0,0000}$

Источник: разработано автором.

Таблица 4 – **Матрица оценки социально-экономических эффектов дестинации за 2017 год**

Эффекты (СЭЭ)	Социально-экономическое развитие	Туристическо-рекреационный комплекс	Человеческий капитал	Показатель
Прямые	0,1038	0,0927	0,7164	$О^{в}_{1\ срСЭЭ=0,3043}$
Косвенные	0,01266	0,0883	0,2924	$О^{в}_{2\ срСЭЭ=0,1311}$
Скрытые	0,0977	0,0705	0,3747	$О^{в}_{3\ срСЭЭ=0,1810}$
Показатель	$О^{г}_{1\ срСЭЭ=0,0714}$	$О^{г}_{2\ срСЭЭ=0,0838}$	$О^{г}_{3\ срСЭЭ=0,4612}$	$И_{\ срСЭЭ=0,2142}$

Таблица 5 – **Матрица оценки социально-экономических эффектов дестинации за 2018 год**

Эффекты (СЭЭ)	Социально-экономическое развитие	Туристическо-рекреационный комплекс	Человеческий капитал	Показатель
Прямые	0,1041	0,1002	0,7900	$О^{в}_{1\ срСЭЭ=0,3314}$
Косвенные	0,0148	0,0949	0,3222	$О^{в}_{2\ срСЭЭ=0,1440}$
Скрытые	0,0992	0,0738	0,4090	$О^{в}_{3\ срСЭЭ=0,1940}$
Показатель	$О^{г}_{1\ срСЭЭ=0,0727}$	$О^{г}_{2\ срСЭЭ=0,0896}$	$О^{г}_{3\ срСЭЭ=0,5071}$	$И_{\ срСЭЭ=0,2231}$

Таблица 6 – **Матрица оценки социально-экономических эффектов дестинации за 2019 год**

Эффекты (СЭЭ)	Социально-экономическое развитие	Туристическо-рекреационный комплекс	Человеческий капитал	Показатель
Прямые	0,1371	0,1449	0,8429	$О^{в}_{1\ срСЭЭ=0,3750}$
Косвенные	0,0235	0,1121	0,3216	$О^{в}_{2\ срСЭЭ=0,1524}$
Скрытые	0,1005	0,0780	0,5366	$О^{в}_{3\ срСЭЭ=0,2080}$
Показатель	$О^{г}_{1\ срСЭЭ=0,0870}$	$О^{г}_{2\ срСЭЭ=0,1117}$	$О^{г}_{3\ срСЭЭ=0,4870}$	$И_{\ срСЭЭ=0,2451}$

Таблица 7 – **Матрица оценки социально-экономических эффектов дестинации за 2020 год**

Эффекты (СЭЭ)	Социально-экономическое развитие	Туристическо-рекреационный комплекс	Человеческий капитал	Показатель
Прямые	0,1003	0,1072	0,8751	$О^{в}_{1\ срСЭЭ=0,3609}$
Косвенные	0,0272	0,1029	0,3347	$О^{в}_{2\ срСЭЭ=0,1548}$
Скрытые	0,1057	0,0794	0,3646	$О^{в}_{3\ срСЭЭ=0,1832}$
Показатель	$О^{г}_{1\ срСЭЭ=0,0776}$	$О^{г}_{2\ срСЭЭ=0,0965}$	$О^{г}_{3\ срСЭЭ=0,5248}$	$И_{\ срСЭЭ=0,2330}$

Источник: разработано автором с использованием данных Белстата [14–17].

составил 0,9%, например, за I квартал 2021 года, а «услуги по временному проживанию и питанию» всего лишь 0,7%. Анализ матрицы оценки социально-экономических эффектов формирования туристической дестинации позволяет выявить тенденцию развития взаимосвязанного показателя по горизонтали и вертикали. Так, за исследуемый период в Оршанском регионе достаточно высоким показателем прямого эффекта является рост заработной платы в сфере туризма (0,8751), что уже говорит о выполнении ключевых показателей развития региона. Следует отметить, что уровень зарегистрированных правонарушений в пределах от 0,4090 до 0,5366 в Оршанском регионе достаточно высокий и в 2018 году численность зарегистрированных правонарушений на 100000 человек выше областного показателя, что и увеличивает весомость скрытого эффекта матрицы $O^{в}_{3\ срСЭ=0,2080}$. Наблюдается рост выручки от реализации туристических услуг вплоть до кризисного 2020 года. Результирующий средний показатель скрытого эффекта компенсируется ростом «числа субъектов индивидуального предпринимательства», что в свою очередь поспособствовало росту «налоговых поступлений в бюджет региона» (от 0,0149 до 0,0267). Однако данное увеличение не повлекло за собой рост горизонтального коэффициента матрицы. Если сравнивать строго вертикальные составляющие аспектов системы сбалансированных показателей развития Оршанского региона в динамике, то наблюдается скачкообразная ситуация по показателю социально-экономического развития и деятельности туристическо-рекреационного комплекса, а напротив, интегральные частные показатели для человеческого потенциала возрастают. Выявленные результаты оценки матриц позволяют обоснованно говорить о непосредственном влиянии темпа изменения количества туристических посещений на степень социально-экономического развития туристической дестинации. Исходя из критериев оценки, дестинация Оршанского региона как объект рекреации имеет узнаваемость только регионального уровня.

Исследование и оценка социально-экономического эффекта туристической дестинации позволили выявить направления принятия управленческих решений на региональном уровне и для субъектов хозяйствования, обслуживающих туристические потоки.

Увеличение интегрального показателя зависит от продолжительности туро-дней пребывания. На примере агроэкотуризма следует отметить, что среднее количество дней пребывания туристов по Витебской области достаточно высокое: в 2017 году – 5,5 дня; в 2018 году – 9,1 дня; в 2019 году – 2,8 дня; в 2020 году – 3,5 дня. Оршанский район имеет следующие показатели средней продолжительности дней пребывания в средствах размещения агроэкотуризма, соответственно 1,4; 1,5; 1,0; 1,4 дня.

Достаточной проблемой на протяжении всего исследуемого периода остается показатель численности населения региона, который постоянно снижается. Следует отметить полученные эффекты для составляющей человеческого капитала. Численность населения Оршанского района согласно переписи составляет 148136 чел., 54,2% которых – жители в возрасте с 20 до 59 лет (80307 чел.). Оршанский район по численности в составе области занимает 2-е место после г. Витебска (364674 чел.), опережая г. Новополоцк и Полоцкий район, что предполагает наличие достаточного по возрасту работоспособного человеческого потенциала для развития предпринимательства и деятельности в сфере туризма [14]. Анализ матрицы позволяет выявить направления решений региональной политики, поиск путей интенсивного развития туристической сферы, привлечение большего числа туристов в дестинацию, для чего необходимо совершенствовать инфраструктуру туристическо-рекреационного комплекса и прибегать к разработке маркетинговой стратегии.

Заключение. В целом проведенный анализ матриц и оценка социально-экономических эффектов формирования туристической дестинации с помощью системы сбалансированных показателей позволили обосновать нижеследующие решения. Необходима разработка концепции развития туристической сферы Оршанского региона, содержащей следующие направления: развитие и продвижение новых туристических маршрутов, что будет способствовать развитию региональной туристической дестинации. Целесообразны принятие мер, направленных на усиление мотивации субъектов хозяйствования и привлечение местного населения к потреблению туристических услуг внутри страны, с использованием в полном объеме ресурсного потенциала развития туризма в регионе; разработка и внедрение инновационных методов санаторно-курортного оздоровления, что позволит повысить конкурентоспособность и экспорт рекреационных услуг; мероприятия по расширению числа событийных спортивных мероприятий, что поспособствует загрузке средств размещения и усилит косвенные эффекты в дестинации. Следует развивать доступный массовый туризм как важное средство оздоровления со всем комплексом услуг. В Оршанском регионе, учитывая возможности туристическо-рекреационного комплекса, с применением интернет-ресурсов, необходимо развитие таких видов

событийного туризма, как спортивный, гастрономический, фестивальный, охотничий. Представляется возможным создание туристическо-рекреационного парка как инфраструктурного элемента с комплексом услуг туристической индустрии, включающего ряд объектов, повышающих конкурентоспособность регионального туристического продукта. Необходимо ходатайствовать о расширении норм безвизового режима на региональные аэропорты (в Оршанском районе есть такая возможность). На местном уровне нужно проводить дальнейшие мероприятия по стимулированию предпринимательских инициатив на принципах государственно-частного партнерства. Продвижение регионального бренда по производству и реализации товаров из льна способствует организации промышленного туризма. Необходимо повышать информированность иностранных граждан о преимуществах регионального туристического продукта. Нужно осуществлять регулярные маркетинговые исследования, направленные на изучение целевых рынков и потребительских предпочтений. Следует организовывать и проводить информационные туры для представителей СМИ зарубежных и местных блогеров с целью реализации маркетинговой политики.

Таким образом, применение авторского подхода, разработанного на основе системы сбалансированных показателей, оценки уровня социально-экономических эффектов формирования региональной дестинации, позволяет объективно определить степень влияния каждого аспекта, диагностировать проблемы и своевременными управленческими решениями реагировать на результаты устойчивого развития туризма в регионе. Разработанный подход с учетом данного инструментария отличается воспроизводимостью (возможность использования для каждого региона), может дополняться другими релевантными показателями с учетом формирования туристической дестинации и тенденций социально-экономического развития региона. Апробированная методика оценки позволяет утверждать, что туризм как комплексообразующая сфера, формирующая социально-экономические эффекты, способен создать соответствующие благоприятные условия для развития других отраслей на территории дестинации. Именно целенаправленное осуществление эффективной государственной политики и согласованности действий заинтересованных лиц способно решить проблемы развития территории и привлекательности для проживания местного населения.

Литература

1. Тарасенок, А.И. Оценка конкурентоспособности национальной туристической дестинации Республики Беларусь / А.И. Тарасенок // Белорус. экон. журн. – 2018. – № 2. – С. 139–151.
2. Kaplan, R.S. The balanced scorecard – Measures that drive performance / R.S. Kaplan, D.P. Norton // Harvard Business Review. – 1992. – Vol. 70(1). – P. 71–79.
3. Kaplan, R.S. Having trouble with your strategy? Then map it / R.S. Kaplan, D.P. Norton // Harvard Business Review. – 2000. – Vol. 78(5). – P. 167–176.
4. Myakshin, V. Evaluating the investment attractiveness of a region based on the balanced scorecard approach [Electronic resource] / V. Myakshin, V. Petrov // Regional Science Inquiry. – 2019. – Mode of access: http://www.rsijournal.eu/?p=3403. – Date of access: 09.08.2021.
5. Мякшин, В.Н. Совершенствование оценки туристского потенциала субъектов Арктической зоны РФ / В.Н. Мякшин, А.Е. Шапаров, Д.В. Тиханова // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, вып. 1. – С. 235–248.
6. Marrocu, E. Education or creativity: What matters most for economic performance? / E. Marrocu, R. Paci // Economic Geography. – 2012. – Vol. 88, iss. 4. – P. 369–401.
7. Marrocu, E. Different tourists to different destinations. Evidence from spatial interaction models / E. Marrocu, R. Paci // Tourism Management. – 2013. – Vol. 39. – P. 71–83.
8. Marrocu, E. Tourism and regional growth in Europe / E. Marrocu, R. Paci // Regional Science. – 2014. – Vol. 93, iss. 1. – P. 25–50.
9. Kožić, I. Contextual factors influencing tourism-led growth: do social and political background matter? / I. Kožić, P. Sorić, I. Sever // Current Issues in Tourism. – 2020. – Vol. 24, iss. 13 – P. 1819–1829.
10. European Union economic impact report [Electronic resource] // World Travel and Tourism Council. – London, 2012. – Mode of access: https://wttc-org.translate.goog/Research/. – Date of access: 10.10.2021.
11. Александрова, А.Ю. Применение адаптивного моделирования в исследованиях туристских потоков / А.Ю. Александрова, В.Е. Домбровская // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 7–20.
12. Янкевич, Е.М. Методика оценки социально-экономических эффектов туристической региональной дестинации / Е.М. Янкевич // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2021. – № 4. – С. 40–49.
13. О развитии Оршанского района Витебской области [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь от 31 дек. 2018 г. № 506 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
14. Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Витебской области: стат. бюл. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://vitebsk.belstat.gov.by. – Дата доступа: 24.08.2021.
15. Численность и заработная плата работников, затраты организаций Республики Беларусь на рабочую силу в 2018 году: стат. бюл. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/. – Дата доступа: 14.08.2021.
16. Витебская область в цифрах, 2021: стат. сб. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://vitebsk.belstat.gov.by/. – Дата доступа: 12.08.2021.
17. Регионы Республики Беларусь, 2021: стат. сб. Т. 1 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/. – Дата доступа: 14.08.2021.

Поступила в редакцию 03.09.2021

УДК [334.784+339.5+341.2+327](476+470+571)

Интеграция Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство и Евразийский экономический союз: этапы развития и проблемы взаимодействия

Шматков И.И., Янчук В.А.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются актуальные вопросы политической и экономической интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство. Выделяются основные этапы, противоречия и перспективы ее развития. Анализируются отношения в Евразийском экономическом союзе, их изменчивость под влиянием различных факторов глобализации и интеграции, проблемы и перспективы.

Цель статьи – выяснение этапов формирования Союзного государства Беларуси и России, системный анализ механизма торможения интеграции и обоснование рекомендаций по его преодолению.

***Материал и методы.** Материалом исследования является политико-экономическая, юридическая и социологическая литература, посвященная проблемам строительства Союзного государства Беларуси и России: монографии, статьи ученых и практиков, изучающих интеграционную проблематику, справочные издания, нормативные правовые акты, доклады международных организаций. Основные методы: системно-структурный подход, принцип единства социального, политического и экономического процессов в национальных моделях экономики, классификация национальных экономических систем по признаку социальной ориентации, исторический метод, правового прогнозирования и моделирования, сравнительно-правовой, структурно-функционального анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** В процессе интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство выделяются этапы ускоренной интеграции, торможения и упускаемых возможностей. Для анализа социального контента белорусской и российской национальных экономических моделей используется матрица индикаторов социальной ориентации экономических систем.*

Полученные результаты обсуждались на международных научно-практических конференциях в Республике Беларусь и Санкт-Петербургской юридической академии.

***Заключение.** Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что углубление политической и экономической интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство возможно при наличии двух основных условий: конвергенции национальных экономических систем и проведения на территории двух государств референдума по поводу принятия Конституции Союзного государства.*

***Ключевые слова:** Союзное государство, социальная ориентация экономики, матрица социально-экономических индикаторов, либеральная капиталистическая модель, социализированная капиталистическая модель, социалистически ориентированная модель, Евразийский экономический союз, международное сообщество, правовое пространство, глобализация, Европейский союз.*

Integration of the Republic of Belarus and the Russian Federation Into the Union State and the Eurasian Economic Union: Stages of Development and Problems of Interaction

Shmatkov I.I., Yanchuk V.A.
Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article deals with topical issues of political and economic integration of the Republic of Belarus and the Russian Federation into the Union State. The main stages, contradictions and prospects of its development are highlighted. The article analyzes relations in the Eurasian Economic Union, their variability under the influence of various factors of globalization and integration, problems and prospects.

The purpose of the article is to find out the mechanism of inhibition of integration of Belarus and Russia into the Union State in modern conditions and to substantiate recommendations for overcoming it. The article considers the essence and features of shaping international legal framework of the Eurasian economic integration. Taking into account international experience, an attempt is made to determine the legal nature of the future main elements of the legal system of the EAEU.

Material and methods. *The material of the research is political, economic, legal and sociological literature devoted to the problems of building the Union State of Belarus and Russia. It is monographs, articles by scientists and practitioners studying integration issues, reference publications, legal acts, reports of international organizations.*

The main methods are system-structural approach, the principle of unity of social, political and economic processes in national economic models, classification of national economic systems based on social orientation, the historical method, legal forecasting and modeling, comparative legal, structural and functional analysis.

Findings and their discussion. *In the process of integration of the Republic of Belarus and the Russian Federation into the Union State, the stages of accelerated integration, inhibition and missed opportunities are highlighted. To analyze the social content of the Belarusian and Russian national economic models, a matrix of indicators of the social orientation of economic systems is used.*

The findings were discussed at international scientific and practical conferences in the Republic of Belarus and at St. Petersburg Law Academy.

Conclusion. *Our research allows us to draw the main conclusion that the deepening of political and economic integration of the Republic of Belarus and the Russian Federation into the Union State is possible if there are two main conditions: convergence of national economic systems and holding a referendum on the adoption of the Union State Constitution on the territory of the two States.*

Key words: *Union State, social orientation of the economy, matrix of social and economic indicators, the liberal capitalist model, the socialized capitalist model, the socialist-oriented model, Eurasian Economic Union, international community, legal space, globalization, European Union.*

Актуальность исследования состоит в том, что на современном этапе развития мирового хозяйства неуклонно возрастает роль экономической, политической и социальной интеграции государств. Поэтому целью статьи является выяснение этапов формирования Союзного государства Беларуси и России, системный анализ механизма торможения интеграции и обоснование рекомендаций по его преодолению.

Новизна заключается в методологическом подходе к исследованию процессов евразийской интеграции, интеграции в целом, роли субъектов интеграционных процессов в условиях регионализации и глобализации.

Материал и методы. Материалом для изучения является политико-экономическая, правоведческая и социологическая литература, посвященная проблемам строительства Союзного государства Беларуси и России и Евразийского экономического союза: монографии, статьи ученых и практиков, изучающих интеграционную проблематику, справочные издания, нормативно-правовые акты (национальные и наднациональные (в рамках интеграционных объединений), а также заключаемые на межгосударственном уровне соглашения и принимаемые межправительственными организациями документы), доклады международных организаций.

Основные методы исследования: системно-структурный подход, принцип единства социального, политического и экономического процессов в национальных моделях экономики, классификация национальных экономических систем по признаку социальной ориентации, исторический метод, методы правового прогнозирования и моделирования, сравнительно-правовой, функционального анализа.

Результаты и их обсуждение. Необходимость всесторонней экономической, политической, социальной и духовной интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации имеет исторические корни. Проявляется это в том, что наши страны были глубоко кооперированы экономически и политически еще в СССР. С советских времен и по настоящее время, например, машиностроительный комплекс Беларуси интегрирован с аналогичным комплексом России на 85%, сельскохозяйственный – на 65%, строительный – на 80%. Более 8 тыс. белорусских и российских предприятий, на которых занято около 6 млн человек, связаны между собой поставками продукции. Всего же в рамках Союзного государства работают более 20 тыс. предприятий в Беларуси и России. Так, один из крупнейших в Европе производителей большегрузных автомобилей, автопоездов и другой автомобильной техники Минский автомобильный завод (ОАО «МАЗ») около половины стоимости комплектующих получает из России. При этом более половины продукции данного предприятия главным образом реализуется в России, потребности же самой Беларуси составляют только 20%. Белорусский автомобильный завод (ОАО «БелАЗ»), который входит в число семи ведущих мировых производителей карьерной техники, более 70% всей продукции отгружает в Российскую Федерацию для горнодобывающих предприятий. На белорусский тракторный завод поставляют продукцию более 180 предприятий России. А он, в свою очередь, является поставщиком комплектующих для 120 российских производителей.

Большие перспективы имеет объединение обрабатывающих предприятий Беларуси с добывающими отраслями России. Можно выделить, как минимум, три направления, по которым

наши страны могут осуществлять сотрудничество в сфере добычи, продажи и переработки сырьевых ресурсов:

• повышение величины добавленной стоимости сырьевых продуктов (прежде всего, нефти) за счет перерабатывающих производственных мощностей Беларуси;

• проведение единой ценовой политики с целью увеличения конкурентоспособности определенных классов товаров (например, соли и калийных удобрений);

• рост загрузки производственных мощностей, которыми располагает Беларусь.

Беларусь и Россия являются монополистами на рынке производства калийных солей на Европейском континенте: два месторождения в России (в Пермской области) и одно в Беларуси. Поэтому координация ценовой политики может значительно улучшить промышленную структуру двух стран, сохранить традиционные экономические связи, особенно в машиностроении.

Этапы интеграции России и Беларуси в Союзное государство. Высшей формой интеграции двух стран является создание полноценного Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации. В процессе формирования Союзного государства за прошедший период, на наш взгляд, можно выделить три этапа.

Первый этап – это этап *ускоренной интеграции* двух государств. По инициативе Президента А. Лукашенко 14 мая 1995 г. в Республике Беларусь состоялся референдум, на который, в частности, был вынесен следующий вопрос об интеграции нашего государства с Российской Федерацией: «Поддерживаете ли Вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией?». В результате выяснилось, что 82,4% участвовавших в голосовании ответили на него: «Да». Здесь стоит заметить, что в Российской Федерации подобный референдум не проводился.

Кроме того, на референдуме был также дан ответ на вопрос о придании русскому языку равного статуса с белорусским языком. По этому поводу положительно высказались 83,3% проголосовавших. Так, в Беларуси было положено начало процессу интеграции нашей страны с Россией. В соответствии с результатами белорусского референдума 2 апреля 1996 г. президентами России и Беларуси в г. Москве был подписан Договор об образовании Сообщества России и Беларуси. Его руководящими органами стали: Высший Совет, Парламентское собрание и Исполнительный комитет. С тех пор 2 апреля в Республике Беларусь отмечается как День единения народов Беларуси и России.

11 апреля 1996 г. было принято постановление Исполнительного комитета Сообщества Беларуси и России «О равных правах граждан на получение образования». Была унифицирована программа общеобразовательной школы, взаимно признаются дипломы об окончании учебных заведений. Для абитуриентов из России и Беларуси обеспечиваются равные права при поступлении в средние специальные и высшие учебные заведения, обучение за счет средств государственного бюджета, выплата стипендий, предоставление жилья нуждающимся. Созданы и создаются совместные учебные заведения.

25 декабря 1998 г. между Республикой Беларусь и Российской Федерацией был заключен Договор о равных правах граждан на важнейшие социальные услуги.

Следующий шаг по углублению интеграции был сделан 2 апреля 1997 г., когда президенты двух государств подписали Договор о Союзе Беларуси и России. И, наконец, 8 декабря 1999 г. Президент России Б.Н. Ельцин и Президент Беларуси А.Г. Лукашенко подписали такой исторический документ, как Договор о создании Союзного государства [1]. В январе 2000 года договор был ратифицирован парламентами двух государств и вступил в правовую силу.

В соответствии с основными положениями Договора о создании Союзного государства была разработана и принята подробная и конкретная Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства [2]. Главной задачей Программы было определение содержания, этапов и сроков работы по передаче Союзному государству зафиксированных в Договоре предметов ведения, способов законодательного закрепления такой передачи, включая возможное внесение изменений в конституции двух государств, а также организационные рамки этой деятельности в Союзном государстве, создание необходимых союзных или координирующих органов.

Второй этап в развитии интеграции двух государств, на наш взгляд, охватывает период времени с 2002 по 2013 год. Для него характерно *искусственное торможение интеграции.* Проявилось это, в частности, в том, что до сих пор не в полной мере выполняются важнейшие положения Договора о создании Союзного государства и Программы действий по реализации положений Договора о создании Союзного государства. Статья 60 Договора, например, гласит, что «законы и декреты предназначены для общего применения, являются обязательными во всех частях и после их

официального опубликования подлежат прямому применению на территории каждого государства-участника». Речь здесь идет о первенстве права Союзного государства в рамках его компетенции. Далее статья 62 Договора предусматривает:

«1. После вступления в силу настоящего Договора по предложению Высшего Государственного Совета Парламент Союзного государства рассмотрит проект Конституционного акта, определяющего на основе настоящего Договора государственное устройство Союзного государства и его правовую систему.

2. После одобрения Парламентом Союзного государства проект Конституционного Акта передается президентам государств-участников, а затем в соответствии с их законодательством выносится на референдумы в государствах-участниках.

3. После одобрения Конституционного Акта на референдумах государства-участники вносят необходимые дополнения и изменения в свои конституции».

Чрезвычайно важным для хозяйствующих субъектов всех уровней является и положение статьи 8 о том, что «в Союзном государстве принимаются необходимые законодательные и иные меры по обеспечению равных прав, обязанностей и гарантий субъектам хозяйствования любых организационно-правовых форм, а также гражданам, обладающим статусом предпринимателя, в соответствии с законодательством государств-участников». С тех пор прошло более 20 лет, а содержание процитированных статей Договора реализуется не в полной мере.

Третий этап начался с 2014 года, когда США и Европейский союз (ЕС) ввели дискриминационные санкции против России, и продолжается до настоящего времени. Это, по нашему мнению, этап *упускаемых возможностей.* В 2015 г., например, белорусско-российский товарооборот сократился почти на 40%. Такая негативная тенденция наблюдалась и в последующие годы.

Достижения и противоречия интеграции. Успехи от постепенного объединения двух стран в Союзное государство представляются вполне очевидными и в доказательствах, на наш взгляд, не нуждаются. Рассмотрим их более подробно.

Торговля. В настоящее время Беларусь занимает первое место по объемам товарооборота России со странами СНГ. На российский рынок поставляется почти половина всей белорусской экспортной продукции. Оборот внешней торговли товарами Беларуси с Россией, например, вырос с 5,5 млрд долл. в 1994 г. до 34,2 млрд долл. в 2008 г., т.е. более чем в 6,2 раза. В 2009–2010 гг. отмечался существенный спад, обусловленный главным образом мировым кризисом. Далее рекордными были 2011 г. (39,4 млрд долл.) и 2012 г. (36,5 млрд долл.). Неуклонное падение товарооборота наблюдалось в 2013–2016 гг. Затем был рост в 2017 году (30,2 млрд долл.) и в 2019 г. товарооборот составил 35,7 млрд долл.

Из вышесказанного следует, что динамика товарооборота между двумя странами была довольно неустойчивой. Однако дело не только в этом. За анализируемый период отрицательное для Беларуси сальдо торгового баланса возросло с 51 млн долл. в 1994 г. до 8,3 млрд долл. в 2019 г., то есть почти в 163 раза. Своего отрицательного максимума белорусское сальдо достигло в 2008 году (–13 млрд долл.) и в 2012 г. (–11,2 млрд долл.), когда цены на нефть и газ для Беларуси существенно выросли. Серьезной проблемой для Беларуси являются также расчеты с Россией за энергоносители в долларовом эквиваленте.

Союзный бюджет. С 1998 г. формируется общий бюджет Союзного государства. Тогда его расходная часть составляла 585 млн рос. руб., а в 2012 г. она достигла лишь немногим менее 5 млрд рос. руб. 21 февраля 2020 г. Парламентским Собранием Союза Беларуси и России был принят Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства «О бюджете Союзного государства на 2020 год». Предполагаемая доходная часть бюджета на 2020 год составляет 5,5 млрд рос. руб., расходная часть – 5,4 млрд.

В бюджете за 2020 год Союзного государства запланированы затраты на реконструкцию Брестской крепости. За счет средств бюджета предполагается профинансировать 11 программ.

Отметим три наиболее актуальные в современных условиях совместные программы:

- «Совершенствование пограничной безопасности Союзного государства».
- «Разработка комплексных технологий создания материалов, устройств и ключевых элементов космических средств и перспективной продукции других отраслей»;
- «Совершенствование системы защиты информационных ресурсов Союзного государства – участников Договора о создании Союзного государства в условиях нарастания угроз в информационной сфере».

На выполнение различных программ затрачивалось около 3,3 млрд рос. руб. (примерно 60% расходов), а остальное приходилось на мероприятия по обеспечению деятельности органов и организаций Союзного государства [3].

Вместе с тем в формировании и использовании бюджетных средств Союзного государства

есть и существенные недостатки. *Во-первых,* бюджеты Союзного государства утверждаются, как правило, только во второй половине первого квартала того же года, что существенно снижает эффективность использования бюджетных средств, хотя было бы целесообразным его утверждение в ноябре предшествующего года. *Во-вторых,* сумма долевых взносов двух государств в бюджет Союзного государства существенно не меняется уже с 2009 г. и равна в сумме немногим более 5 млрд рос. руб., что с учетом более чем шестикратного падения курса рос. руб. к долл. по сравнению с 1996 г. составляет около 80 млн долл.

Кооперация и проблема транснационализации производства. Высокого уровня в современных условиях достигла кооперация промышленных предприятий двух стран. Так, например, около 60% белорусских крупных и средних промышленных предприятий осуществляют кооперированное производство с промышленными предприятиями России. Выделим, в первую очередь, закупки материалов, комплектующих и полуфабрикатов в России (37,2%), поставки по кооперации в Россию (26,7%), переработку российского давальческого сырья (10,5%), совместное производство (2,2%). В большей мере кооперацией охвачены машиностроение, производство резины и пластмасс, текстильные и швейные производства изделий из кожи и обуви [4].

Большую роль в экономической интеграции играют регулярно проводимые *форумы регионов Беларуси и России.* **Первый Форум** регионов был проведен в Минске в 2014 году под главной темой «Эффективное развитие агропромышленных комплексов Беларуси и России – важнейшее условие продовольственной безопасности Союзного государства». **Второй Форум** прошел в 2015 году в Сочи (тема «Промышленная политика Союзного государства: общие подходы и региональные аспекты»). В работе форума участвовало 350 представителей Беларуси и России и были заключены контракты на 230 млн долларов. **Шестой Форум** состоялся в Санкт-Петербурге в 2019 году с повесткой «Межрегиональные связи как основа формирования единого культурного и гуманитарного пространства народов Беларуси и России». Были подписаны контракты на 550 млн долларов. **Седьмой Форум** состоялся в сентябре 2020 года в Минске и Минской области. Он проходил под главной темой «Историческое наследие Великой Победы как основа социально-экономических и духовных связей народов Беларуси и России». На нем были подписаны контракты уже на 750 млн долларов, что является рекордом всех проведенных форумов. Всего на семи форумах за шесть лет работы были заключены контракты на более чем 2 млрд долларов.

Сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что межрегиональное сотрудничество является важнейшим направлением развития реальной интеграции Беларуси и России. В настоящее время в Беларуси функционируют около 3 тысяч организаций с российским уставным капиталом, а в России зарегистрировано около 50 совместных сборочных производств, создано около 160 субъектов товаропроводящей сети с белорусским капиталом.

Одним из ключевых направлений углубления экономической интеграции двух стран выступает формирование транснациональных корпораций. Это можно сделать, например, на основе объединения предприятий из машиностроительных комплексов и занимающихся добычей калийных удобрений. Вторым направлением углубления интеграции является создание совместных предприятий в химической промышленности. На это, в частности, указывает Председатель коллегии Евразийской экономической комиссии М.В. Мясникович [4]. Кроме того, вряд ли целесообразно формирование параллельных производств. Так, например, в России создается аналог Могилевского автомобильного завода, хотя можно было бы привлечь средства российских инвесторов в совершенствование производства в Могилеве.

Социальная политика. Многое сделано за годы интеграции двух государств в социальной сфере. Важнейшими достижениями Союзного государства стали равные возможности граждан Республики Беларусь и Российской Федерации на:

- трудоустройство и оплату труда;
- свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства;
- предоставление медицинской помощи и социального обеспечения;
- получение образования (взаимно признаются дипломы об окончании учебных заведений);
- организацию санаторно-курортного лечения инвалидов и участников Великой Отечественной войны (ВОВ) и т.д.

Вместе с тем с 2002 г. и по сегодняшний день заметным является процесс торможения политической и экономической интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство. Поэтому совершенно прав Президент Беларуси, когда в интервью телеканалу «Россия 24» сказал о том, что санкции Запада дают нам «уникальный шанс» ускорить процесс объединения двух братских народов [5], создавать единое государство даже из двух республик.

Причины замедления процесса интеграции. Торможение интеграции двух государств,

в первую очередь, на наш взгляд, объясняется существенными различиями в национальных экономических моделях двух стран. Какой был выбор у руководства двух стран в начале 90-х годов прошедшего столетия?

Социально-экономическая активность общества, прежде всего, определяется степенью социальной ориентации экономики. По этому признаку на современном этапе развития мирового сообщества, на наш взгляд, можно выделить три базовые модели национальной экономики: либеральную капиталистическую, социализированную капиталистическую (социальное рыночное хозяйство) и социалистически ориентированную.

Системообразующими социальными индикаторами, составляющими социально-экономическую матрицу базовых национальных моделей, являются: господствующая собственность на основные ресурсы общества; доминирующий социально-экономический субъект; характер отношений между экономическими субъектами; социальная и экономическая роль государства.

Модель либеральной капиталистической экономики предполагает ориентацию государства, в первую очередь, на реализацию экономических интересов капиталистов-предпринимателей. Для них правительство создает условия наибольшего благоприятствования и предоставляет им максимально возможную экономическую свободу. В такой модели между экономическими субъектами господствуют и стимулируются отношения конкуренции, экономическая и социальная роль государства является минимальной, в производстве ВВП доминирует частнокапиталистический сектор экономики, невысока ставка подоходного налога. Распределение результатов производства осуществляется главным образом по капиталу и по цене рабочей силы. В этой модели, хотя и допускается минимальная социальная защита населения, высока дифференциация населения по доходам и по величине личного имущества. Лауреат Нобелевской премии американский экономист Джозеф Стиглиц, ссылаясь на исследование Оксфордского комитета помощи голодающим, соглашается с его выводом о том, что «неравенство в обществе нарастает: всего 85 миллиардеров обладают теми же богатствами, что и половина всего населения планеты – около 3 миллиардов людей… Один процент владеет половиной всех богатств человечества и находится на пути к тому, чтобы заполучить все, что есть у оставшихся 99 процентов, вместе взятых…» [6, с. 12].

Строительство Союзного государства предполагает выбор из трех альтернатив: либеральная капиталистическая экономика; социализированная капиталистическая экономика; социалистически ориентированная экономика. Эта точка зрения по поводу классификации национальных экономических систем по признаку социальной ориентации была уже представлена нами в печати и не встретила серьезных возражений [7].

В Республике Беларусь же сформирована социалистически ориентированная экономика с элементами либеральной капиталистической. Отсюда проистекают и различия в экономической и социальной политике двух стран.

Во-первых, модели экономики двух стран различаются по роли государства в социально-экономическом развитии. В Беларуси впервые была восстановлена система государственного управления развитием национальной экономики, широко применяется программно-целевой метод. В настоящее время уже реализована пятая программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы. В России государство занимается главным образом решением социальных проблем и ограниченным программированием некоторых экономических процессов. Допускается практически полная свобода экономического поведения для Центрального банка. В Беларуси деятельность Национального банка вписывается в экономическую и социальную политику, проводимую Президентом и Правительством страны.

Во-вторых, в Беларуси доминирует государственный сектор экономики, а приватизация государственных предприятий не стала самоцелью, как это имело и имеет место в России. Более того, белорусское государство по отношению к ведущим предприятиям проводит политику экономического патернализма и позитивные результаты такой политики очевидны. На Открытое акционерное общество «Белорусский автомобильный завод» (ОАО «БелАЗ»), например, приходится около 30% мирового рынка карьерных самосвалов. Выделим также такое производственное объединение, как Открытое акционерное общество «Минский тракторный завод» (ОАО «МТЗ»), которое выпускает технику под торговой маркой «Беларус» и входит в восьмерку крупнейших мировых производителей тракторов (8–10% мирового рынка).

В-третьих, в Беларуси предпринимается попытка сформировать современную смешанную экономику, в которой естественно бы сочетались рыночный и нерыночный сектора. В России же нерыночный сектор сводится к минимуму.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. еще раз показал, что система капиталистической рыночной экономики, ориентированная на полу-

чение максимальной прибыли, обладает целым рядом серьезных недостатков: она не ограничивает производства вредных для здоровья людей товаров, наносит большой ущерб окружающей среде, не способствует реализации основных прав человека (на медицинское обслуживание, образование, труд, досуг и т.д.). Немецкий исследователь, философ П. Козловски в работе «Принципы этической экономии» приходит к такому же выводу: «В условиях экономики переходного периода следует рассматривать этические условия экономического поведения, так как они не являются, как это зачастую утверждается, роскошью. Скорее они представляют условие эффективности и роста экономики» [8, с. 5]. Более того, этика, мораль, социальная психология, на наш взгляд, не просто влияют на экономику, сама экономика без них невозможна. Развитие экономики – не самоцель. Экономисты должны предлагать альтернативные варианты экономического развития, однако оптимальным должен быть такой вариант, при котором в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается максимум социальной эффективности производства, существенно возрастает средняя продолжительность жизни населения.

В-четвертых, белорусская модель предполагает проведение сильной социальной политики. В Беларуси степень социальной ориентации экономики выше, нежели в России. По индексу человеческого развития (ИЧР), например, как было отмечено в докладе ООН в 2019 г., Беларусь среди 188 стран заняла 50-е место, а Россия – 49-е.

Вместе с тем либерально-капиталистическими в России и Беларуси являются ставки подоходного налога размером в 13%. В развитых странах с социализированной капиталистической ориентацией экономики они прогрессивные. Пропорциональный подоходный налог не соответствует принципам социальной справедливости и солидарности, которые предполагают перераспределение дохода от богатых к бедным. Этот налог также не является автоматическим регулятором циклического развития национальной экономики. Социально справедливой была бы, к примеру, пятиступенчатая прогрессивная ставка подоходного налога: 0%, 10%, 15%, 20% и 30%. Ставка в 0% предназначена для тех лиц, доход которых не достигает даже прожиточного минимума, и им государство должно доплачивать, если оно, конечно, социалистически ориентированное.

Заслуживает пристального внимания и точка зрения Томаса Пикетти, автора бестселлера «Капитал в XXI веке»: «Правильное решение заключается во внедрении ежегодного прогрессивного налога на капитал. Это позволит избежать бесконечной спирали неравенства» [9, с. 586].

В наших странах также явно преувеличивается роль конкуренции, которая создает отрицательный эффект в отношениях между экономическими субъектами, порождает коммерческую тайну. Дело в том, что эти отношения могут и должны быть не только конкурентными, но и отношениями сотрудничества, кооперации и соревнования, в частности в государственном секторе. Американский специалист по менеджменту и экономической психологии Эдвард де Боно детально анализирует отношения конкуренции и сотрудничества и приходит к выводу о том, что западная цивилизация одержима системой столкновений, противоборством. Более эффективными являются китайская и японская системы, предполагающие не столкновение, а согласие, сотрудничество, выработку удовлетворяющего все стороны решения [10]. В СССР, к примеру, отношения конкуренции были сведены к минимуму, не было коммерческой тайны, абсолютно доминировали сотрудничество и соревнование.

Интеграция является одной из определяющих тенденций развития современного мира, порождающей серьезные качественные изменения многих его составляющих. Трансформируются пространственная организация системы международных отношений, ее традиционная центрально-периферийная конструкция и перераспределяются роли между ее участниками, в качестве которых начинают выступать такие интеграционные объединения и группировки, созданные в разных регионах мира.

Представители рыночно-институциональной школы (М. Аллэ, Б. Балаша, Г. Кремер и др.) трактуют интеграцию как воплощение определенного единства экономических и политико-правовых элементов, возникающего постепенно, в результате реализации мер, направленных на устранение «мер административного ограничения свободы предпринимательства» – дискриминации в отношениях между хозяйствующими субъектами национальных государств. Заслуживает особого внимания понимание интеграции как процесса и состояния, разграничение сотрудничества (действий, имеющих целью уменьшить дискриминацию) и интеграции (мер по ликвидации или подавлению дискриминации), выделение стадий интеграции (зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка, экономического союза и полной экономической интеграции).

Сторонники концепции дирижизма (Р. Купер, Г. Мюрдаль, П. Стриттен, Я. Тинберген) вводят новый термин – «позитивная интеграция», целью которой является не только обеспечение

свободы действия рыночных механизмов, но и координация экономической политики государств, направленной на смягчение неравномерности экономического развития отдельных стран и регионов внутри них в рамках формирующего интеграционного комплекса. Выделяются и политические мотивы экономической интеграции – желание «устранить недоверие и вражду» между государствами. Соответственно, процесс интеграции понимается как процесс согласования тех или иных областей политики между правительствами стран-участниц; объектом интеграции признаются межгосударственные отношения, национальная и наднациональная политика, а субъектами – национальные государства. Отмечается возможность конфликта между тенденциями к глобальной и региональной интеграции [11].

Перспективным в плане интенсивно развивающегося сообщества в настоящее время является Евразийский экономический союз. ЕАЭС по праву можно считать наиболее динамичной среди существующих международных организаций экономической интеграции. Согласно ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью [12]. Союз был создан для обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведения скоординированной, согласованной и единой политики в различных отраслях экономики.

В настоящее время ЕАЭС образуют пять государств: Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения, Республика Киргизия. Расширение союза, создание зон свободной торговли этой организации с другими странами облегчит выход экспорта на рынки этих стран. За время функционирования ЕЭК подписано более 25 меморандумов о сотрудничестве и взаимопомощи с международными организациями (СНГ, Европейская экономическая комиссия ООН, ЮНКТАД и др.) и правительствами третьих государств, в том числе с Монголией, Чили, Перу, Сингапуром и Камбоджей. Намерение о вступлении высказал Узбекистан. В случае вхождения Узбекистана в ЕАЭС узбекские производители получат равноправный доступ к рынку стран ЕАЭС, будут созданы равные условия для трудовых мигрантов и получен доступ к инвестиционным ресурсам и технологиям. Узбекистан станет частью единого таможенного пространства, где действует единый таможенный тариф (ЕТТ) ЕАЭС. Республика Молдова получила статус страны-наблюдателя при ЕАЭС. Этот факт свидетельствует о намерении углублять всестороннее взаимовыгодное сотрудничество с этим интеграционным образованием.

С целью углубления интеграции в ЕАЭС полезным является использование опыта Европейского союза. Имеются в виду, в частности, организация и правовое обеспечение деятельности европейских медиа в интеграционном пространстве. Создание в евразийском коммуникационном пространстве публичной (общественной) сферы имеет важное значение в процессе интеграции. Опыт функционирования вещательной радиосети Euranet (EuranetPlus) в ЕС показывает, что в медийном пространстве ЕАЭС может быть создана вещательная сеть, объединенная задачей обеспечения развития общественной сферы интеграционного объединения и использующая уже имеющиеся ресурсы. Целесообразно организовать телевизионный канал вещания или телерадиоконсорциум, осуществлять трансляцию новостей не только на русском, но и на национальных языках, охватывая различные сферы (власть, бизнес, проблемы внутри страны и т.д.).

Представляется разумным использовать этот опыт в образовательном пространстве, привлекая к сотрудничеству высшие учебные заведения, с обязательным участием молодежи; организовать вещание евразийских новостей через внутренние коммуникативные сети вузов, задействовав студентов и преподавателей. Если раскрывать идеологию ЕАЭС, говорить о его составляющих, то это признание единого пространства, добровольности, конкурентоспособности, толерантности, уважение к соседям. Параллельно с единым экономическим пространством формировать единое социально-гуманитарное пространство.

В рамках ЕАЭС представляется важным сохранять социально-историческую память. Необходимы конкретные программы, например, недопущение искажения исторических фактов Великой Отечественной войны, Победы советских войск над фашизмом. Здесь существует много проблем, которые должны быть решены для реализации евразийской интеграции и идеологии. Так, в Витебском государственном университете имени П.М. Машерова в Республике Беларусь с этой целью используется местное телевидение.

Еще одним шагом на пути углубления интеграции и укрепления связей внутри ЕАЭС является реализация концепции единого гражданства Союза. Идея принятия единого гражданства и единого паспорта для всех граждан ЕАЭС вызвала активную полемику и сомнения и пока, возможно, преждевременна. Вместе с тем уже на этом этапе развития Союзного государства для граждан Республики Беларусь и Российской Федерации це-

лесообразно было бы ввести институт двойного гражданства. При этом заметим, что некоторые права граждан уже реализуются в Союзном государстве, например, обеспечивается активное и пассивное избирательное право. Граждане Российской Федерации, имеющие вид на жительство и проживающие в Республике Беларусь, принимают участие в выборах в местные советы. Обеспечивается право на свободное передвижение по всей территории Союза. Создание единого института гражданства ЕАЭС позволит впоследствии гарантировать в будущем дипломатическую и консульскую помощь практически в любой стране мира. Это новый уровень отношений и унификации между членами Союза. Единый паспорт гражданина ЕАЭС с точки зрения внешнеполитических отношений, несомненно, будет еще одним существенным аргументом с целью формирования гармоничной и согласованной внешней политики. Это будет способствовать утверждению идентитета членов Союза в международных отношениях. Спортсмены, например, граждане единого Союза, смогут тогда беспрепятственно выступать на международных спортивных мероприятиях как граждане ЕАЭС, например, на Олимпийских играх.

Дальнейшему развитию интеграции также будет способствовать создание общего рынка финансовых услуг. В настоящее время уже принят ряд базовых соглашений, в частности Соглашение об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала.

Таким образом, в ближайшее время в мире усилятся поиск союзников и союзов, соперничество по разным позициям, возникнут институциональные факторы нового мирового порядка. Эти процессы приведут к определенной трансформации национального суверенитета, который будет ослабевать за счет явного и неявного, вынужденного или добровольного делегирования части суверенных полномочий различным межгосударственным наднациональным и мировым образованиям [13], и государства, входящие в ЕАЭС, не являются исключением.

Заключение. Проведенное нами исследование позволяет сделать ряд выводов и предложить соответствующие рекомендации.

Во-первых, в процессе политической и экономической интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство выделяются три этапа: ускоренной интеграции (1996–2001 годы), торможения (2002–2013 годы) и упускаемых возможностей (с 2014 года по настоящее время).

Во-вторых, главной причиной торможения интеграции, на наш взгляд, являются существенные различия в национальных моделях экономики. В России была сформирована национальная модель либерально-капиталистического типа, а в Беларуси – социалистически ориентированная модель с элементами либеральной капиталистической модели. Поэтому необходимым условием эффективной интеграции двух стран в Союзное государство служит конвергенция моделей национальных экономик с усилением их социальной ориентации.

В-третьих, с целью углубления экономической интеграции двух стран, по нашему мнению, является рациональным формирование на основе белорусских и российских предприятий транснациональных корпораций (ТНК) и совместных предприятий.

В-четвертых, предпосылкой глубокой интеграции государств в союзы выступает формирование наднациональных органов управления и делегирование им ряда полномочий с преимущественным правом в принятии решений с целью реализации общих интересов.

В-пятых, развитию интеграции и укреплению взаимных связей между государствами-членами ЕАЭС и отдельными гражданами будет способствовать реализация на практике концепции единого гражданства Союза. В современных условиях введение института двойного гражданства позволит ускорить интеграцию в Союзном государстве.

В-шестых, ключевым направлением развития Союзного государства должна стать всесторонняя кооперация субъектов Беларуси и России на основе сквозных цифровых процессов, в первую очередь, в промышленности, сельском хозяйстве и энергетике.

В-седьмых, с целью обеспечения безопасности Союзного государства необходимостью является преодоление зависимости от развитых западных стран по информационным технологиям и программным продуктам.

Литература

1. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. // К единому государству: О создании российско-белорусского государства / под ред. Г.В. Осипова и С.Н. Бабурина. – М.: «Радон-ПРЕСС», 2001. – 360 с.
2. Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства // К единому государству: О создании российско-белорусского государства / под ред. Г.В. Осипова и С.Н. Бабурина. – М.: «Радон-ПРЕСС», 2001. – 360 с.

3. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства от 21 февраля 2020 г. № 2 г. Минск «О бюджете Союзного государства на 2020 год» // Союз. Беларусь – Россия. – 2020. – 5 марта.
4. Мясникович, М.В. Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции / М.В. Мясникович. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 278 с.
5. Лукашенко, А.Г. Интервью Президента телеканалу «Россия 24» / А.Г. Лукашенко // СБ. Беларусь сегодня. – 2018. – 4 дек.
6. Стиглиц, Джозеф. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / Джозеф Стиглиц; [пер. с англ. Ф.А. Исрафилова]. – М.: Эксмо, 2016. – 480 с.
7. Янчук, В.А. Белорусская экономическая модель в классификации национальных экономических моделей по признаку социальной ориентации экономики / В.А. Янчук // Право. Экономика. Психология. – 2015. – № 1. – С. 49–55.
8. Козловски, П. Принципы этической экономии / П. Козловски; пер. с нем. В.Н. Белова. – СПб., 1999. – 344 с.
9. Пикетти, Томас (1971–). Капитал в XXI веке / Томас Пикетти. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с.
10. Боно, Э. Нестандартное мышление: самоучитель [Текст]: пер. с англ. / Э. Боно. – Минск: Попурри, 2006. – 272 с.
11. Максимова, М.М. Основные проблемы империалистической интеграции: экономический аспект / М.М. Максимова. – М.: Мысль, 1971. – 357 с.
12. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: ред. от 8 мая 2015 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 12 авг. 2017 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http: www.pravo.gov.ru. – Дата доступа: 10.07.2021.
13. Гринин, Л.Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета / Л.Е. Гринин // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 86–97.

Поступила в редакцию 03.09.2021

УДК 159.923.2:167.7:101.9(091)

Метатеория: социокультурно-контекстуальная интердетерминанта диалогизма М.М. Бахтина

Янчук В.А.[1], Богомаз С.Л.[2]

[1]*Учреждение образования «Академия последипломного образования»*

[2]*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

В статье анализируются социокультурно-контекстуальные основания диалогизма М.М. Бахтина. Подтверждается, что понимание психологической феноменологии в целом и феноменологии творчества М.М. Бахтина в частности предполагает выявление лежащих в их фундаменте интердетерминант, взаимодействие которых приводит к возникновению нового качества, не представленного в простой сумме составляющих целое частей. В качестве механизма достижения сбалансированности определяется диалог. Артикулируются характеристики социокультурного контекста, способствующие творческим озарениям или инсайтам.

Цель статьи – раскрыть социокультурный контекст Витебщины времен пребывания на ней М.М. Бахтина.

***Материал и методы.** Материалом для изучения послужили научные труды М.М. Бахтина. В качестве методологического основания исследования выступают положения авторской социокультурно-интердетерминистской метатеории интеграции психологического знания. Методом анализа является психоисторическая реконструкция социокультурного контекста.*

***Результаты и их обсуждение.** В статье раскрыты средовые (ситуативные) контексты (условия) с учетом индивидуально-психологических особенностей личности, совершающей определенные активности в конкретных условиях (хронотопах), сочетание которых обеспечивает обретение качественного состояния сбалансированности во взаимодействии с внешним и внутренним миром.*

***Заключение.** Погружаясь в социокультурный контекст Витебщины времен пребывания на ней М.М. Бахтина, можно сделать вывод о том, что он способствовал его творческим озарениям благодаря наличию: 1) сходства семиотического пространства сообщества (нельзя быть понятым не понимающими значений и смыслов сказанного); 2) диалогических взаимоотношений с окружающими (в диалоге с равными рождается истина); 3) экзистенциальной поддержки близкими, позволившей преодолеть обусловленные недугами страдания; 4) социальной востребованности продуктов интеллектуальной активности автора; 5) возможности материализации идей (публикации).*

***Ключевые слова:** диалогизм, интердетерминанта, психологическая феноменология, социокультурно-диалогическая интердетерминистская метатеория, социокультурный контекст, хронотоп.*

Metatheory: the Social-Cultural and Contextual Determinant of M.M. Bakhtin's Dialogism

Yanchuk V.A.[1], Bogomaz S.L.[2]

[1]*Education Establishment "Academy of Post-Diploma Education"*

[2]*Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"*

The article analyzes the social-cultural and contextual foundations of M.M. Bakhtin's dialogism. It is proved that the understanding of psychological phenomenology, in general, and of the phenomenology of M.M. Bakhtin's work, in particular, involves the identification of the underlying interdeterminants, the interaction of which leads to the emergence of a new quality that is not represented in the simple sum of the components of the whole. Dialogue is defined as a mechanism for achieving balance. The characteristics of the social-cultural context are articulated, which contribute to creative insight.

The purpose of the article is to reveal the social-cultural context of Vitebsk Region during M.M. Bakhtin's stay there.

***Material and methods.** The methodological basis of the research is the provisions of the author's social-cultural interdeterministic metatheory of the integration of psychological knowledge. The research method is the psychohistorical reconstruction of the social-cultural context. The research material was the scientific works of M.M. Bakhtin.*

***Findings and their discussion.** The article reveals environmental (or situational) contexts (conditions) taking into account the individual psychological characteristics of a person which performs certain activities in specific conditions (chronotopes), the combination of which ensures the acquisition of a qualitative state of balance in interaction with the external and internal world.*

***Conclusion.** Plunging into the social-cultural context of Vitebsk Region during M.M. Bakhtin's stay there, it can be concluded that it contributed to his creative insights due to the presence of: 1) the similarities of the semiotic space of the community (it is impossible to be understood by those who do not understand the meanings of what has been said); 2) dialogical relationships with others (truth is born in a dialogue with equals); 3) existential support by the loved ones, which made it possible to overcome the suffering caused by ailments; 4) social demand for the products of intellectual activity of the author; 5) possibilities for materialization of ideas (publications).*

***Key words:** chronotop, dial ogism, interdeterminant, psychological phenomenology, social-cultural context, social-cultural-dialogic interdeterminist metatheory.*

В течение всей жизни М.М. Бахтин разрабатывал методологические проблемы гуманитарных наук, в том числе и психологии. Он постоянно обращал внимание на несводимость гуманитарных наук к естественным, многократно подчеркивал, что используемый им метод исследования является феноменологическим. Сопоставляя личность как говорящее бытие и немую безгласную вещь, М.М. Бахтин сделал вывод о том, что познание личности не может осуществляться таким же методом, как и исследование вещи. Согласно М.М. Бахтину, адекватным методом познания личности является диалог как специфически человеческая форма общения человека с другими индивидами, обладающая некоторым комплексом отличительных черт. Исследования М.М. Бахтина, выполненные в феноменологическом стиле, способствовали прояснению им целого ряда новых и принципиально важных психических феноменов.

Многогранность таланта М.М. Бахтина и полученное образование позволили ему работать в разных сферах науки. Но вместе с тем начиная с первой своей серьезной научной работы и до последней М.М. Бахтин был озабочен методологическими проблемами гуманитарных наук, а значит, и психологии. В течение всей своей жизни М.М. Бахтин оставался философом-методологом. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить названия его основных методологических исследований и даты их написания. Во всех методологических работах М.М. Бахтин размышляет о науке и «научности» исследований. Он сопоставляет естественные науки и гуманитарные и при этом строго и последовательно отстаивает специфику предмета гуманитарных наук и методов его изучения, а далее и методологических принципов, на которых должно строиться исследование в гуманитарной сфере.

Юбилей М.М. Бахтина является культурным событием мирового масштаба. В истории человечества не так много фигур, опередивших время и оставивших наследие, ценность и инновационный потенциал которого не только не потеряли своей значимости, но и приобрели новое понимание. Традиционно в качестве основополагающей предпосылки творческих достижений исследователя определяются его личностные качества, совокупность которых, по идее, и обуславливает результат. При этом, на наш взгляд, совершенно незаслуженно из фокуса внимания уходит социокультурно-контекстуальное основание – условия осуществления активности, привязанные к конкретным пространственно-временным координатам или, в терминологии М.М. Бахтина, хронотопы, либо способствующие, либо препятствующие актуализации творческого потенциала автора. Примечательно, что такого рода хронотоп имел место на Витебщине, на земле которой были материализованы наиболее известные тексты творческого наследия, в том числе на страницах журнала с символическим названием «Хронотоп».

Цель статьи – раскрыть социокультурный контекст Витебщины времен пребывания на ней М.М. Бахтина.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили научные труды М.М. Бахтина. В качестве методологического основания исследования выступают положения авторской социокультурно-интердетерминистской метатеории интеграции психологического знания [1]. Методом анализа является психоисторическая реконструкция социокультурного контекста.

Результаты и их обсуждение. Роль и значение социокультурного контекста в анализе творчества исследователя ранее были артикулированы нами по отношению к творчеству Л.С. Выготского. В частности, отмечалось наличие самой возможности приобщения к мировому культурному наследию через книги крупнейших исследователей того времени, имевшихся в библиотеках, и социальной среды, поддерживающей стремление к самообразованию и саморазвитию [2]. Безусловно, при отсутствии этих предпосылок вероятность самоактуализации талантов Л.С. Выготского была бы маловероятна. Точно также нельзя не учитывать и соответствующего техногенно-информационного контекста того времени, представленного рукописно-печатными текстами, определяющими особое их понимание и рефлексию. Следует иметь в виду, что сегодняшнее время существенно отличается от времени творения М.М. Бахтина именно усложнением реальностей, в которых осуществляются акты творения, за счет дополнения их радикально изменившейся техногенной реальностью и киберреальностью с ее безграничными информационными ресурсами и отрывом знака от референта с последующей его трансформацией в симулякру (Ж. Бодрийяр). Нельзя не учитывать и изменения, происшедшие в природной и социальной реальностях.

Человек (и его психология) не является обособленной системой. Он функционирует в условиях конкретного природного, техногенного, а теперь уже и киберокружения, образующих особые типы реальности, не учитывать влияние которых на его психологическую феноменологию по крайней мере не дальновидно. Игнорирование телесной субстанции в ее взаимодействии с социальным окружением при посредстве уникальной способности психического к переводу внешнего во внутреннее и наоборот является нонсенсом, впрочем, весьма распространенным в современном психологическом знании. Точно также как нонсенсом считается и не принятие в рас-

чет разнокачественности человеческих природ (биологическое-психическое-символическое), комплексное взаимодействие которых и результирует поведение. Причем это взаимодействие обладает взаимовлияющим и взаимообусловливающим характером, приводя к формированию нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих его частей или элементов. Именно эта особенность и обозначается понятием интердетерминации. Человек (как и высокоразвитые животные) не просто привыкает к условиям окружения, реагируя на внешние стимулы, но и приспосабливает его к своим возможностям, находя своеобразный компромисс адаптационного свойства или состояние внутренне-внешней сбалансированности. Причем это состояние баланса является не статичным, а преобразующимся в соответствии с изменениями, происходящими как в нем самом, так и в социальном, природном, а теперь уже и в техногенном и киберокружении.

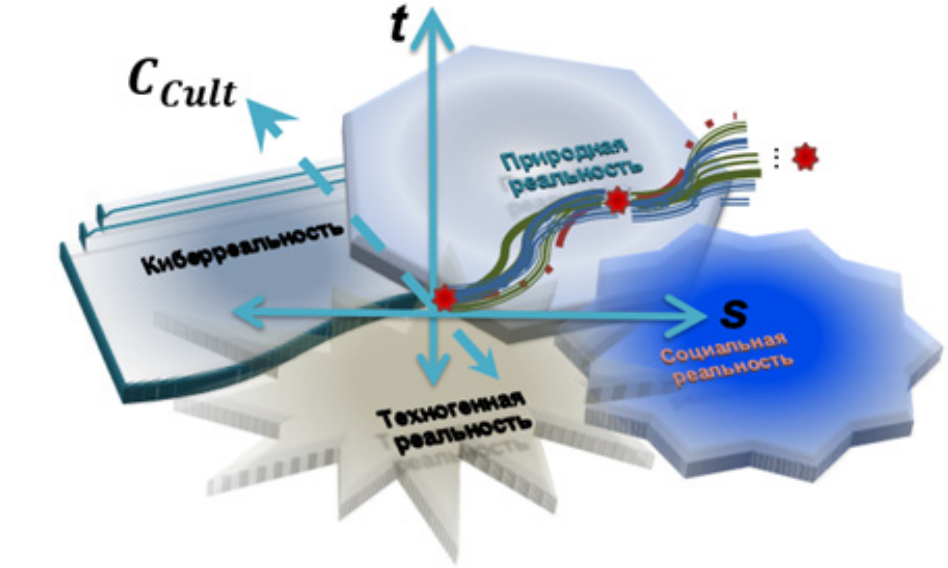
Это обусловленное процессом взаимовлияния и взаимоприспособления, направленного на достижения состояния сбалансированности взаимодействия с внешним и внутренним миром, было обозначено нами понятием *интердетерминации,* а ее составляющие или вовлеченные процессы – *интердетерминантами.* Отношение интердетерминации подчеркивает элемент взаимовлияющего и взаимоизменяющего его характера, приводящего к качественным изменениям составляющих интердетерминант. Любое изменение одного из элементов неизбежно приводит и к изменению во всех взаимосвязанных элементах. Причем происшедшие изменения обуславливают изменение качества самой гетерогенной системы, получающей новообразования в виде расширения (или сужения), переосмысления и переживания обретенного опыта. В данном случае речь идет о динамическом аспекте психологической феноменологии. Особенно в рамках психологии развития начинает осознаваться продуктивность подхода динамических систем к анализу временной трансформации в функционировании психического [3; 4].

Человек обладает способностью влияния на происходящее, но должен осознавать и то, что, в свою очередь, происходящее оказывает самое непосредственное влияние на него самого, что пассивное бездействие приводит к усилению эффекта внешнего влияния, а активность, не обремененная приобщенностью к культурному наследию, обрекает его на деградацию и возрастание зависимости от обстоятельств. Сегодня уже накоплен обширный фактический материал, свидетельствующий о том, что техно-технологизация познавательной активности начинает отрицательно сказываться на ее продуктивности. В частности, появление калькулятора начало отрицательно отражаться на функциональной активности мозга, а поисковых систем – на превалировании поисковой активности над творческой, выражающейся в так называемом поколении copy-cut (нашел-вставил).

Психологическая феноменология не является статичной. Она меняется в пространстве и во времени. Причем зачастую эти изменения носят асинхронный характер, приводя к состояниям разбалансированности с внешним и внутренним миром как на уровне разнокачественных природ, так и сфер психического. И все это имеет место в изменяющемся природном, техногенном, социальном и киберокружении, в индивидуально-психологической и активностной динамике. В данном процессе отмечаются своеобразные точки бифуркации, определяющие переход из одного качественного состояния в другое. Причем эти динамические процессы носят именно нелинейный, ступенчатый характер. Найденное состояние баланса функционирования обладает достаточным потенциалом инерции за счет имеющихся в распоряжении человека природных и психологических ресурсов. В своеобразной роли гравитационной интердетерминанты выступает культурный контекст. Визуализация пространства интердетерминант поведения представлена на рисунке.

И здесь следует еще раз обратить внимание на роль культуры в функционировании человека в природном, техногенном, кибер- и социальном окружении. В последнее время ее роль начала теряться в многоголосом и многообещающем генно-нейро-цифро-техно-технологическом контексте, сулящем «освобождение» человека от рутинности бытия и предоставление ему безграничных возможностей самосовершенствования, саморазвития, правда, без уточнения, каких именно. Периферизация культуры в общественном сознании отчасти обусловлена мифологемами и информационным безбрежием, его доступностью для потенциального пользователя и крайне упрощенным представлением об интернализации культуры, аккультурации и инкультурации.

Следует иметь в виду, что культурное наследие не интериоризируется само по себе посредством простого «прикосновения» или «погружения» в «информационные» и «кибер-облака» знаний. Информационные поля – это всего лишь пространства знаков, которые необходимо наполнять значениями, в свою очередь, вплетенными в интер- и гипертекстуальность. Отсутствие такой вплетенности приводит к оскудению значений и смыслов, поверхностному, упрощенному представлению о мире внутри и вокруг нас. Свое выражение это находит и в сворачивании и упрощении пользовательского языка, что мы и наблюдаем сегодня.



Где: B_{Bio} – биологическое; P_{Psy} – психическое; S_{Simb} – символическое;
C_{Csc} – осознаваемое; U_{Ucs} – бессознательное; E_{Ex} – экзистенциальное;
A – активность; P – личность; E – окружение;
C_{Cult} – культурный контекст; t – время; s – пространство
– точка бифуркации

Рисунок – **Интердетерминанты поведения личности**

Для освоения знаний и углубления миропонимания необходима скрупулезная работа по его овладению, имплицитно предполагающая диалог автора с читателем посредством помещения текста в различные культурные контексты или хронотопы. Диалог подразумевает наличие Другого и Другойности. Лишь с учетом интерпретации транслируемых текстов предполагаемыми Другими происходит формирование интерсубъективности и диалогичности [4], определяющих взаимопонимание, в свою очередь, лежащее в фундаменте социальности или бытия-в-мире-других-людей. Нет взаимопонимания – нет синхронного и скоординированного взаимодействия, отсутствие которого приводит к разрушению культуры как таковой, т.к. она как раз и подразумевает трансляцию взаимного опыта между поколениями. Таким образом, культурное развитие предполагает взаиморазвитие, а не простое суммирование знаний между разрозненными ее представителями, т.е. культурно-диалогическую интердетерминацию.

Культурно-диалогическая интердетерминация представляет взаимодействие, основанное на безусловном принятии Другойности (otherness) элементов гетерогенных (многоголосых=multivoiced) динамических систем, направленное на нахождение взаимоприемлемых структурно-содержательных оснований и форм (часто компромиссного характера), способствующих формированию совместно созданных, согласованных и внутренне принятых состояний гомеостазиса (интерсубъективности, интерэкзистенциальности, био-психо-социального баланса и т.п.), обеспечивающих оптимальное сосуществование в условиях конкретного социального и природного окружения в рамках локального (зона ближайшего развития) пространства и времени и более отдаленной жизненной перспективы (зона отдаленного развития).

Культурно-диалогический характер интердетерминистского взаимодействия выражается в диалогической природе взаимодействия между элементами гетерогенной динамической системы, предполагающего диалогичность мышления, проявляющегося: во-первых, в безусловном принятии Другого; во-вторых, в расширении горизонтов постижения; в-третьих, в обретении нового качества взаимодействующими сторонами; в-четвертых, в формировании общности, совместности (интерсубъективности, интерэкзистенциальности), способствующих взаимопониманию и скоординированному взаимодействию.

J. Salgado и J.W. Clegg различают четыре фундаментальных принципа диалогического мышления: «принципы относительности, динамизма, семиотической опосредованности, открытости, диалогичности и контекстуальности. Вместе эти принципы определяют рассмотрение психики не как изолированных гомункулусов, не как бестелесного дискурса, а как временно уникального, активного созидателя, непрерывно снимающего, а не противостоящего, напряжение между инди-

видуальным и социальным, материальным и психологическим, множественным и унифицированным, стабильным и динамическим» [5].

В свою очередь, Per Linell формулирует основополагающие принципы развития диалогизма: 1) рассмотрение человеческого мышления как системы созидания значений; 2) подчеркивание роли других в приобретении знания в процессе формирования интерсубъективности; 3) интерактивность (interactionism), проявляющаяся в том, что конструирование значений находится в прямой зависимости от взаимосвязей с другими; 4) контекстуальность, т.е. зависимость знания от контекста его обретения; 5) коммуникативный конструктивизм, проявляющийся в формировании реальности в процессе коммуникации с другими [6].

Благодаря интерсубъективности и интерэкзистенциальности становится возможным формирование разделяемых значений и переживаний, составляющих формирование той самой социальности, без наличия которой общество перестает быть таковым, трансформируясь в механическое единство обособленных особей гедонистического или устрашенного толка, организующихся и действующих по внешнему управлению той самой матрицы или Главноуправителя. За подобного рода хронотопами далеко ходить не надо, они актуализируются здесь-и-сейчас [7–11].

Альтернативу представляют именно диалогические отношения. Как отмечает И. Маркова, «жизнь в мире других предполагает, что соавторы не только пытаются снять свои различия в коммуникации, но также признание друг друга как соавторов совместных идей; они спорят и борются за идеи; и они подтверждают свое участие в социальной реальности» [5, p. 249]. И далее: «Диалогичность подразумевает контракт: отзывчивость и ответственность. Без говорящего не может быть слова – слова имеют свою историю. Не может быть слова без самого себя» [5, p. 258].

Заключение. Таким образом, погружаясь в социокультурный контекст Витебщины времен пребывания на ней М. Бахтина, можно сделать вывод о том, что он способствовал его творческим озарениям благодаря наличию: 1) сходства семиотического пространства сообщества (нельзя быть понятым не понимающими значений и смыслов сказанного); 2) диалогических взаимоотношений с окружающими (в диалоге с равными рождается истина); 3) экзистенциальной поддержки близкими, позволившей преодолеть обусловленные недугами страдания; 4) социальной востребованности продуктов интеллектуальной активности автора; 5) возможности материализации идей (публикации).

Литература

1. Янчук, В.А Наследие М.М. Бахтина и диалогический подход в психологии / В.А. Янчук, С.Л. Богомаз // Право. Экономика. Психология. – 2021. – № 1(21). – С. 80–84.
2. Янчук, В.А. Выготский и культурный переворот в психологии / В.А. Янчук, С.Л. Богомаз // Психологический Vademecum: Витебщина Л.С. Выготского: сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2016. – С. 21–33.
3. Balliet, D. Functional Interdependence Theory: An Evolutionary Account of Social Situations / D. Balliet, J.M. Tybur, P.A.M. Lange // Personality and Social Psychology Review. – 2017. – Vol. 2(4). – P. 361–368.
4. Fluctuation in the Assimilation of Problematic Experiences: A Case Study of Dynamic Systems Analysis [Electronic resource] / I. Basto [et al.] // Frontiers in Psychology. – 2018. – Vol. 9. – Art. 1119. – Mode of access: https:// www.researchgate. net/ publication/327043127. – Data of access: 10.09.2009.
5. Markova, I. Constitution of the Self: Intersubjectivity and Dialogicality / I. Markova // Culture Psychology. – 2003. – Vol. 9(3). – P. 249–259.
6. Salgado, J. Dialogism and the psyche: Bakhtin and contemporary psychology / J. Salgado, J.W. Clegg // Culture & Psychology. – 2011. – № 17(4). – P. 421–440.
7. Янчук, В.А. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания / В.А. Янчук // От истоков к современности: 130 лет Московскому психологическому обществу: материалы юбил. конф. / отв. ред. Д.Б. Богоявленская. – М., 2017. – Т. 6. – С. 297–331.
8. Янчук, В.А. Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия / В.А. Янчук // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 1. – С. 124–154.
9. Янчук, В.А. Дезориентация в темпоральности и ее последствия для развития общества и человека: социокультурно-диалогическая интердетерминистская метаперспектива / В.А. Янчук // Южно-рос. журн. социал. наук. – 2019. – Т. 20(3). – С. 136–152.
10. Linell, P. Rethinking Language, Mind, and World Dialogically / P. Linell. – Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2009. – 516 p.
11. Yanchuk, V. The Theoretical and Empirical Foundations of the Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Metatheory of the Integration of Psychological Knowledge / V. Yanchuk // Journal of Russian & East European Psychology. – 2018. – № 55(2–3). – P. 241–286.

Поступила в редакцию 05.10.2021

УДК 159.942.6+316.624:[343.235.2+343.54]

Агрессивность осужденных за сексуальные и несексуальные преступления как предиктор насильственных аттитюдов в отношении женщин

Фурманов И.А.
Белорусский государственный университет

Статья посвящена выявлению предикторов насильственных аттитюдов в отношении женщин у осужденных за сексуальные преступления.

Цель работы – определение различий в насильственных аттитюдах в отношении женщин у осужденных за сексуальные и несексуальные преступления, а также степени детерминации агрессивностью аттитюдов к совершению психологического, физического и сексуального насилия в отношении женщин.

Материал и методы. *Выборку составили осужденные за насильственные сексуальные и ненасильственные преступления. В ходе работы использовались «Шкала аттитюдов к насилию в период свидания» (ATDVS) и опросник агрессивности А. Басса и М. Перри (BPAQ).*

Результаты и их обсуждение. *Сравнительный анализ показал, что осужденные обеих когорт не различаются по своей готовности к проявлению психологического и физического насилия в отношении женщин. Осужденные за ненасильственные преступления имеют более сильные установки к сексуальному насилию, чем осужденные за насильственные сексуальные преступления. Установлены и описаны корреляционные связи между оценками агрессивности как личностной черты (физической агрессивностью, вербальной агрессивностью, гневом и враждебностью) и аттитюдами к психологическому, физическому и сексуальному насилию в отношении женщин. Враждебность является основным предиктором аттитюдов к психологическому, физическому и сексуальному насилию у осужденных за насильственные сексуальные преступления. Сила аттитюдов к сексуальному насилию у осужденных за насильственные сексуальные преступления зависит от комбинации гнева и враждебности.*

Заключение. *Агрессивность оказывает влияние на насильственные аттитюды в отношении женщин.*

Ключевые слова: *физическая агрессивность, вербальная агрессивность, гнев и враждебность, аттитюды к психологическому, физическому и сексуальному насилию.*

Aggressiveness of the Sentenced for Sexual and Non-Sexual Crimes as a Predictor of Violent Attitudes Towards Women

Furmanov I.A.
Belarusian State University

The article is concerned with the definition of predictors of sexual offenders' violent attitudes towards women..

The aim is to determine the differences in violent attitudes towards women among those convicted for sexual and non-sexual crimes, as well as the degree of aggressiveness determination to commit psychological, physical and sexual violence against women.

Material and methods. *The sample consisted of those convicted for violent sexual and nonviolent crimes. The "Dating Violence Attitudes Scale" (ATDVS) and the A. Bass and M. Perry Aggressiveness Questionnaire (BPAQ) were used.*

Findings and their discussion. *Comparative analysis has shown that offenders of both groups do not differ in their readiness to display psychological and physical violence against women. Nonviolent offenders have stronger attitudes towards sexual violence than violent sexual offenders. Correlations between assessments of trait aggression (physical aggression, verbal aggression, anger and hostility) and attitudes towards psychological, physical and sexual violence against women are established and described. Hostility is the key predictor of violent offenders' psychological, physical and sexual violence attitude. The strength of sexual violence attitude of violent sex offenders depends on a combination of anger and hostility.*

Conclusion. *Aggressiveness influences violent attitudes towards women.*

Key words: *physical aggressiveness, verbal aggressiveness, anger and hostility, psychological, physical and sexual violence attitudes.*

Насилие в отношении женщин принимает различные формы и остается одной из насущных проблем современных социальных отношений. Нет необходимости напоминать, что насилие в отношении женщин может включать психологическую, физическую и сексуальную агрессию. Как показывают многочисленные исследования, психологическая и физическая агрессии наиболее часто встречаются в супружеских отношениях, а сексуальная агрессия – в романтических отношениях, в период знакомства или свиданий.

Примат совершения сексуальной агрессии в романтических отношениях, в период свиданий или знакомства обусловливается тем, что это диадные отношения, предполагающие взаимодействие партнеров и продолжающиеся до тех пор, пока один или другой партнер не предпримет попытку прервать или разорвать данные отношения. Поэтому они могут быть как краткосрочными, так и долговременными. Как правило, эти отношения характеризуются *добровольностью,* то есть возникают на основании личного выбора субъекта и могут быть завершены по усмотрению одного или обоих партнеров. Еще одной важной характеристикой является *аттракция,* привлекательность партнера, которая зачастую может приобретать форму страсти, вызывать сексуальное возбуждение и мотивировать к сексуальной близости [1; 2].

Исходя из этого, романтические отношения, межличностное взаимодействие в период свиданий или знакомства с полным основанием можно причислить к разновидностям сексуального поведения. В контексте межличностных отношений сексуальное поведение может реализовываться либо по обоюдному согласию, либо по принуждению. Принудительное сексуальное поведение чаще всего возникает в ситуации, воспринимаемой как фрустрация. Отказ в достижении важных целей может привести к негативным эмоциям и попытке или изменить ситуацию в соответствии с поставленной целью, или переоценить соответствующие цели. Например, если насильнику, который ожидает, что женщина удовлетворит его потребности, отказывают, он может попытаться восстановить свое чувство контроля силой и, в конечном счете, использовать сексуальную агрессию [3; 4]. Согласно аффективно-динамической теории агрессии [5] фрустрация актуальных потребностей может приводить к возникновению психологической, физической и сексуальной агрессии в отношении фрустратора (партнера–жертвы).

Совершение преступления сексуального характера фактически представляет собой модель поведения, начинающегося с психологической и/или физической агрессии и заканчивающегося сексуальной агрессией (изнасилованием, другими насильственными действиями сексуального характера вопреки воле потерпевшего).

Большинство современных концепций изнасилования признают, что оно включает в себя как сексуальные, так и агрессивные мотивы, но в большинстве случаев основное внимание уделяется одному мотиву при минимизации других. В частности, достаточно часто мотивы власти, контроля и доминирования противопоставляются сексуальному мотиву. Например, активно поддерживается мнение, что изнасилование – это использование сексуальности для удовлетворения мотива власти и выражения гнева. Так, утверждается, что все сексуальные посягательства совершаются для того, чтобы удовлетворить желание преступника обладать властью и усилить его чувства. В противовес этому высказывается мнение, что власть и сексуальные факторы не отделены один от другого и накладываются друг на друга. В принципе, сексуальные факторы присущи всем преступлениям, связанным с изнасилованием, и это, возможно, стало причиной того, что внимание исследователей больше сосредотачивалось на других факторах, таких как власть и доминирование, чтобы отличить один вид изнасилования от другого.

В целом ряде исследований было обнаружено, что мужское одобрение мифов об изнасиловании, враждебность к женщинам, одобрение традиционных гендерных ролей и гипермаскулинности связано с совершением сексуального насилия против женщин.

Большинство мифов об изнасиловании и установок, поддерживающих изнасилование, вписываются в одну из трех категорий: 1) обвинение жертвы, 2) освобождение преступника от ответственности за нападение и 3) оправдание за нападение [6]. Связь между поддерживающими изнасилование установками мужчин и совершением сексуальной агрессии была выявлена в нескольких исследованиях [7; 8].

Поддерживающие изнасилование аттитюды – это установки и убеждения, которые оправдывают изнасилование и ситуации, окружающие изнасилование. Они включают враждебную установку к жертвам изнасилования, ложные убеждения об изнасиловании и ошибочные убеждения о жертве и преступнике, совершившем изнасилование [9].

Несколько эмпирических исследований выявили, что мужчины, обладающие более традиционными мужскими личностными чертами, чаще одобряют поддерживающие изнасилование установки, чем их аналоги с менее выраженными мужскими личностными чертами [10; 11]. В частности,

было установлено наличие статистически значимой положительной связи между приверженностью нормам маскулинности и участием/одобрением сексуально агрессивного поведения среди мужчин.

Рядом исследований была обнаружена связь между высокой враждебностью к женщинам и совершением сексуального насилия. Негативные установки к женщинам могут быть связаны с сексуально агрессивным поведением несколькими способами, среди которых убеждение, что женщины должны принуждаться к сексу, что мужчины имеют право требовать секса от женщины и что, если бы женщины были более защищенными, они были бы менее уязвимы для изнасилования.

Гипермаскулинность характеризуется частой демонстрацией физического насилия, наличием опасных и сексуально грубых аттитюдов к женщинам. Традиционное гипермаскулинное поведение и установки часто рассматриваются как этиологические факторы в совершении сексуальной агрессии и одобрения установки, поддерживающей изнасилование. Например, отмечается положительная связь между сексуальным насилием и гипермаскулинностью. В исследовании Д.Ж. Пэрро и А. Зейхнера [12] установлено, что более высокие уровни гипермаскулинности привели у некоторых мужчин к склонности совершать действия физической агрессии и придерживаться более высоких уровней сексуально агрессивных установок/убеждений.

В свою очередь Н.М. Маламут [13] даже вводит в научный обиход понятие «враждебная маскулинность». Враждебная маскулинность определяется как потребность управлять и доминировать над женщинами, соединенная с враждебностью и недоверием к женщинам. Исследования показали, что те мужчины, которые отличались высоким уровнем враждебной маскулинности, вероятнее всего, совершат сексуальное насилие. Метаанализ исследований, устанавливающих корреляции между различными измерениями маскулинной идеологии и сексуальной агрессии, свидетельствует, что и гипермаскулинность, и враждебная маскулинность умеренно связана с сексуальной агрессией.

Как показал анализ литературы, большинство исследований сосредоточилось на социодемографических и культуральных переменных, чтобы объяснить поддерживающие изнасилование установки (т.е. гендер, возраст, образование, религия, идеология или установки к гендерным ролям). Совсем немного исследований касалось роли агрессивной личности в объяснении поддерживающих изнасилование установок. Однако даже в них изучение взаимосвязи агрессивных черт личности и поддерживающих изнасилование установок было вторичной целью.

Несмотря на выявленную корреляцию между высокой враждебностью к женщинам и совершением сексуального насилия, за рамками интересов исследователей осталось понимание психологической природы этой связи. А именно фасилитирующей роли агрессивности как личностной черты и насильственных аттитюдов к женщинам как предрасположенности к определенному социальному поведению в формировании враждебного отношения к женщинам в целом и готовности к совершению сексуального насилия в частности.

Исходя из этого, было проведено исследование с *целью* определения, во-первых, различий в насильственных аттитюдах в отношении женщин между двумя когортами осужденных, совершивших сексуальное насильственное преступление и ненасильственное преступление, а во-вторых, степени детерминации агрессивности аттитюдов к совершению психологического, физического и сексуального насилия в отношении женщин. Было выдвинуто два *предположения:* 1) преступники, совершившие сексуальное преступление, будут отличаться более сильной склонностью к совершению сексуального насилия в отношении женщин; 2) отталкиваясь от поведенческой структуры изнасилования, предикторами готовности к совершению преступления сексуального характера в отношении женщин будут такие агрессивные черты личности преступника, как физическая агрессивность и враждебность.

Материал и методы. Исследование проводилось среди осужденных мужчин ряда исправительных учреждений Республики Беларусь, которые были разбиты на две когорты в соответствии со статьей отбывания наказания: 1) насильственные преступления сексуального характера (n = 37) – изнасилование, насильственные действия сексуального характера; 2) ненасильственные преступления (n = 68) – кража, мошенничество.

В работе были использованы:

– шкала аттитюдов к насилию в период свидания, разработанная Е.Л. Прайс и Е.С. Байерс, адаптированная и валидизированная И.А. Фурмановым [14]. Данная шкала включает три подшкалы для измерения аттитюдов к психологическому (ПН), физическому (ФН), а также сексуальному (СН) насилию в отношениях с женщинами;

– опросник агрессивности А. Басса и М. Перри [7], адаптированный и валидизированный И.А. Фурмановым [14]. Четыре подшкалы опросника оценивали физическую агрессивность (ФА), вербальную агрессивность (ВА), гнев (Г), враждебность (ВР).

Для получения статистических данных рассчитывались средние и стандартное отклонения, сравнение выборок осуществлялось с помощью расчета t-критерия Стьюдента, корреляционного анализа Пирсона, а также множественного регрессионного анализа с использованием пошагового метода (F-критерий Фишера, t-критерий Стьюдента, p-уровень их статистической значимости, коэффициенты множественной корреляции (КМК) и множественной детерминации (КМД)).

Результаты и их обсуждение. Сравнительный анализ показал, что осужденные за насильственные сексуальные и ненасильственные преступления не различаются по своей готовности к проявлению психологического (M = 39,05, SD = 7,48 против M = 39,02, SD = 5,49, p = 0,987) и физического (M = 25,95, SD = 9,22 против M = 26,93, SD = 6,98, p = 0,549) насилия в отношении женщин (рисунок). Вместе с тем было определено, что осужденные за ненасильственные преступления имеют более сильные установки к сексуальному насилию, чем осужденные за насильственные преступления сексуального характера (M = 24,52, SD = 7,51 против M = 28,37, SD = 5,86, p =0,003).

С одной стороны, полученные данные согласуются с ранее проведенными исследованиями, в которых отмечается, что осужденные за серьезное сексуальное насилие в отношении женщин, не отличаются от осужденных за несексуальные тяжкие преступления, а также ненасильственные преступления в консервативности отношения к женской роли в поведении, во враждебных установках к женщинам и склонности к физическому и психологическому насилию [15–18]. Многие феминистские авторы вообще утверждали, что нет существенной разницы между «сексуальными насильниками» и «нормальными» мужчинами.

С другой стороны, данные о различиях в выраженности сексуальных насильственных аттитюдов обследованных когорт преступников кажутся парадоксальными, противоречащими выдвинутой гипотезе. Возможным объяснением этого факта является то, что осужденные за преступления сексуального характера действительно «стали на путь исправления», осознали совершенный ими проступок и пересмотрели свои сексуальные убеждения в отношении женщин. Кроме того, это может быть результатом эффекта «социальной желательности». Хотя опрос проводился анонимно, страх сексуальных преступников перед столкновением с серьезными последствиями правдивости их ответов, например, по поводу смягчения приговора или досрочного освобождения, в результате полученной информации мог серьезно повлиять на их искренность. Поэтому сексуальные насильники могли быть мотивированы к тому, чтобы представить максимально позитивный образ себя и своих аттитюдов в отношении сексуального насилия.

Вполне допустимо также, что осужденные за сексуальные преступления имеют более высокую степень вины по отношению к их жертвам. Поэтому большая мягкость сексуальных насильственных аттитюдов в отношении женщин может быть следствием защиты от чувства вины.

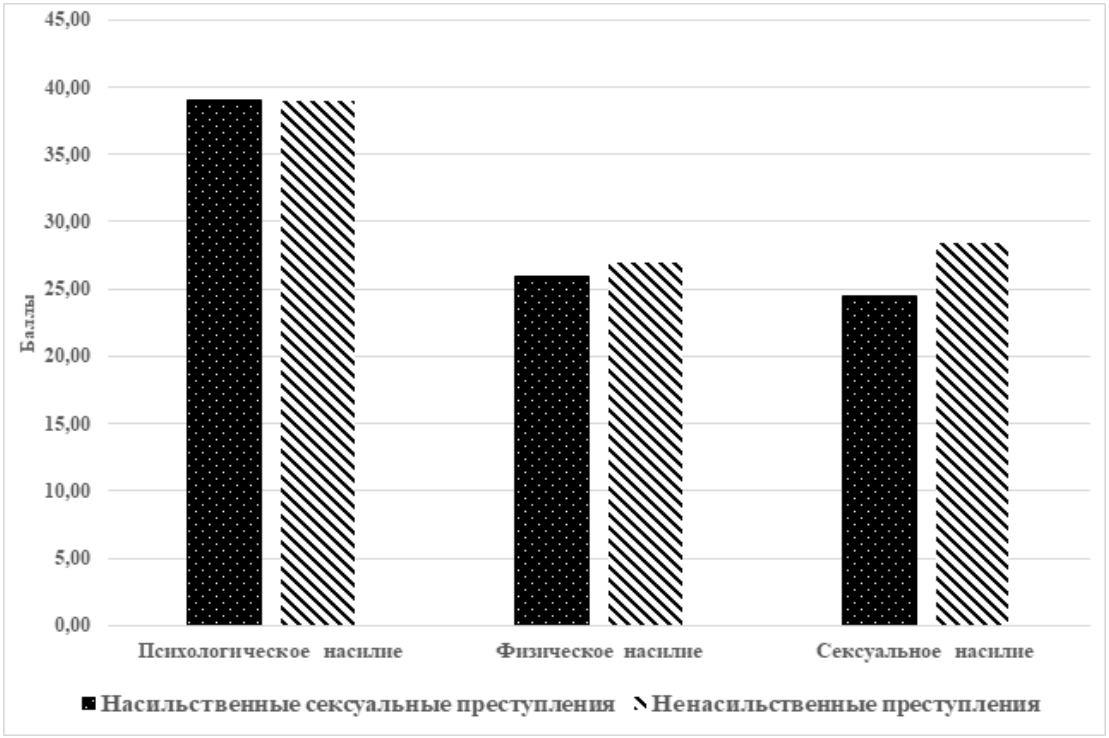


Рисунок – **Сравнение насильственных аттитюдов осужденных за насильственные сексуальные и ненасильственные преступления в отношении женщин**

Вместе с тем исследования показывают, что на снижение интенсивности тех или иных аттитюдов может влиять использование психологических защит. Существуют данные, что для сексуальных преступников достаточно часто характерны такие механизмы психологических защит, как подавление и отрицание. Действительно, признать ответственность за действия, причиняющие вред женщине, трудно. Поэтому неудивительно, что многие сексуальные насильники отрицают ответственность за совершенные ими преступления [11]. Сексуальные преступники часто отрицают все аспекты выдвинутых против них обвинений, зачастую несмотря на неопровержимые доказательства обратного. Даже когда такие преступники признают свое преступление, они обычно заявляют, что не применяли насилие так сильно и так жестоко. Они могут сводить к минимуму навязанность полового акта, свою ответственность за него, его принудительность. Кроме того, почти все сексуальные преступники пытаются переложить вину с самих себя, например, приписывая ответственность таким факторам, как употребление алкоголя, семейные проблемы или стресс. Помимо этих механизмов отрицания, минимизации и рационализации, сексуальные насильники часто демонстрируют корыстное искаженное восприятие поведения своей жертвы, которое помогает им оправдывать свое собственное поведение. Все эти когнитивные искажения вуалируют отказ от личной ответственности за совершенное преступление. Признание ответственности часто рассматривается как признание своей слабости, уязвимости или личной вины. Безответственность и отсутствие социальной совести часто связаны с сексуальным насилием [4].

Вместе с тем более детальный анализ позволил выявить некоторые различия в содержательных характеристиках насильственных аттитюдов в отношении женщин в обеих когортах преступников (таблица 1). Так, для осужденных за сексуальные преступления вполне допустимыми являются в основном насильственные действия физического и сексуального характера, а для осужденных за ненасильственные преступления – физического и психологического характера.

Результаты корреляционного анализа позволили выявить различия в структурах взаимосвязей компонентов агрессивности и насильственных аттитюдов (таблица 2).

Так, в структуре агрессивности осужденных за насильственные сексуальные преступления ядерными являются когнитивный и эмоциональный компоненты – враждебность и гнев, а у осужденных за ненасильственные преступления только эмоциональный – гнев.

Полученные данные согласуются с результатами других исследований (например, [19]). В частности, было установлено, что мужчины с высоким уровнем общей агрессивности отличаются более активным сексуально агрессивным

Таблица 1 – **Превалирующие насильственные убеждения осужденных**

№ п/п	Насильственные сексуальные преступления	Ненасильственные преступления
1	Некоторые женщины заслуживают, чтобы им задали трепку (ФН)	Мужчина может дать пощечину его женщине, если для этого есть приемлемая причина (ФН)
2	Мужчина может дать пощечину его женщине, если для этого есть приемлемая причина (ФН)	Иногда мужчины не могут удержаться, чтобы не ударить женщину, которая разозлила их (ФН)
3	Иногда мужчины не могут удержаться, чтобы не ударить женщину, которая разозлила их (ФН)	Иногда ревность делает мужчин настолько взбешенными, что они просто не могут удержатся, чтобы не поколотить свою женщину (ФН)
4	Иногда мужчины не могут удержаться, чтобы не избить женщину (ФН)	Иногда мужчины не могут удержаться, чтобы не избить женщину (ФН)
5	Для мужчины в порядке вещей принудить свою женщину поцеловать его (СН)	Это нормально, когда мужчина ругается матом на свою женщину (ПН)
6	Мужчина может склонять женщину к сексу сразу после знакомства (СН)	Мужчина может повышать голос и орать на свою женщину, если для этого есть приемлемая причина (ПН)
7	Если женщина ложится с мужчиной в постель, значит она согласна на секс (СН)	Для мужчины в порядке вещей принудить свою женщину поцеловать его (СН)
8	Часто мужчины должны быть грубыми со своими женщинами, чтобы завести их (СН)	Часто мужчины должны быть грубыми со своими женщинами, чтобы завести их (СН)
9	Женщина всегда должна делать все возможное лишь бы понравиться своему мужчине (ПН)	

поведением [20]. Также было определено, что такие черты личности, как гнев и враждебность, положительно коррелировали с поддерживающими изнасилование установками, насилием в отношении интимного партнера, а враждебность и вербальная агрессия – с поддерживающими изнасилование установками и принятием мифов об изнасиловании [21; 22].

В структуре взаимосвязей насильственных аттитюдов существенных различий не наблюдается. Однако, учитывая силу и уровень значимости корреляций, обращает на себя внимание «связка» аттитюдов к психологическому и сексуальному насилию (r=0,704) у осужденных за насильственные сексуальные преступления и аттитюдов к психологическому и физическому насилию (r=0,573) у осужденных за ненасильственные преступления.

Существенным является то, что взаимосвязь между аттитюдами к сексуальному насилию и аттитюдами к психологическому и физическому насилию выражена сильнее у осужденных за насильственные сексуальные преступления, чем у осужденных за ненасильственные преступления. Полученные данные отчасти согласуются с целым рядом других исследований. В частности, существует некоторое эмпирическое подтверждение статистической связи между сексуальной и несексуальной агрессией, прогнозирующей общий риск совершения любого типа агрессии [9]. Также были получены доказательства совместного проявления сексуальной и психологической агрессии: психологическое насилие со стороны интимного партнера значимо коррелировало с одновременной или последующей физической (но несексуальной) и/или сексуальной агрессией [10].

В исследованиях Л. Уилсона и коллег [23] был выявлен целый ряд интересных закономерностей: 1) индивиды, имеющие более высокие показатели общей склонности к совершению любого агрессивного акта, отличаются повышенным риском проявления сексуальной агрессии; 2) сексуальная агрессия была умеренно связана с несексуальной агрессией и не отличалась в выборках преступников, совершивших сексуальное насилие, и тех, кто совершил изнасилование; 3) сексуальная агрессия была более тесно связана с психологической агрессией, чем физическая агрессия.

В проведенных исследованиях более тесная корреляция между аттитюдами к сексуальному насилию с аттитюдами к психологическому насилию у осужденных за насильственные сексуальные преступления может свидетельствовать о более частом совместном проявлении сексуальной и психологической агрессии по сравнению с сексуальной и физической агрессией. Вероятно, психологическая агрессия играет важную роль в развитии и поддержании общей агрессивной динамики отношений с женщинами и, таким образом, создает условия, способствующие сексуальной агрессии. Совместное проявление психологической и сексуальной агрессии может также объясняться большей социальной приемлемостью психологической агрессии по сравнению с физической агрессией. Лица, совершающие психологическую агрессию, могут чувствовать большую уверенность в себе из-за социальных факторов, таких как сексизм и снижение риска причинения физических травм жертве и, следовательно, уголовного преследования за совершенные действия.

Таблица 2 – **Взаимосвязь показателей агрессивности и насильственных аттитюдов осужденных**

Показатели		ФА	ВА	Г	ВР	ПН	ФН	СН
ФА	Корреляция		0,104	**0,432**	**0,273**	0,102	**0,506**	**0,278**
	Знч. (2-сторон)		0,438	0,001	0,037	0,432	0,000	0,031
ВА	Корреляция	**0,334**		**0,513**	**0,466**	0,143	0,236	**0,267**
	Знч. (2-сторон)	0,009		0,000	0,000	0,288	0,073	0,040
Г	Корреляция	**0,718**	**0,483**		**0,306**	0,108	**0,398**	**0,454**
	Знч. (2-сторон)	0,000	0,000		0,017	0,406	0,002	0,000
ВР	Корреляция	0,247	0,177	**0,497**		**0,474**	**0,467**	**0,445**
	Знч. (2-сторон)	0,059	0,177	0,000		0,000	0,000	0,000
ПН	Корреляция	0,017	**–0,298**	0,009	0,203		**0,503**	**0,704**
	Знч. (2-сторон)	0,902	0,022	0,459	0,122		0,000	0,000
ФН	Корреляция	**0,379**	0,046	**0,448**	**0,291**	**0,573**		**0,598**
	Знч. (2-сторон)	0,003	0,733	0,000	0,025	0,000		0,000
СН	Корреляция	**0,361**	0,144	**0,357**	**0,334**	**0,424**	**0,537**	
	Знч. (2-сторон)	0,005	0,284	0,005	0,009	0,001	0,000	

Таблица 3 – **Предикторы насильственных аттитюдов в отношении женщин**

Насильственные преступления сексуального характера					
Модель	B	Ст. ошиб.	Beta	t	p-уровень
Психологическое насилие					
Враждебность	0,179	0,044	0,474	4,095	0,000
КМК = 0,474, КМД = 0,225, F = 16,744, p < 0,0001					
Физическое насилие					
Физическая агрессия	0,342	0,091	0,408	3,746	0,000
Враждебность	0,208	0,064	0,355	3,264	0,002
КМК = 0,611, КМД = 0,373, F = 16,890, p < 0,0001					
Сексуальное насилие					
Гнев	0,243	0,081	0,354	3,022	0,004
Враждебность	0,151	0,055	0,318	2,706	0,009
КМК = 0,542, КМД = 0,293, F = 11,803, p < 0,0001					
Ненасильственные преступления					
Модель	B	Ст. ошиб.	Beta	t	p-уровень
Психологическое насилие					
Вербальная агрессия	–0,124	**0,051**	–0,0303	–2,417	0,019
КМК = 0,303, КМД = 0,092, F = 5,834, p = 0,019					
Физическое насилие					
Гнев	0,313	0,082	0,447	3,809	0,000
КМК = 0,448, КМД = 0,201, F = 14,495, p < 0,0001					
Сексуальное насилие					
Физическая агрессия	0,148	0,062	0,297	2,416	0,019
Враждебность	0,114	0,054	0,261	2,123	0,038
КМК = 0,441, КМД = 0,195, F = 6,838, p = 0,002					

Анализ регрессионных моделей позволил определить личностные агрессивные предикторы насильственных аттитюдов в различных когортах осужденных (таблица 3).

Следует обратить внимание, что враждебность является устойчивой личностной чертой, которая прогнозирует насильственные аттитюды в отношении женщин у осужденных за насильственные сексуальные преступления независимо от типологии аттитюдов.

Некоторыми феминистскими авторами насильникам часто приписывался чрезмерный уровень враждебности к женщинам. Отдельные исследования подтвердили это убеждение, демонстрируя, что степень насилия, используемого в случаях изнасилования с тем, чтобы принудить жертву к подчинению, часто намного более чрезмерна, чем было необходимо.

Кроме того, враждебность является общим прогностическим показателем аттитюдов к сексуальному насилию как у осужденных за насильственные сексуальные преступления, так и у осужденных за ненасильственные преступления.

Высокая прогностичность гнева и враждебности в предсказании сексуальных преступлений отчасти подтверждается результатами схожих исследований. Например, существует мнение, что сексуальное насилие, изнасилование часто являются выражением мужского гнева и враждебности против женщин или способа доминирования и управления женщинами [24; 25].

Заключение. Исходя из результатов проведенного эмпирического исследования, можно констатировать, что осужденные за насильственные сексуальные преступления и ненасильственные преступления не различаются по своей готовности к проявлению психологического и физического насилия в отношении женщин. Было выявлено, что осужденные за ненасильственные преступления имеют более сильные установки к сексуальному насилию, чем осужденные за насильственные сексуальные преступления.

В структуре взаимосвязи черт агрессивности у осужденных за насильственные сексуальные преступления ядерными являются когнитивный и эмоциональный компоненты – враждебность

и гнев, а у осужденных за ненасильственные преступления – только эмоциональный – гнев.

В структуре взаимосвязей насильственных аттитюдов существенных различий не наблюдается: все аттитюды связаны друг с другом. Однако у осужденных за насильственные сексуальные преступления наиболее тесно коррелируют аттитюды к психологическому и сексуальному насилию, а у осужденных за ненасильственные преступления – аттитюды к психологическому и физическому насилию.

Взаимосвязь между аттитюдами к сексуальному насилию и аттитюдами к психологическому и физическому насилию выражена сильнее у осужденных за сексуальные насильственные преступления, чем у осужденных за ненасильственные преступления.

Враждебность осужденных за насильственные сексуальные преступления является устойчивой личностной чертой, которая прогнозирует насильственные аттитюды в отношении женщин независимо от их типологической принадлежности. Враждебность является общим прогностическим показателем аттитюдов к сексуальному насилию как у осужденных за насильственные преступления сексуального характера, так и у осужденных за ненасильственные преступления.

Результаты исследования могут быть использованы в консультативной и коррекционной работе с осужденными за насильственные преступления сексуального характера.

Литература

1. Фурманов, И.А. Любовные аттитюды в романтических и супружеских отношениях / И.А. Фурманов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2019. – № 3. – С. 74–81.
2. Дворянчиков, Н.В. Особенности эмоционального восприятия у лиц с девиантным сексуальным поведением / Н.В. Дворянчиков, С.Н. Ениколопов, А.А. Ильенко // Сексология и сексопатология. – 2003. – № 4. – С. 17.
3. Логунова, О.А. Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов [Электронный ресурс] / О.А. Логунова, Н.В. Дворянчиков // Психология и право. – 2019(9). – № 1. – С. 54–70.
4. Ward, T. The Assessment of Rapists / T. Ward, S.M. Hudson, J. McCormack // Behaviour Change. – 1997. – Vol. 14, № 1. – P. 39–54.
5. Фурманов, И.А. Социальная психология агрессии и насилия: профилактика и коррекция: учеб. пособие / И.А. Фурманов. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – С. 43–54.
6. Moyano, N. Predictors of sexual aggression in adolescents: Gender dominance vs.rape supportive attitudes / N. Moyano, F.S. Monge, J.C. Sierra // The European journal of psychology applied to legal context. – 2017. – Vol. 9, № 1. – P. 25–32.
7. DeGue, S. Are all perpetrators alike? Comparing risk factors for sexual coercion and aggression / S. DeGue, D. DeLillo, M. Scalora // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. – 2010. – Vol. 22. – P. 402–426.
8. Absolute recidivism rates predicted by static-99r and static-2002R sex offender risk assessment tools vary across samples: A meta-analysis / L. Helmus [et al.] // Criminal Justice and Behavior. – 2012. – Vol. 39. – P. 1148–1171.
9. Lalumiere, M. The causes of rape: Understanding individual differences in male propensity for sexual aggression / M. Lalumiere, G. Harris, V. Quinsey, M. Rice. – Washington, DC: American Psychological Association, 2005. – 294 p.
10. Gidycz, C.A. Predictors of perpetration of verbal, physical, and sexual violence: A prospective analysis of college men / C.A. Gidycz, J.B. Warkentin, L.M. Orchowski // Psychology of Men and Masculinity. – 2007. – Vol. 8. – P. 79–94.
11. Maletzky, B. Denial of treatment or treatment of denial? [Electronic resource] / B. Maletzky // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. – 1996. – Vol. 8. – Mode of access: https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/107906329600800101. – Data of access: 18.11.2013.
12. Parrott, D.J. Effects of Hypermasculinity on Physical Aggression Against Women / D.J. Parrott, A. Zeichner // Psychology of Men and Masculinity. – 2003. – Vol. 4, № 1. – P. 70–78.
13. Characteristics of Aggressors Against Women: Testing a Model Using a National Sample of College Students / N.M. Malamuth [et al.] // Journal of Consulting and Clinical Psychology. – 1991. – Vol. 59, № 5. – P. 670–681.
14. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и корекция / И.А. Фурманов. – СПб.: Речь, 2007. – 480 с.
15. Cunha, O. Intimate partner violence offenders: Generating a data-based typology of batterers and implications for treatment / O. Cunha, R.A. Gongalves // The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. – 2013. – Vol. 5. – P. 131–139.
16. Epps, K.J. Attitudes Toward Women and Rape Among Male Adolescents Convicted of Sexual Versus Nonsexual Crimes / K.J. Epps, R. Haworth, T. Swaffer // The Journal of Psychology. – 1993. – Vol. 127, № 5. – P. 501–506.
17. Marolla, J. Attitudes toward women, violence, and rape: A comparison of convicted rapists and other felons / J. Marolla, D. Scully // Deviant Behavior. – 1986. – Vol. 7, № 4. – P. 337–355.
18. Dating violence compared to other types of violence: similar offenders but different victims / A.-K. Sjödin [et al.] // The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. – 2017. – Vol. 9. – P. 83–91.
19. Фурманов, И.А. Агрессивность белорусских осужденных с различным составом совершенного преступления [Электронный ресурс] / И.А. Фурманов // Психология и право. – 2011. – Т. 1, № 2. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40882.shtml. – Дата доступа: 12.06.2020.
20. Bhogal, M.S. The Influence of Aggressiveness on Rape-Myth Acceptance among University Students, Psychiatry / M.S. Bhogal, S. Corbett // Psychology and Law. – 2016. – Vol. 23, № 5. – P. 709–715.
21. Birkley, E.L. Anger, hostility, internalizing negative emotions, and intimate partner violence perpetration: A meta-analytic review / E.L. Birkley, C.I. Eckhardt // Clinical Psychology Review. – 2015. – Vol. 37. – P. 40–56.
22. Factors associated with rape-supportive attitudes: sociodemographic variables, aggressive personality, and sexist attitudes / J.C. Sierra [et al.] // The Spanish Journal of Psychology. – 2010. – Vol. 13, № 1. – P. 202–209.
23. How is sexual aggression related to nonsexual aggression? A meta–analytic review / L. Wilson [et al.] // Aggression and Violent Behavior. – 2015. – Vol. 24. – P. 199–213.
24. Alder, C. The Convicted Rapist: A Sexual or a Violent Offender? / C. Alder // Criminal Justice and Behavior. – 1984. – Vol. 11, № 2. – P. 157–177.
25. A Review of the Literature on Sexual Assault Perpetrator Characteristics and Behaviors / S.M. Greathouse [et al.]. – 2015. – 96 p.

Поступила в редакцию 04.10.2021

УДК 159.922.7-053.6:004

The Influence of Information Technologies on Adolescent Personality Traits

Shmurakova M.E., Soveiko E.I., Miying Yang
Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Today's teenagers are a generation born with the advent of computer technologies, known as the "electronic natives"; their life style and way of thinking have been affected by computer technologies. Unlike the past, when the maturation of teenagers mainly depended on the living environment, learning environment and social environment, in today's society, computer technologies and shaping adolescent personality are inextricably related. This determines the relevance of studying the features of computer technologies influence on the personality and life of adolescents.

The research purpose is to identify and describe the nature of the information technology influence on the personality traits of adolescents.

Material and methods. *The study was involved 200 urban and rural middle and high school students in Guang'an area in Sichuan province in China. The age of the participants is distributed between 12 and 18 years old. We used such methods as: theoretical study and analysis of scientific literature; a complex of social and psychological research methods: conversation, questionnaires, the "Computer use style scale", UCLA Loneliness Scale and SAS Self-Rating Anxiety Scale, the Positive and Negative Suicide Ideation developed by Sman, Gutierrez, Kopper, Barry and Chiros et al., methods of mathematical statistics which provide a qualitative and quantitative analysis of the results.*

Findings and their discussion. *6,5 percent of the teenagers surveyed, scored above the threshold to the PANSI Chinese Revised Adolescent Suicidal Ideation Scale, indicating a preference for negative suicidal ideation. 93,5% adolescents scored below the critical value, and they tended to have active suicidal ideation. Students with high loneliness accounted for 43%, accounting for 32% of the students who were more lonely; moderate loneliness accounted for 11%, and students with low loneliness accounted for 10%. Zung's Self-Rating Anxiety Scale (SAS) allows us to see that adolescent anxiety is less common, but still about 6% of them are in an anxious state.*

Conclusion. *According to the research statistics, using Internet technologies has a small impact on suicidal ideation among adolescents. However, a small number are still under the risk of negative suicidal ideas.*

This research allows us to draw conclusion, that using Internet technologies has a weak correlation with adolescent loneliness, the level of statistic significance of about 0,03, which indicates the presence of correlation with 0,24 coefficient.

The research has shown that Internet technologies use can affect adolescents' emotional anxiety to an 18–32% degree.

Key words: *information technologies, adolescence, anxiety, loneliness, suicidal ideation.*

Влияние информационных технологий на личностные качества подростков

Шмуракова М.Е., Совейко Е.И., Миин Ян
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Сегодняшние подростки – это поколение, известное как «электронные аборигены», рожденное в эпоху компьютерных технологий, на образ жизни и мышления которых они, безусловно, повлияли. В отличие от прошлого, где развитие подростков в основном зависело от среды проживания, обучения и социального окружения, в современном обществе компьютерные технологии и формирование личности подростков неразрывно связаны. Это определяет актуальность изучения особенностей воздействия компьютерных технологий на личность и жизнь подростков.

Цель статьи – выявить и описать характер влияния информационных технологий на личностные качества подростков.

Материал и методы. *В исследовании приняли участие 200 учащихся городских и сельских средних и старших классов школы в районе Гуанджань провинции Сычуань в Китае в возрасте от 12 до 18 лет. В работе использовались такие методы, как теоретическое изучение и анализ научной литературы; комплекс социально-психологических методов исследования: беседа, анкеты, Шкала стиля использования компьютера, Шкала одиночества UCLA и Шкала самооценки тревожности SAS, опросник «Позитивные и негативные суицидальные идеи», разработанный Sman, Gutierrez, Kopper, Barry and Chiros et al., методы математической статистики, обеспечивающие качественный и количественный анализ результатов.*

Результаты и их обсуждение. *6,5% опрошенных подростков набрали балл выше порога китайской шкалы суицидальных мыслей PANSI, что свидетельствует о наличии негативных суицидальных мыслей. 93,5% подростков имели баллы ниже критического, однако у них отмечались активные суицидальные мысли. Ребята с высоким уровнем одиночества составили 43%, со средним – 32%, с умеренным – 11%, с низким – 10%. Шкала самооценки тревожности Зунга (SAS) позволяет нам увидеть, что около 6% подростков, принявших участие в исследовании, находятся в тревожном состоянии.*

Заключение. *Согласно статистике, использование интернет-технологий мало влияет на суицидальные мысли среди подростков. Однако небольшой процент все еще подвержен риску возникновения негативных суицидальных мыслей.*

В корреляционном анализе между уровнем чувства одиночества и использованием Интернета уровень статистической значимости составляет 0,03, что указывает на наличие корреляции с коэффициентом 0,24 (слабая корреляция между использованием интернет-технологий и чувством одиночества подростков).

Исследования показали, что использование интернет-технологий может влиять на эмоциональную тревогу подростков в 18–32% случаев.

Ключевые слова: *информационные технологии, подростковый возраст, тревога, одиночество, суицидальные мысли.*

With the rapid development and widespread application of network technology, people's daily work, social communication and entertainment activities are increasingly internet-based. Although the Internet started from the military and academic fields extending strong will and popularize to our daily life, so far only more than 20 years of time, but surf the net, browsing the web, email, online chat, online entertainment, online publishing, online discussion, online communication, online games, online shopping, such as network activity, already no longer is the patent of a few people, but is woven into the everyday life of the ordinary Internet users, become the basic content of network gens everyday life.

Internet Society of China and China Internet Network Information Center published a report in China Internet Development in 2021 February, in the report, CNNIC stated that the number of Chinese netizens reached 989 million by December 2020, the number of network news users reached 743 million, and the number of instant messaging users reached 981 million. Each person spent 26,2 hours online every week. This shows that computer technology affects the lives of most people [1].

Today's teenagers are a generation born with the advent of computer technology, known as the "electronic natives", their life style and way of thinking have been affected by computer technology. Unlike in the past, the growth of teenagers mainly depended on the living environment, learning environment and social environment, in today's society, computer technology and the formation of teenagers' personality are inextricably related. To study features of computer technologies influence on the personality and life of adolescents.

Computer technology is in full swing, but there is concern in the mainstream about its effect on young people. There are great conflicts and contradictions between the positive and negative effects of computer technology on the shaping of adolescent personality. The computer application of teenagers has become an obvious and contradictory social phenomenon.

The influence of information technology on human development is very great. The superiority of information technology itself is beyond doubt, but it cannot be ignored that in the process of combining with the real society, information technology has also produced many problems and brought about negative effects. The double-edged nature of information technology is reflected in all aspects that can be touched by the network, which also affects the way of thinking and behavior of human beings. This influence may be so positive and so negative.

The most direct and prominent influence that network culture brings to individuals, especially teenagers, is the expansion of space. People have a more convenient channel of information exchange, with a broader space for making friends and entertainment.

For teenagers, the development of information technology has increased the channels for them to learn knowledge and changed the traditional learning model. Network culture includes network news, search engines and other ways to obtain information. Among them, the quickness of network news and the capacity of various images, texts, audio and videos are beyond other forms of news media, which plays an important role in expanding the horizons of teenagers and enlightening their thinking. The search engine with the improvement of search technology has also had a great development, there are maps, translation, dictionaries and other categories of search forms, especially the emergence of knowledge Q&A search tools. This tool refers to that the questioner can send the question in the form of a post to a search tool, and attached with a reward for the answer of virtual gold coins, reward their most satisfied answer, Baidu know, Yahoo knowledge, Sosouask belong to this search tool. This form is very able to stimulate young people's interest in learning, explore the curiosity of the unknown [2].

According to the statistics of the Survey Report on the Internet Behavior of Chinese Teenagers in 2020, the utilization rate of search engine and network news among young Internet users is 73,9% and 72,0%, both of which have increased compared with the previous year and both are higher than the overall level of Internet users. This shows that the various forms of network culture have become an important channel for teenagers to obtain information and increase knowledge. In addition, there are all kinds of educational websites on the Internet, which can provide online video teaching, problem solving and other learning ways for young students. In a word, the development of information technology has made the learning mode of young students no longer mainly limited to classroom teaching in school. The network learning mode formed has brought greater autonomy and more choices to young people [3; 4].

The purpose of the study is to identify and describe the nature of the information technology's influence on the personality traits of adolescents.

Material and methods. The study carried out on the basis of 200 urban and rural middle and high school students in Guang'an area in Sichuan province in China. The size of the surveyed sample is 198 persons. A total of 200 questionnaires were sent out this time, and 198 were effectively received

with a recovery rate of 99%. According to the questionnaire collection, the age of the participants in this questionnaire is distributed between 12 and 18 years old, with the median age of 15 years old and 14 years old being the most. The other specific performance is that there are more female students surveyed, with male students accounting for 44% and female students accounting for 56%. Junior high school students accounted for 58%, and senior high school students accounted for 42%. The family situation of the respondents is that the proportion of students from rural areas is 62%, and the proportion of students from urban areas is 28,2%. Five percent of the participants were from single-parent families. In addition, there are some students for the campus boarders, some for home-stay students. We used such methods as: theoretical study and analysis of scientific literature; socio-psychological research methods complex: conversation, questionnaires, the "Computer use style scale", UCLA Loneliness Scale and SAS Self-Rating Anxiety Scale, the Positive and Negative Suicide Ideation developed by Sman, Gutierrez, Kopper, Barry and Chiros et al., methods of mathematical statistics, providing a qualitative and quantitative analysis of the results.

Results and discussion. According to the China Internet Report 2021 edition, as of December 2020, netizens aged 10–19 accounted for 13,5% of the total population (figure 1), which is lower than that of other age groups [1].

According to the research report on the Internet behavior of Chinese teenagers, the first time that teenagers contact the Internet is earlier. The penetration ability of the Internet to the younger age group is increasing, and more and more minors begin to use the Internet before school age. According to the survey, the proportion of high school students and secondary vocational students using the Internet for the first time at preschool age was 15,9% and 10,7%, while the proportion of junior middle school students using the Internet for the first time increased to 18,8%. The proportion of primary school students using the Internet for the first time at preschool age was the highest, reaching 32,9%.

That says that problem of influence of information technology on the personality traits of adolescents is actual in China.

According to the statistics, Internet technology use has a small impact on suicidal ideation among adolescents. According to the PANSI Chinese Revised Adolescent Suicidal Ideation Scale, there are 14 items, on a scale of 1 to 5, including positive and negative suicidal ideation. After handling the reverse scoring questions, higher scores were associated with more negative suicidal ideation, while lower scores were associated with more positive suicidal ideation, with a cut-off value of 42. Thirteen of the teens surveyed, or 6,5 percent of the total, scored above the threshold, indicating a preference for negative suicidal ideation. There were 187 adolescents with scores below the critical value, accounting for 93,5%, and they tended to have active suicidal ideation. Thus, although most adolescents show positive effects, a very small percentage are still at risk for negative suicidal ideation.

The 14 items of the Adolescent Suicidal Ideation Scale (ADSI) were added together. After dealing with reverse scoring questions, the creative variable was adolescent suicidal ideation. To detect the normal distribution of suicidal ideation, check the normal graph with detection and the descriptive stem and leaf graph under the 95% confidence interval, and get the following Q-Q graph. The overall bias is straight, presenting a normal distribution state.

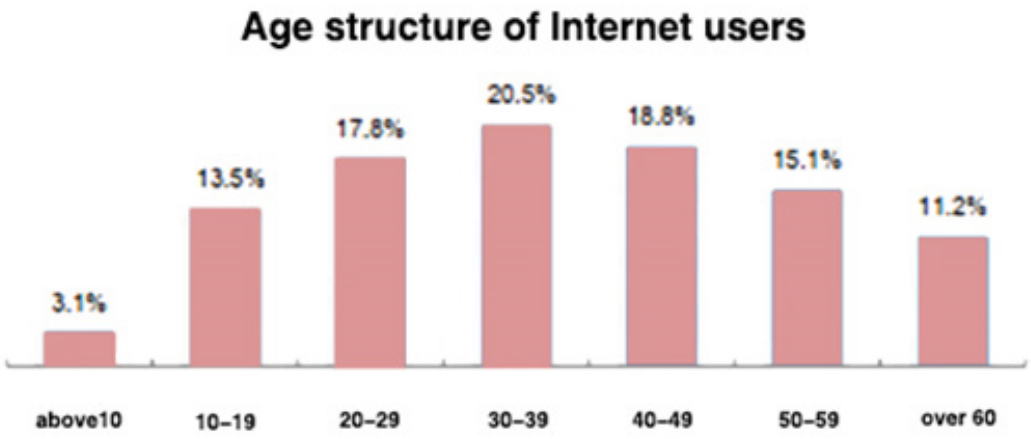


Figure 1 – **Internet users age distribution table**

When the use of Internet information was set as the independent variable and the suicidal ideation was set as the dependent variable, the detected R value was 5,9%, and the significance was 0,135 > 0,05, showing no statistical significance. However, after controlling for age, gender, place of birth and single parent family, the R value with a significant value <0,05 can be changed to 12,6%–18,7%. It can be concluded that Internet technology use affects adolescents' suicidal ideation to an extent of 18,7% after controlling for demographic information variables. The more unconscious the use of Internet information is, the higher the suicidal ideation is.

According to the UCLA Loneliness Scale, after processing the reverse scoring questions, the total scores of 20 items were added up. A score above 44 was considered high loneliness, 39–44 was generally upper loneliness, 33–39 was the middle level, 28–33 was generally lower loneliness, and a score below 28 was considered low loneliness.

Among the 200 questionnaires collected, 86 students scored more than 44 points, that is, students with high loneliness accounted for 43%. 64 in the range of 39–44, accounting for 32% of the students who were more lonely; 33–39, 22 students, moderate loneliness accounted for 11%; There are 8 students in stage 28–33, generally lonely students account for 4%; only 20 students scored below 28, and students with low loneliness accounted for 10%. It can be seen that most of the teenagers surveyed feel lonely, and most of them feel lonely to a high degree. Only 10% of teenagers do not feel lonely.

The 20 questions in the loneliness scale were combined with the network technology to form the loneliness variable. The normal distribution test of the two variables was carried out in SPSS respectively, and the following two Q-Q graphs were obtained. As can be seen from the results, the distributions of the two variables used by loneliness and Internet technology are generally around the straight line, so they can be considered to conform to the normal distribution.

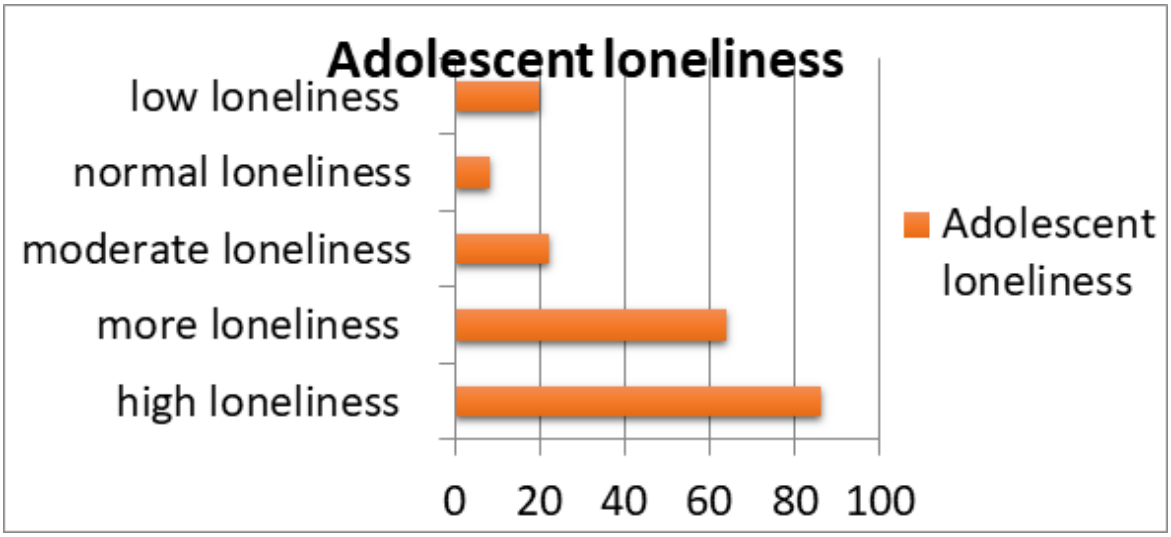


Figure 2 – **Adolescents loneliness level (UCLA Loneliness Scale)**

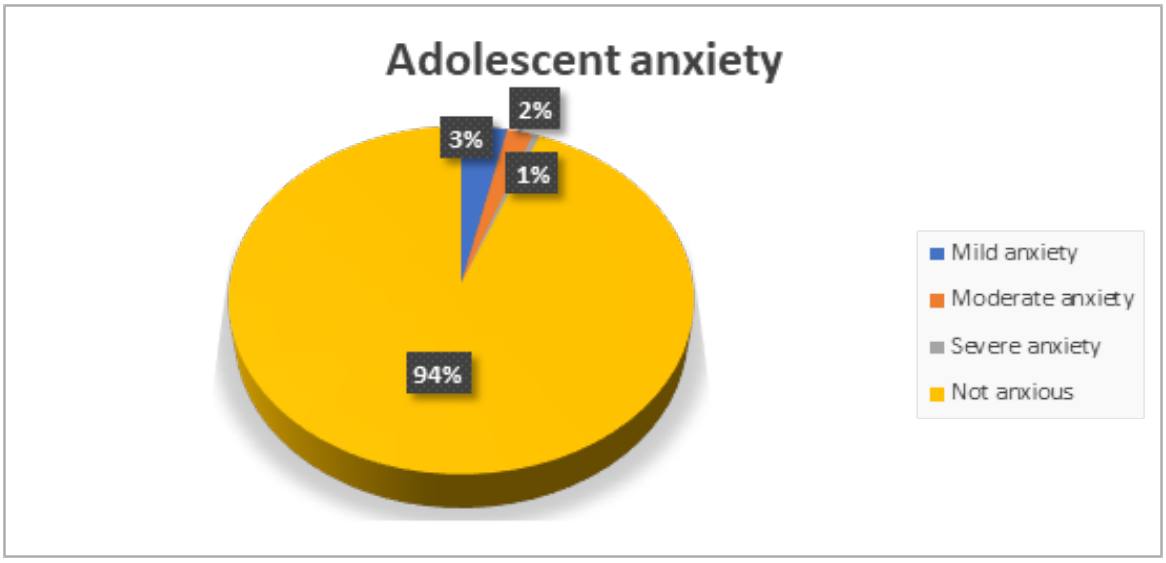


Figure 3 – **Adolescent's anxiety level (Zung,s Self-Rating Anxiety Scale)**

In the correlation analysis between loneliness and Internet use, the significance value is 0,03, indicating a correlation, and the correlation coefficient is 0,24, indicating that the use of Internet technology has a weak correlation with the loneliness of adolescents.

According to the scoring rules of Zung's Self-Rating Anxiety Scale (SAS), the scores of the 20 questions were added to the rough score after the reverse scoring questions were handled. Multiply by 1,25 and round up to the standard score, 50 is critical, 50–59 is mild anxiety, 60–69 is moderate anxiety, and 70 or above is severe anxiety. Seven teenagers, or 3,5 percent of the total, were in a state of mild anxiety. 4 students were in a state of moderate anxiety, accounting for 2%, and 1 student was in a state of severe anxiety, accounting for 0,5%. It can be seen that anxiety is less common in teenagers, but there are still about 6% of them in an anxious state.

To examine the influence of Internet technology use on adolescents' emotional anxiety. Using Internet technology as an independent variable and adolescent anxiety as a dependent variable, linear regression analysis was carried out. The R value is 18%, and the significance is 0,01. Therefore, there is a significant linear correlation between Internet technology use and adolescents' emotional anxiety. After controlling for variables such as gender, education background, family status and age, the R value can reach 32% in the case of significant significance. Therefore, Internet technology use can affect adolescents' emotional anxiety to an 18–32% degree.

Conclusion. According to the statistics, Internet technology use has a small impact on suicidal ideation among adolescents. Thus, although most adolescents show positive effects, a very small percentage are still at risk for negative suicidal ideation.

In the correlation analysis between loneliness and Internet use, the significance value is 0,03, indicating a correlation, and the correlation coefficient is 0,24, indicating that the use of Internet technology has a weak correlation with the loneliness of adolescents.

Research has shown that Internet technology use can affect adolescents' emotional anxiety to an 18-32% degree.

References

1. The 47th Statistical Report on China's Internet Development (February 2021) [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202104/P020210420557302172744.pdf/. – Date of access: 10.09.2021/
2. Chen, Shuhui. The Development of Chinese Internet Addiction Inventory – A Study of Psychometric Characteristics [J] / Shuhui Chen // Taiwan Chinese Journal of Psychology. – 2001. – Vol. 45(3). – P. 279–280.
3. Bonnie, R.J. Investing in the health and wellbeing of young adults / R.J. Bonnie, C. Stroud, H. Breiner. – Washington, DC: National Academies Press, 2015. – 480 p.
4. Sang, Biao. Adolescents' Emotional Development under Social Change [J] / Biao Sang, Xinmei Deng // Psychological Development and Education. – 2010. – Vol. 26(05). – P. 549–555.

Поступила в редакцию 27.09.2021

УДК [159.952+159.953]-053.5

Особенности внимания и памяти у учащихся 8 лет в различных учебных ситуациях

Гайдич О.П.
Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Обсуждается проблема влияния электронных средств обучения на познавательные процессы младших школьников. Хотя современные информационно-коммуникационные технологии активно внедряются на разных ступенях образовательного процесса, наличие положительного эффекта этого внедрения для интеллектуального развития обучающихся пока не имеет эмпирических доказательств.

Цель работы – экспериментальная оценка условий учебной деятельности, максимально благоприятных для актуального состояния ведущих познавательных процессов младших школьников.

***Материал и методы.** В исследовании приняло участие 200 учеников начальных классов (2–3-е классы). Каждый учащийся проходил через три экспериментальные ситуации, длящиеся по 20 минут. После каждой пробы у учащихся оценивались параметры внимания (концентрация и избирательность) и памяти (зрительная, слуховая, механическая и логическая).*

***Результаты и их обсуждение.** Оценка экспериментального эффекта показала, что все параметры измеренных познавательных процессов наиболее активизированы у учащихся 8 лет в ситуации традиционной учебной деятельности без использования гаджетов. Наиболее низкие показатели внимания и памяти зафиксированы после свободной деятельности с гаджетами.*

***Заключение.** Полученные данные демонстрируют необходимость более обоснованного и рационального использования электронных средств обучения на I ступени общего среднего образования.*

***Ключевые слова:** электронные технологии, познавательные процессы, учебная деятельность, интраиндивидуальный эксперимент.*

Features of Eight Year Old Students' Attention and Memory in Various Learning Situations

Gaidich O.P.
Education Establishment "Brest State A.S. Pushkin University"

The problem of the influence of electronic teaching tools on the cognitive processes of primary school students is discussed. Although modern ICTs are being actively implemented at different stages of the educational process, there is no empirical evidence that this implementation has a positive effect on the intellectual development of students.

The purpose of the research is an experimental evaluation of the educational activity environment that is most favorable for the current state of the leading cognitive processes of primary school students.

***Material and methods.** The research involved 200 primary school students (grade 2–3). Each student went through three experimental situations that lasted for 20 minutes. After each trial, the parameters of attention (concentration and selectivity) and memory (visual, auditory, mechanical and logical) were assessed.*

***Findings and their discussion.** The evaluation of the experimental effect showed that all the parameters of the measured cognitive processes are most activated among 8-year-old students in the situation of traditional educational activities without the use of gadgets. The lowest indicators of attention and memory were recorded after free activity with gadgets.*

***Conclusion.** The obtained data demonstrate the need for more reasonable and rational use of electronic teaching tools at the first stage of comprehensive secondary education.*

***Key words:** electronic technologies, cognitive processes, educational activities, intraindividual experiment.*

Одной из наиболее устойчивых тенденций развития мирового образовательного процесса на сегодняшний день является включение информационных технологий в систему образования. Практически все педагоги I ступени общего среднего образования стремятся использовать электронные средства обучения и информационно-коммуникационные технологии на уроках. Через просмотр обучающих мультфильмов и видеороликов, электронных презентаций все чаще в школах преподносится учащимся новый учебный материал. Для поиска учебной информации как педагогами, так и детьми используют-

ся разнообразные информационно-поисковые и информационно-справочные средства. Для подготовки и проведения различных тестов применяют электронные тренажеры. Активно разрабатываются и вводятся в эксплуатацию электронные учебные пособия для детей.

Внедрение информационных технологий в процесс образования способствовало формированию совершенно новой среды обучения – электронной или цифровой. Появляются эмпирические факты, подтверждающие, что инфокоммуникационные технологии как культурные орудия современности не только формируют новые ценности и социальные практики, но также оказывают влияние на личностное и когнитивное развитие детей [1]. По мнению приверженцев активного применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и электронных средств обучения (ЭСО), такая среда благоприятствует наиболее эффективному и качественному познанию учащимися учебного материала, так как она способствует формированию у них предпосылок к экспериментальной деятельности, делая мышление одновременно более логичным и гибким. Такая образовательная среда считается творческой, т.к. обеспечивает возможность воспринимать по-другому кажущиеся очевидными факты, находить способы соединения далеких на первый взгляд вещей, устанавливать оригинальные связи между новой и старой информацией [2].

Однако педагоги в непосредственном взаимодействии с учащимися нередко отмечают не только ситуацию понижения уровня их обученности, но и снижение у них уровня познавательных способностей. Уровень развития когнитивных процессов обучающихся является одной из основных предпосылок успешности учебной деятельности. На I ступени общего среднего образования доминирующими в учебной деятельности познавательными процессами выступают внимание и память.

Обязательным условием успешной учебной и трудовой деятельности человека является внимание. Внимание – процесс и состояние настройки субъекта на восприятие приоритетной информации и выполнение поставленных задач. Благодаря данной базовой психической функции происходит более глубокое, ясное, полное познание воспринимаемого объекта. Н.Ф. Добрынин под вниманием понимал особый вид психической деятельности, который выражается в выборе и поддержании основных процессов этой деятельности. Б.Г. Ананьев рассматривает внимание как сосредоточенность сознания на объекте [3]. Именно вниманием обеспечивается возможность выбора наиболее важного для себя и сосредоточения на нем своих других познавательных процессов [4]. С помощью внимания происходит восприятие именно тех объектов, на которые направлено сознание человека, отвлекающегося от огромного потока различных раздражителей при одновременном их воздействии на органы чувств [5]. Благодаря вниманию осуществляются выделение нужной информации, обеспечение избирательных программ действий и сохранение постоянного контроля над их протеканием. Другими словами, внимание – это избирательный характер сознательной деятельности, который проявляет себя и в восприятии, и в двигательных процессах, и в мышлении [6]. Л.М. Веккер причисляет внимание к интегративным психическим процессам, соединяющим разные уровни психики и выступающим основой познавательной сферы человека. В эту же группу интегративных психических процессов, которая выделяется наряду с собственно познавательными процессами, входит и память [7].

Память – процесс организации и сохранения прошлого опыта, делающий возможным его повторное использование в деятельности или возвращение в сферу сознания. Данный психический процесс связывает прошлое субъекта с его настоящим и будущим и является важнейшей познавательной функцией, лежащей в основе развития и обучения [8].

Память – уникальный, универсальный психический процесс, центральным механизмом которого является запоминание, т.е. поступление информации в сферу сознания, которое предполагает запечатление текущей информации, организацию и сохранение актуального опыта, что дает возможность возвращения его в сферу сознания и дальнейшего многократного использования. В учебной деятельности наиболее активно участвуют зрительная, слуховая, логическая и механическая память, определенный уровень развития которых является необходимым условием для усвоения учебного материала учащимися.

На фоне происходящего активного внедрения ИКТ и ЭСО в образовательный процесс в отечественной психологии отсутствуют исследования познавательных процессов младших школьников в контексте использования ими информационных технологий в учебной деятельности, что обусловливает актуальность проведения специального эмпирического исследования.

Цель работы – экспериментальная оценка условий учебной деятельности, максимально благоприятных для актуального состояния ведущих познавательных процессов младших школьников.

Материал и методы. В исследовании приняло участие 200 учеников начальных классов (2–3-е классы) в возрасте 8 лет. Из них 100 мальчиков и 100 девочек. 15 респондентов являются учащимися ГУО «Плещицкая средняя школа» Пинского района, 185 – ГУО «Средняя школа № 17 г. Бреста».

Исследование осуществлялось с октября 2019 г. По своему дизайну оно представляло собой интраиндивидуальный эксперимент, направленный на определение наиболее оптимальных условий для актуализации у младших школьников внимания (концентрация и избирательность) и памяти (зрительная, слуховая, механическая и логическая).

Ситуация 1 представляла собой традиционную учебную деятельность учащихся на уроке, осуществляемую без использования гаджетов (20 минут).

Ситуация 2 предполагала самостоятельное выполнение учащимися учебных заданий, требующих от них обращения к интернет-ресурсам (просмотр обучающих видеофильмов, изучение букв русского и английского алфавитов с помощью подготовленных презентаций, изучение при помощи видеоуроков тем «Безопасность на воде», «Безопасное поведение на улице», «Правила поведения в школе», «Правила пожарной безопасности» и др.). Описанные учебные ситуации также выполнялись учащимися в течение 20 минут.

Ситуация 3 являлась свободной деятельностью учащихся с гаджетами: детям было разрешено играть в игры на телефоне, смотреть видео по их интересам, находиться в социальных сетях на протяжении 20 минут.

Каждая экспериментальная ситуация осуществлялась в различные дни наибольшей работоспособности (вторник–четверг). Порядок фиксации и осуществления экспериментальных ситуаций в разных классах был случайным.

После каждого из трех описанных условий предъявления независимой переменной проводилось измерение у учащихся актуального уровня внимания и памяти. Измерение осуществлялось посредством эквивалентного диагностического инструментария, стимульный материал которого во избежание эффекта запоминания заданий учащимися был модифицирован для каждой экспериментальной ситуации.

Результаты и их обсуждение. Исследование концентрации внимания происходило при помощи методики Б. Бурдона «Корректурная проба» [9]. В каждой экспериментальной ситуации учащимся необходимо было выделить разные буквы (в ситуации 1 – буквы «к» и «р», в ситуации 2 – «а» и «н», в ситуации 3 – «в» и «е»). Определение избирательности внимания проводилось посредством методики Г. Мюнстерберга [10]. В трех ситуациях исследования среди буквенного текста были спрятаны различные слова. В ситуации 1 этими словами являлись такие слова, как солнце, район, новость, факт, экзамен, туча, дом, лимон, очки, кепка. В экспериментальной ситуации 2 детям нужно было выделить следующие слова: кенгуру, футбол, учитель, телефон, интернет, медведь, песок, удивление, котенок, дятел. В ситуации 3 среди набора букв учащимся 8 лет нужно было отыскать следующие слова: соль, мышка, школа, хоккей, мама, печь, урок, математика, кукла, машинка.

Для определения кратковременной зрительной памяти учащихся использовалась методика «Запомни рисунки» Р.С. Немова [11]. Испытуемым предлагалось в течение минуты запомнить 9 графических фигур, а потом найти эти фигуры среди предъявляемых экспериментатором. Для второй и третьей экспериментальных ситуаций предлагались иные графические фигуры для запоминания респондентами. Для определения уровня слуховой памяти применялась методика А.Р. Лурии «10 слов» [9]. Для разных условий предъявления независимой переменной использовался отличный набор слов. В ситуации 1 он был стандартный: кот, дом, солнце, окно, цветок, облако, круг, треугольник, кружка, подушка. В ситуации 2 для запоминания детям предлагались следующие слова: мышь, дверь, свеча, полено, мать, тетрадь, кит, береза, банан, слон. В ситуации 3 использовались такие слова, как собака, чай, папа, указка, колодец, парта, апельсин, дым, слон, пол.

Исследование логической и механической памяти происходило с помощью метода запоминания двух рядов пар слов [12]. Для исследования были подготовлены два ряда пар слов: в первом ряду между словами существовали смысловые связи, во втором – они отсутствовали. Респондентам необходимо было запомнить пары слов из первого и второго рядов. В разных экспериментальных ситуациях также предлагались разные пары слов. В ситуации 1 использовались следующие пары связанных по смыслу слов: «курица – яйцо», «ножницы – резать», «кукла – играть», «лампа – вечер», «груша – компот», «книга – читать», «корова – молоко», «ученик – школа», «паровоз – ехать», «ручка – писать». В качестве не связанных по смыслу в первой ситуации выступали следующие пары слов: «спички – кровать», «жук – кресло», «синица – сестра», «рыба – пожар», «шляпа – пчела», «ботинки – самовар», «лейка – трамвай», «компас – клей», «мухомор – диван», «небо – рак». В ситуации 2 связанными по смыслу были следующие пары слов: «кровать – подушка», «нож – мясо», «дом – окно», «часы – стрелки», «вода – рыбы», «лодка – река», «лес – грибы», «фрукты – овощи», «тетрадь – ручка», «тарелка – яблоко». Пары, не имеющие смысловых связей, были такими: «книга – окно», «ящик – палец», «рука – туча», «вилка – дело», «чашка – груша», «кошка – свеча», «гора – краска», «якорь – кино», «сосна – ложка», «бритва – волна». В ситуации 3 респондентам для запоминания предлагались следующие смысловые пары: «почта – письмо», «касса – деньги», «стакан – чай», «небо –

звезда», «театр – спектакль», «санки – зима», «гнезда – птицы», «рыба – вода», «сапог – нога», «булка – мука». Пары слов с отсутствующей между собой связью были таковы: «танец – река», «спина – лампа», «перо – язык», «конфета – спичка», «мусор – дверь», «клей – кактус», «солнце – машина», «собака – золото», «елка – самолет», «фотография – палка».

Для удобства сравнительного анализа средневыборочные значения по каждому измеренному параметру и оценка сдвигов (G-критерий) параметров познавательных процессов учащихся в разных экспериментальных ситуациях отражены в таблицах, в которых знаком «*» обозначены статистические уровни использованного критерия знаков (* – $p \le 0,05$; ** – $p \le 0,01$).

В таблице 1 представлены результаты диагностики познавательных процессов обучающихся в ситуации 1 (учебная деятельность детей без использования гаджетов) и в ситуации 2 (учебная деятельность детей с интернет-ресурсами).

Данные таблицы 1 демонстрируют, что показатели всех измеренных параметров статистически достоверно выше в ситуации традиционной учебной деятельности (причем на высоком уровне значимости различий). Выполнение учебных заданий посредством гаджетов привело к существенным сдвигам в сторону ухудшения концентрации и избирательности внимания, а также снижению таких видов запоминания, как зрительное, слуховое и механическое. Однако по показателю «логическая память» отсутствуют сдвиги в сторону ухудшения. Это можно объяснить тем, что в ситуации традиционной учебной деятельности и в ситуации учебной деятельности с применением гаджетов логическая память «работает» на одинаковом уровне, подчиняясь поставленной учебной задаче.

Средневыборочные значения и оценка достоверности сдвигов параметров познавательных процессов в условиях «учебная деятельность детей без использования гаджетов» (ситуация 1) и «свободная деятельность детей с гаджетами» (ситуация 3) содержатся в таблице 2.

Данные таблицы 2 показывают, что в свободной деятельности с гаджетами, по сравнению с обычной учебной деятельностью, у учащихся статистически достоверно ухудшается большинство измеренных параметров. Свободная деятельность детей посредством гаджетов привела к существенным сдвигам в сторону ухудшения концентрации и избирательности внимания, а также и памяти (слуховой, логической и механической).

Эти негативные сдвиги не так существенны относительно зрительной памяти ($p \le 0,05$), что объясняется ее активным участием как в традиционной учебной деятельности, так и в свободной деятельности с гаджетами.

Показатели для сравнительного анализа уровней познавательных процессов учащихся в условиях «учебная деятельность детей с гаджетами» (ситуация 2) и «свободная деятельность с использованием гаджетов» (ситуация 3) представлены в таблице 3.

Анализ данных таблицы 3 свидетельствует о наличии в разных экспериментальных условиях существенных различий по уровням активизации зрительной, слуховой и логической памяти у уча-

Таблица 1 – **Оценка познавательных процессов детей в экспериментальных ситуациях 1 и 2**

Параметры	M (средневыборочные значения)		G-критерий
	Ситуация 1	Ситуация 2	
Концентрация внимания	70,31	61,51	26**
Избирательность внимания	60,53	51,59	40**
Зрительная память	78,39	68,93	43**
Слуховая память	68,5	57,05	24**
Логическая память	63,95	61,8	38**
Механическая память	57,25	52,09	32**

Таблица 2 – **Оценка познавательных процессов детей в экспериментальных ситуациях 1 и 3**

Параметры	M (средневыборочные значения)		G-критерий
	Ситуация 1	Ситуация 3	
Концентрация внимания	70,31	61,92	47**
Избирательность внимания	60,53	38,66	15**
Зрительная память	78,39	76,37	55**
Слуховая память	68,5	65,84	45**
Логическая память	63,95	57,74	39**
Механическая память	57,25	46,77	34**

Таблица 3 – **Оценка познавательных процессов детей в экспериментальных ситуациях 2 и 3**

Параметры	M (средневыборочные значения)		G-критерий
	Ситуация 2	Ситуация 3	
Концентрация внимания	61,51	61,92	81*
Избирательность внимания	51,59	38,66	56**
Зрительная память	68,94	76,37	64**
Слуховая память	57,05	65,84	49**
Логическая память	61,8	57,74	61*
Механическая память	52,09	46,77	56*

щихся. Состояние логической памяти достоверно лучше в учебной деятельности с гаджетами, чем при свободном обращении детей к электронным устройствам. Зрительный и слуховой виды памяти наиболее активизированы в ситуации свободной деятельности учащихся с гаджетами.

По параметрам «концентрация внимания», «избирательность внимания» средневыборочные значения в разных экспериментальных условиях несколько отличаются в сторону повышения концентрации и избирательности внимания во время свободной деятельности учащихся с гаджетами (игра, просмотр видео, нахождение в социальных сетях), однако значимых сдвигов не выявлено. По параметру «механическая память» наиболее высокие показатели в первой экспериментальной ситуации, однако существенных сдвигов также не обнаружено. Скорее всего, такие результаты можно объяснить наличием повышенной заинтересованности учащихся в свободной деятельности с гаджетами по сравнению с учебной деятельностью даже с использованием технических средств.

Заключение. Полученные экспериментальные результаты позволяют сделать следующие основные заключения.

Концентрация и избирательность внимания, различные виды памяти (зрительная, слуховая, логическая, механическая) наиболее активизированы у учащихся 8 лет в ситуации, не предполагающей какую-либо деятельность с использованием гаджетов.

Зрительная, слуховая и механическая память, а также концентрация и избирательность внимания достоверно выше активизированы в условиях традиционной учебной деятельности, не предполагающей использования технических средств.

Познавательные процессы детей, кроме логической и механической памяти, более активизированы в ситуации свободной деятельности с гаджетами, чем в ситуации учебной деятельности с использованием гаджетов. Данный факт можно объяснить наличием высокого интереса у детей к развлекательному контенту.

Таким образом, наилучшим условием для развития внимания и памяти учащихся 8 лет является традиционная учебная деятельность. По сравнению с ней в ситуации учебной деятельности с гаджетами, а еще более в ситуации свободной деятельности с гаджетом показатели большинства когнитивных параметров детей существенно ухудшаются. Полученные данные демонстрируют необходимость более рационального использования электронных средств обучения на I ступени общего среднего образования.

Литература

1. Солдатова, Г.У. Особенности развития когнитивной сферы у детей с разной онлайн-активностью: есть ли золотая середина? / Г.У. Солдатова, А.Е. Вишнева // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – № 3(27). – С. 97–118.
2. Кульбах, Е.С. Система педагогических требований к использованию информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе ВУЗа / Е.С. Кульбах, Е.Р. Зинкевич // Современная наука. – 2011. – № 3(6). – С. 88–90.
3. Борзенкова, О.А. Особенности развития внимания в образовательной деятельности младших школьников (теоретический аспект) / О.А. Борзенкова, Е.П. Ким // Гуманитарные Балканские исследования. – 2019. – Т. 3, № 1(3). – С. 8–11.
4. Лимонцева, Г.В. К.Д. Ушинский о нравственном значении внимания и памяти в формировании личности / Г.В. Лимонцева // Психология: проблемы практического применения: материалы I Междунар. науч. конф., Чита, июнь 2011 г. / под общ. ред. Г.Д. Ахмедовой. – Чита, 2011. – С. 39–46.
5. Макарова, Н.Г. Внимание и память: значение психических процессов для личности в современном обществе / Н.Г. Макарова // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: материалы XXVII Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 29 апр. 2013 г. / Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2013. – С. 171.
6. Сидоров, К.Р. Мощность внимания / К.Р. Сидоров // Вестн. Удмурд. ун-та. Сер. Философия, психология, педагогика. – 2011. – № 1. – С. 144–146.
7. Веккер, Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов / Л.М. Веккер. – М.: Амалфея; Смысл, 1998. – 685 с.
8. Петровский, А.В. Общая психология: словарь: в 6 т. / А.В. Петровский. – М.: ПЕР СЕ, 2005. – 251 с.
9. Истратова, О.Н. Психолог в начальной школе: справ. материалы / О.Н. Истратова, Т.В. Эксакусто. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. – 406 с.
10. Касьянов, С.А. Психологические тесты / С.А. Касьянов. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.
11. Немов, Р.С. Психология: учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений / Р.С. Немов. – 4-е изд. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 640 с.
12. Вергелес, Г.И. Младший школьник: помоги ему учиться: книга для учителей и родителей / Г.И. Вергелес, Л.А. Матвеева, А.И. Раев. – СПб.: Союз, 2000. – 159 с.

Поступила в редакцию 07.04.2021

УДК 37.015.3:005.321:004

Использование информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности педагога-психолога

Лауткина С.В., Татти П.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Отличительной чертой современности является активное внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) практически во все сферы общества и государства. Быстрое развитие ИКТ за последние десятилетия обусловлено ощутимым преимуществом данных технологий над другими при решении определенных задач в различных сферах жизни. ИКТ используются и в системе образования, в том числе и в профессиональной деятельности педагога-психолога.

В данной статье представлены результаты исследования особенностей использования ИКТ в профессиональной деятельности педагога-психолога. Преимущественно респонденты отвечали на вопросы о применении ими социальных сетей и сети Интернет, о трудностях в использовании ИКТ в профессиональной деятельности.

Цель работы – изучение особенностей использования ИКТ в профессиональной деятельности педагога-психолога.

***Материал и методы.** Эмпирическое исследование проводилось среди 32 практикующих педагогов-психологов города Витебска. Гендерный состав специалистов: 24 женщины и 8 мужчин. Для проведения исследования была разработана анкета, состоящая из 20 вопросов открытого и закрытого типа. Анкета была реализована на базе площадки «Google формы». Исследование осуществлялось в режиме онлайн, без личного присутствия интервьюера.*

***Результаты и их обсуждение.** Нами были исследованы основные способы использования ИКТ, возможность применения различных интернет-площадок для реализации профессиональной деятельности специалистов. Изучены представления специалистов о возможности использования сети Интернет для налаживания межведомственного взаимодействия. При этом выявлен высокий процент респондентов, считающих возможным использовать сетевые функции для реализации профессионально важных задач.*

***Заключение.** В ходе проведенного исследования у педагогов-психологов был выявлен достаточный уровень умений и навыков, необходимых для использования современных ИКТ в профессиональной деятельности. Прослеживается заинтересованность в развитии сетевого диалогового взаимодействия между специалистами на разных площадках.*

***Ключевые слова:** информационно-коммуникационные технологии, педагог-психолог, социальные сети, Интернет.*

Use of Information and Communication Technologies in Professional Work of the Psychologist Teacher

Lautkina S.V., Tatti P.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

A distinctive feature of today is the active introduction of information and communication technologies (ICT) in almost all spheres of the society and the state. The rapid development of ICT over the past decades is due to the tangible advantage of these technologies over others in solving certain tasks in various spheres of life. ICT are also used in the education system, including in the professional activity of a psychologist teacher.

This article presents the research findings of the features of using ICT by psychologist teachers in their professional activities. Predominantly the respondents answered the questions about using social networks and the Internet and about difficulties of using them in professional work.

The purpose of the article: to study the possibility of using ICT in professional work of a psychologist teacher.

***Material and methods.** The empirical research was conducted among 32 practicing psychologist teachers of the City of Vitebsk. The gender composition of the specialists was 24 women and 8 men. For the research, a questionnaire was developed, consisting of 20 open and closed type questions. The questionnaire was implemented based on the Google Forms platform. The research was conducted online, without the personal presence of the interviewer.*

***Findings and their discussion.** We have investigated the main ways of using ICT, the possibility of using various Internet sites for the implementation of professional activities of specialists. The specialists' ideas about the possibility of using the Internet to establish interdepartmental interaction have been studied. At the same time, a high percentage of respondents were identified who consider it possible to use network functions for the implementation of professionally important tasks.*

***Conclusion.** During the research, it was revealed that psychologist teachers generally have a sufficient level of skills necessary to use modern ICT in their professional activities. There is interest in the development of network dialogue interaction between specialists at different sites.*

***Key words:** information and communication technologies, the psychologist teacher, social networks, the Internet.*

Переход к постиндустриальному обществу ознаменовал стремительное внедрение информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) во множество сфер человеческой жизнедеятельности. На современном этапе развития технологической сферы применения и преобразования информации способность использовать ИКТ во многом предопределяет успешность выполнения задач образования и воспитания обучающихся.

Термин ИКТ используется в различных трактовках множеством авторов. В нормативно-правовых актах Республики Беларусь чаще всего встречается такая дефиниция: «Информационно-коммуникационные технологии – совокупность информационных технологий и технологий электросвязи, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, распространение, отображение и использование информации в интересах ее пользователей» [1].

ИКТ – это технологии, связанные с телекоммуникацией, т.е. общением на расстоянии посредством всемирной сети Интернет, направленные на интеграцию субъектов в единое информационное пространство. Создание и развитие информационного общества предполагает широкое применение ИКТ в образовании, что определяется рядом факторов:

– ИКТ значительно ускоряет передачу накопленных знаний и опыта от субъекта к субъекту;

– ИКТ помогают человеку быстрее адаптироваться к происходящим социальным изменениям, ускоряют социализацию;

– ИКТ позволяют изменять существующие методы работы, усовершенствовать уже имеющиеся.

Информационно-коммуникационные технологии являются образовательной технологией и предполагают использование не только компьютеров, но и всего многообразия современных технических средств обучения, например, устройств обработки информации, периферийного компьютерного оборудования, средств связи, средств мультимедиа, а также специальных ассистивных средств для пользователей с особыми образовательными потребностями.

С помощью ИКТ в образовательном процессе можно решать различные *дидактические и организационные задачи:*

– сбор, хранение, передачу, преобразование, анализ и применение разнообразной информации;

– создание единой информационно-образовательной среды обучения;

– повышение доступности образования, расширение форм получения образования;

– совершенствование форм и методов преподавания;

– расширение и совершенствование форм образовательного процесса (виртуальные школы, лаборатории, университеты и др.);

– возможность индивидуальной траектории образования;

– повышение мотивации обучающихся;

– усиление роли самостоятельной работы обучающихся;

– индивидуализация работы педагога;

– независимость образовательного процесса от места и времени обучения;

– возможность совершенствования методического и программного обеспечения образовательного процесса;

– непрерывность образования и повышение качества образования в течение всей жизни.

Образовательные средства ИКТ представлены всевозможными аппаратно-программными средствами, ориентированными на активное взаимодействие с обучающимися. Практика проведения уроков с использованием ИКТ показывает, что они имеют большее коррекционное воздействие, чем обычные уроки. Учащиеся на таких уроках активно и охотно включаются в работу, заметно увеличивается время, в течение которого учащиеся готовы сосредоточенно и самостоятельно выполнять необходимые для усвоения темы задания. Следует отметить, что применение ИКТ оправдано тогда, когда они эффективны, т.е. позволяют при одних и тех же затратах субъектов образовательного процесса получать более высокий результат или получать тот же результат при меньших затратах субъектов образовательного процесса.

Значительную роль во внедрении ИКТ сыграла растущая распространенность сети Интернет и технических средств. Согласно данным, предоставленным Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, за 2019 год, удельный вес населения, использующего сеть Интернет в возрастной группе от 6 до 72 лет, составляет 82,8%, сотовую связь – 97,4%, персональный компьютер – 75,3%. По сравнению с показателями 2013 года заметен рост по перечисленным показателям на 24,4%, 3,7% и 14,5% соответственно [2].

В настоящее время деятельность педагога-психолога тесно связана с работой в сфере ИКТ. Несмотря на распространенность и значимость таких технологий, специалисты часто сталкиваются с рядом проблем, связанных с использованием ИКТ. Примером таких затруднений может служить:

1) низкая заинтересованность в развитии навыков использования современных ИКТ;

2) несоответствие технического и программного оснащения выполняемым задачам;

3) отсутствие специализированного обучения при стремительном развитии современных ИКТ.

Не существует единого подхода в классификации ИКТ. В основе разработанных классификаций ИКТ лежат разные критерии. Наиболее часто встречаемые классификации ИКТ по следующим критериям: *по виду решаемых педагогических задач* (средства, обеспечивающие базовую подготовку; вспомогательные средства; средства практической подготовки; комплексные средства) и *по типу информации* (с текстовой информацией, с аудиоинформацией, с видеоинформацией и т.д.) [3].

Исходя из данных литературы в своей психолого-педагогической деятельности педагоги-психологи чаще всего используют следующие ИКТ (таблица).

Применение ИКТ позволяет значительно ускорить и упростить деятельность педагога-психолога, однако специалисты не всегда знают о данных технологиях и не всегда умеют работать с ними. В связи с вышесказанным целесообразным является изучение осведомленности педагогов-психологов о необходимости и возможности использования ИКТ в профессиональной деятельности.

Цель работы – изучение возможности использования ИКТ в деятельности педагога-психолога.

Материал и методы. Эмпирическое исследование о необходимости и возможности применения ИКТ в деятельности педагога-психолога проводилось среди 32 практикующих специалистов города Витебска, из них 24 женщины (75%) и 8 мужчин (25%). Для этого была разработана анкета, состоящая из 20 вопросов открытого и закрытого типа. Анкета была реализована на базе площадки «Google формы», т.е. исследование полностью проводилось в режиме онлайн, результаты получены при помощи глобальной сети Интернет без личного присутствия интервьюера.

Основная часть вопросов направлена на изучение сетевого взаимодействия как одного из составляющих ИКТ. В анкету также были включены вопросы, предполагающие собственный вариант ответа (полное написание ответа без предложенных вариантов).

Таблица – **Направления использования информационно-коммуникационных технологий в психолого-педагогической деятельности**

Направление работы	Сущность	Средства
Оформление психолого-педагогической документации	Составление планов, разработка мероприятий, составление отчетной документации	Программы работы с текстом, таблицами, презентациями (пакет Microsoft Office)
Налаживание межведомственного взаимодействия	Передача документации в электронном виде, диалоговое общение между специалистами различных структур	Мессенджеры, социальные сети и др.
Создание мультимедийных дидактических и методических материалов	Придание наглядности и доступности отобранным материалам, улучшение качества восприятия информации	Фотовидеоредакторы, пакеты работы с презентациями и др.
Использование поисковых ресурсов сети Интернет	Поиск информации в сети Интернет	Поисковые службы, социальные сети
Использование готовых обучающих программ	Подбор наиболее подходящих обучающих программ для решения конкретных психолого-педагогических задач	Серия «Супердетки», «Смешарики»
Дистанционное диалоговое взаимодействие	Организация и реализация общения субъектов образовательного процесса	Конференции, круглые столы, форумы, семинары, профессиональные сообщества
Психодиагностика	Организация и проведение психодиагностики	Психодиагностический инструментарий, программы для количественного анализа массивов данных, онлайн-площадки для проведения психодиагностических процедур

В исследовании участвовали как педагоги-психологи учреждений образования, так и специалисты с частной практикой. Особенностью данного исследования является тот факт, что оно проводилось полностью в режиме онлайн, с минимальным количеством личных контактов с респондентами. Так, для распространения материала опросного листа была создана анкета, которая, по своей сути, является полноценной онлайн-страницей, но предоставляет достаточно широкий функционал для создания и редактирования опросных листов. Распространение материала происходило посредством отправки ссылки на онлайн-форму, необходимую для заполнения.

Результаты и их обсуждение. В итоге проведенного исследования были получены следующие данные: для выхода в Интернет практикующие специалисты чаще всего используют смартфон (62,5%), вторым по популярности выступает домашний компьютер (25%), менее всего респонденты пользуются компьютером на работе (12,5%). По своим значениям результаты весьма схожи с общемировыми показателями аналитического агентства We Are Social и SMM-платформы Hootsuite, полученными при изучении данной проблематики в 2020 году (смартфон – 53,3%, персональный компьютер – 44%, планшетные компьютеры – 2,7%, прочие устройства – 0,07%) [4].

Наиболее часто используемым техническим средством в нашем исследовании выступает смартфон ввиду своих явных преимуществ в виде мобильности, автономности и удобства применения. Данный показатель свидетельствует о том, что при разработке мобильных приложений, методических рекомендаций, инструкций следует отталкиваться от того, что пользователи отдают предпочтение, прежде всего, мобильным устройствам. Работая с документом, необходимо учитывать то, что, скорее всего, сначала он будет открыт пользователем на мобильном устройстве, и первое впечатление о нем будет получено именно в мобильной версии, а затем уже в полноразмерной версии для персонального компьютера.

Далее рассмотрим полученные результаты о цели использования сети Интернет нашими респондентами. Для поиска информации в личных целях Интернет используют 40,6% респондентов, для общения – 37,5%, для поиска информации в рабочих целях – 12,5%, для просмотра фильмов – 9,4%. Данный показатель говорит о том, что преобладающими целями использования глобальной сети Интернет являются поиск информации и общение. Данные результаты следует учитывать специалистам. Во-первых, при получении информации в Интернете всегда есть опасность получения недостоверной информации в сети, пользователи используют ее в режиме «как есть». Во-вторых, Интернет давно и активно используется для коммуникации людей. Коммуникативная функция Интернета приводит к потере «живого» общения, «живых» контактов, к обеднению имеющихся связей, а в дальнейшем – к затруднениям, сложностям диалогического и монологического устного и письменного высказывания.

Считают возможным использование сети Интернет для реализации различных направлений в профессиональной деятельности 90,6% респондентов, не считают это таковым 9,4%. В настоящий момент значительная составляющая деятельности педагогов-психологов осуществляется через глобальную сеть.

При анализе ответов респондентов по вопросу методов работы психолога в сети Интернет получены следующие ответы. 71,9% респондентов считают возможным проведение консультаций, 59,4% – психодиагностики, 50% – обучение и профессиональное общение, 28,1% – организация межведомственного взаимодействия. На открытый вопрос были получены ответы о невозможности переноса методов работы психолога в сеть Интернет в 6,1% случаев. Других вариантов ответа не было.

По мнению респондентов, наиболее полные возможности для профессионального общения в сети Интернет предоставляют мессенджеры (65,8%), социальные сети (15,6%). В меньшей степени такие возможности дают интернет-форумы и специализированные сайты для учреждений образования (9,4%), что также подтверждается общемировой тенденцией. Так, лидер рынка социальных сетей Facebook постепенно уходит от «полной версии» своих сайтов к менее ресурсоемким приложениям, таким как «Facebook Messenger». Это же подтверждается ростом количества мессенджеров на рынке. Несмотря на то, что количество полезных возможностей в мессенджерах меньше, чем в полноразмерных версиях, чаще всего именно они становятся лидерами на рынке по количеству пользователей, что связано, прежде всего, с меньшей ресурсоемкостью приложений и возможностью максимально быстрого обмена сообщениями, избегая «лишнего» функционала.

Свой уровень умений и навыков сетевого взаимодействия 62,5% специалистов отмечают как средний, 31,3% – как высокий и 6,3% – как низкий.

С правилами сетевого взаимодействия знакомы 50% педагогов-психологов, 37,5% – не знакомы с этими правилами, 12,5% – отмечают, что в сети Интернет нет правил. Несмотря на то, что половина респондентов ответили, что они знакомы с правилами участия в сетевых дискуссиях, другая половина либо не знает о наличии та-

ких правил, либо считает, что в сети нет правил как таковых. Это может свидетельствовать как о низком уровне осведомленности специалистов о наличии таких правил, так и о низкой культуре сетевого взаимодействия ввиду незнания или нежелания придерживаться правил сетевого диалогового взаимодействия.

Анализ ответов респондентов, касающихся представления специалистов о важности участия педагогов-психологов в сетевом диалоговом общении с учащимися и их родителями, дал следующие результаты: 62,6% респондентов считают важным такого рода взаимодействие, 21,9% опрошенных не видят в этом необходимости, достаточно и личного общения, 15,6% респондентов испытывали трудности с ответом.

На похожий вопрос о важности участия психологов в сетевом диалоговом общении с коллегами были получены схожие результаты. Так, важным это считают 65,6% опрошенных, 25% – «за» личное общение с коллегами, 9,4% не смогли ответить на этот вопрос.

Проанализировав блок вопросов о необходимости сетевого диалогового общения с коллегами, обучающимися и их законными представителями, следует сказать, что более 60% респондентов считают важным такого рода взаимодействие. Это является значимым показателем возросшей потребности для специалистов в таком взаимодействии.

На вопрос о том, необходимо ли обучение специалистов навыкам сетевого диалогового общения, 65,6% респондентов ответили утвердительно, 18,8% – отрицают эту необходимость и 15,6% – не смогли ответить на данный вопрос. Хорошо заметен выделяющийся процент заинтересованности специалистов в навыках сетевого диалогового общения, что может свидетельствовать о повышенном спросе на такого рода взаимодействие.

Далее было проведено изучение мнения специалистов о формах повышения навыков сетевого диалогового взаимодействия. Специалисты нуждаются в курсах повышения квалификации – 71,9%, подготовке на базе учреждений, обеспечивающих дополнительное профессиональное образование, – 68,8%, индивидуальных консультациях – 62,5%, самообразовании – 37,5%. Данный вопрос включал вариант ответа с возможностью указания своего варианта, им воспользовались 6,2% респондентов и ответили, что в этом нет необходимости.

Важными навыками для успешного общения в сети Интернет 62,5% опрошенных назвали навыки владения персональным компьютером и общие навыки общения, 59,4% – знание норм и правил языка.

Специалисты обозначили основные факторы, влияющие на успешность сетевого профессионального общения: компьютерная грамотность и знание общих правил ведения диалогового общения (65,6%), готовность человека идти на контакт (56,3%), возрастной фактор (40,6%). Как видно из исследования, самый высокий процент респондентов считает наиболее важным фактором навыки владения персональным компьютером и готовность идти на контакт.

О существовании сетевых психологических сообществ осведомлены 81,3% респондентов, не знают о таких сообществах 18,8% опрошенных. Необходимыми такие площадки считают 75%, не видят необходимости в них 25% опрошенных специалистов.

Отмечают, что знакомы с основными положениями «сетевого этикета» 50% респондентов, не знают о таком – 34,4%. При этом 15,6% участников анкетирования полагают, что такого явления, как сетевой этикет, не существует и Интернет полностью свободен от норм и правил.

Считают возможным повысить свой профессиональный уровень посредством сетевых сообществ 46,9% опрошенных, не считают возможным – также 46,9%, не смогли ответить на данный вопрос 6,3% респондентов. В этом вопросе мнения респондентов разделились практически поровну, что достаточно странно ввиду того, что в совокупности с высоким процентом респондентов, осведомленных о наличии такого рода сообществ, только 46,9% считают возможным повысить свой профессиональный уровень. Возможно, это связано с низким образовательным уровнем членов сообществ, с которыми респонденты имели опыт общения.

На открытый вопрос о том, какие темы для общения в сетевом профессиональном сообществе были бы интересны респондентам, были получены следующие предложения: чаще всего предлагались темы семейной и социальной психологии, следующими по популярности выступают сетевые сообщества и межведомственное взаимодействие.

Заключение. Высокий уровень подготовки специалистов в сфере использования ИКТ – требование времени. Применение такого рода технологий не только упрощает профессиональную деятельность педагогов-психологов, но и в значительной степени улучшает качество выполнения профессиональных задач специалистами. Необходимость овладения навыками использования современных технологий – особенности современной действительности, продиктованные стремительным развитием не только данных технологий, но и социальными отношениями, возникающими в пределах всемирной сети.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что у специалистов в большинстве своем достаточный уровень умений и навыков, необходимых для использования современных ИКТ в профессиональной деятельности. Прослеживается явная заинтересованность в развитии сетевого диалогового взаимодействия между специалистами. Сложность же их реализации заключается, прежде всего, в ресурсоемкости данных площадок, также достаточно трудно будет перебороть негативный опыт использования низкокачественных площадок распространения материалов околонаучной тематики.

Литература

1. О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 8 нояб. 2011 г., № 515 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 125. – 1/13064.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2020: стат. сб. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/c68/c68ec3c1ac53374bedc363044769f2c1.pdf. – Дата доступа: 17.07.2021.
3. Классификация Информационно-коммуникативных технологий в образовании [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=29675717. – Дата доступа 17.07.2021.
4. Digital 2020: global digital overview [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview. – Дата доступа: 17.07.2021.

Поступила в редакцию 03.09.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богатырёва Валентина Васильевна – ректор ВГУ имени П.М. Машерова, доктор экономических наук, профессор.

Богомаз Сергей Леонидович – заведующий кафедрой психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Гайдич Ольга Петровна – аспирант кафедры психологии УО «БрГУ имени А.С. Пушкина», магистр психологических наук.

Гуминский Максим Николаевич – исполняющий обязанности начальника отдела проведения специальных мероприятий управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми криминальной милиции управления внутренних дел Витебского облисполкома, магистр юридических наук.

Заборовский Виктор Викторович – профессор кафедры гражданского права и процесса ГВУЗ «УжНУ», доктор юридических наук, профессор.

Капусто Анна Владимировна – доцент кафедры аналитической экономики и эконометрики БГУ, кандидат физико-математических наук, доцент.

Клименко Валерий Адамович – советник Исполнительного комитета СНГ, доктор социологических наук, профессор.

Костюкова Светлана Николаевна – заместитель заведующего кафедрой корпоративных финансов по профориентационной работе БГУ, кандидат экономических наук, доцент.

Куневич Георгий Георгиевич – старший преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета БГУ.

Лауткина Светлана Владимировна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук.

Миин Ян – магистрант ВГУ имени П.М. Машерова.

Русак Ирина Николаевна – заведующий кафедрой экономики организации ИУК Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат экономических наук, доцент.

Самотошенкова Ксения Андреевна – преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова.

Сергиевич Татьяна Владимировна – доцент кафедры «Экономика и право» БНТУ, кандидат экономических наук, доцент.

Совейко Евгения Игоревна – старший преподаватель кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Солодовников Сергей Юрьевич – заведующий кафедрой «Экономика и право» БНТУ, доктор экономических наук, профессор.

Татти Павел Сергеевич – магистр психологических наук.

Уласевич Юлия Вадимовна – студентка 3-го курса ИУК специальности «Государственное управление и экономика» Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Фаузер Виктор Вильгельмович – главный научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, доктор экономических наук, профессор.

Фурманов Игорь Александрович – заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук БГУ, доктор психологических наук, профессор.

Шарпило Марина Владимировна – студентка 4-го курса специальности «Финансы и кредит» экономического факультета БГУ.

Шматков Игорь Иванович – заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Шмуракова Марина Евгеньевна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук.

Янкевич Елена Михайловна – старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова; аспирант кафедры экономики и управления туристической индустрии УО «БГЭУ».

Янчук Валерий Александрович – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук.

Янчук Владимир Александрович – профессор кафедры психологии учреждения образования «Академия последипломного образования», доктор психологических наук.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bogatyreva Valentina Vasilyevna – Rector of Vitebsk State P.M. Masherov University, Dr.Sc. (Economics), Professor.

Bogomaz Sergei Leonidovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Gaidich Olga Petrovna – Postgraduate Student of Brest State A.S. Pushkin University Department of Psychology, Master of Psychology.

Huminski Maksim Nikolayevich – Acting Head of Special Events Section of Vitebsk Region Administration Department of Internal Affairs Criminal Militia Drug Control and Human Trafficking Department, Master of Law.

Zaborovski Viktor Viktorovich – Professor of State Higher Education Establishment "Uzhgorod National University" Department of Civil Law and Process, Dr.Sc. (Law).

Kapusto Anna Vladimirovna – Assistant Professor of Belarusian State University Department of Economics and Econometrics, PhD (Physics and Mathematics), Assistant Professor.

Klimenko Valeri Adamovich – Counselor SIC Executive Committee, Dr.Sc. (Sociology), Professor.

Kostiukova Svetlana Nikolayevna – Deputy Head in Charge of Career Advising of Belarusian State University Department of Corporate Finance, PhD (Economics), Assistant Professor.

Kunevich Georgi Georgiyevich – Senior Lecturer of Belarusian State University Law Faculty Department of Constitutional Law.

Lautkina Svetlana Vladimirovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Education).

Miying Yang – Master Student of Vitebsk State P.M. Masherov University.

Rusak Irina Nikolayevna – Head of Department of Economics of the Republic of Belarus President Academy, PhD (Economics), Assistant Professor.

Samotoshenkova Kseniya Andreyevna – Teacher of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process.

Sergiyevich Tatyana Vladimirovna – Assistant Professor of Belarusian National Technical University Department of Economics and Law, PhD (Economics), Assistant Professor.

Soveiko Evgeniya Igorevna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Solodovnikov Sergei Yuryevich – Head of Belarusian National Technical University Department of Economics and Law, Dr.Sc. (Economics), Professor.

Tatti Pavel Sergeyevich – Master of Science (Psychology).

Ulasevich Yuliya Vadimovna – Third Year Student of the Republic of Belarus President Academy majoring in State Administration and Economics.

Fauzer Viktor Vilgelmovich – Head Researcher Institute of Social-Economic and Energy Problems of the North of Komi Research Center of the RASc Ural Branch, Dr.Sc. (Economics), Professor.

Furmanov Igor Aleksandrovich – Head of Belarusian State University Faculty of Philosophy and Social Sciences Department of Social and Organizational Psychology, Dr.Sc. (Psychology), Professor.

Sharpilo Marina Vladimirovna – Fourth Year Student of Belarusian State University Faculty of Economics Finance and Credit.

Shmatkov Igor Ivanovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process, PhD (Law), Assistant Professor.

Shmurakova Marina Evgenyevna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology).

Yankevich Elena Mikhailovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process; Postgraduate Student of Belarusian State Economic University Department of Economics and Tourist Industry Management.

Yanchuk Valeri Aleksandrovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process, PhD (Economics).

Yanchuk Vladimir Aleksandrovich – Professor of Academy of Post-Diploma Education Department of Psychology, Dr. Sc. (Psychology).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «**Право. Экономика. Психология**» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

– индекс УДК;

– название статьи;

– фамилия и инициалы автора (авторов);

– организация, которую он (они) представляет (-ют);

– введение;

– раздел «Материал и методы»;

– раздел «Результаты и их обсуждение»;

– заключение;

– список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел **«Материал и методы»** включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе **«Результаты и их обсуждение»** автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список **литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

– реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

– ключевые слова на языке оригинала;

– название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

– номер телефона, адрес электронной почты автора;

– рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

– экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal **"Law. Economics. Psychology"** publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

– UDC index;

– title of the article;

– surname and initials of the author (s);

– represented organization;

– introduction;

– section "Materials and Methods";

– section "Results and Discussions";

– conclusion;

– bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section **"Materials and Methods"** includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section **"Results and discussions"** the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section **"Conclusion"** must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

– abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

– key words in the original language;

– name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

– the author's phone number, e-mail address;

– recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

– expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat. VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 29.11.2021. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 12,29. Тираж 100 экз. Заказ 177.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.